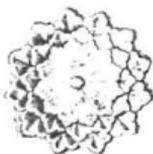

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Н. Я. МАРРА
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

II

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

АКАДЕМИИ
1948

НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

Акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ОБ ОДНОМ ЭПИТЕТЕ В НАДПИСИ БРОНЗОВОГО ТАЗА ЛУЛУ

Большой прогресс в изучении арабской эпиграфики сказался, между прочим, в том, что постепенно обрисовывается круг формул и канонизированных выражений, встречающихся в надписях. В настоящее время работа над чтением и пониманием их значительно облегчена, так как большинство ходовых фраз, начальных и заключительных формул, хвалебных эпитетов и отдельных слов находят параллели и поддержку в уже известном материале.

Все же этот репертуар полностью еще не исчерпан и не определен: почти каждая новая надпись приносит и новый материал, иногда ясный с первого взгляда, иногда вызывающий сомнения, впрямь до поддержки какой-нибудь параллелью в другом авторитетном источнике. При издании бронзового таза Бадр ад-Дйна Лулу в первом выпуске „Эпиграфики Востока“ (стр. 9—22) встретился именно такой случай. Издательница справедливо указывала (стр. 15), что „для целого ряда выражений в привлеченном выше материале параллелей не нашлось...“

Большинство их все же понимается без труда, во один хвалебный эпитет пришлось, тем не менее, оставить под вопросом, ввиду не только его уникальности в надписях до настоящего времени, но и необычности сравнительно с общепринятыми образами.

Герой надписи, наряду с другими доблестями, обыкновенно упоминаемыми и в параллельных случаях, называется, между прочим, *ḳātil al-maḥl* (стр. 10), причем чтение второго слова, благодаря хорошей сохранности надписи, не вызывает никаких сомнений и колебаний в своем согласном комплексе (стр. 18). Перевод эпитета, если только не обращать внимания на характер обычной образности надписей, тоже затруднений не представляет: *maḥl*, хорошо известное в классическом языке слово, значит обыкновенно 'засуха, отсутствие дождя' [см., например, словарь Лэна (Lane), VIII, 3018]. Национальные словари чаще всего поясняют его аналогичным по значению *ḡadb* 'засуха, неурожай'. Таким образом, издательница надписи имела все основания перевести эпитет 'уничтожитель засухи' (стр. 10), исходя из основного значения *ḳātil* 'убийца'. Однако при большой конкретности большинства эпитетов в надписях, олицетворение засухи в виде живого существа заставило ее сопроводить чтение и перевод вопросительным знаком (там же), а наличие параллельных

сочетаний с *ḳātil* обыкновенно *ḳātil al-mušrikīn* 'избиватель многобожников' или *ḳātil al-kafara* 'избиватель неверных' даже выразить предположение о возможности здесь орфографической ошибки.

Что арабистам эти колебания понятны, подтвердило письмо крупнейшего представителя нашей специальности в Англии, оксфордского профессора Х. А. Р. Гибба (H. A. R. Gibb) от 29 мая 1947 г. Обращаясь к изданной надписи, он между прочим пишет:¹

«Фраза *قاتل المحل* должно быть *تحريف*, и так как слово после *قاتل* может относиться только к какому-то врагу, мне было интересно знать, не есть ли *المحل* ошибка вместо *المغل*. До сих пор я не нашел исторических текстов, которые определенно утверждали бы, что Бадр ад-Дйн вступал в войну с Моголами, но в *السلوك* ал-Мақрийзи (изд. Зийāде), I, стр. 315 и 320, в году 642 есть упоминание о *قطيعة التتير*, которая взималась в Сирии по приказам Бадр ад-Дйна. В тех обстоятельствах это может значить только «налог для войны против Татар», и это подсказывает мысль (как это показывает следующая фраза в надписи *نصير المجاهدين*), что Бадр ад-Дйн заявлял претензию быгь защитником ислама против Моголов (*Μυχαλοκτόνος*)».

От соблазнительного в известном смысле предположения Х. А. Р. Гибба, однако, приходится отказаться, так как параллель к редкому эпитету все же нашлась, хотя пока лишь литературная, а не эпиграфическая.

Тысячелетний юбилей со дня рождения поэта Абū-л-'Алā ал-Ма'арри (27 раб' I 1363 г. = 22 марта 1944 г.), торжественно отпразднованный во всех арабских странах, вызвал появление большого количества посвященных ему работ и изданий. Между прочим, Французский институт в Дамаске, под редакцией Ибрāхима Кейлāни издал² неизвестную до сих пор монографию об Абū-л-'Алā позднего литератора Йūsуфа ал-Бадй'и (ум. в 1070/1662 г.), хорошо знакомого, главным образом, по весьма ценной монографии о поэте ал-Мутанаббй.³ В изданной теперь книге автор приводит, между прочим, извлечения из одной касыды-панегврияка Абū-л-'Алā, где в части, прославляющей героя, имеется следующий стих:⁴

القاتل المحل اذا تبدو السماء لنا * كأنها من نجيع الجذب في أزر

При первом взгляде ясно, что в начальных словах мы имеем тот же эпитет, как в надписи, с незначительным изменением грамматической конструкции, которое вызвано, по всей вероятности, метрическими требованиями.

¹ Цитату из письма Х. А. Р. Гибба привожу в русском переводе.

² Yousuf al-Bad'i. Biographie d'Abou-l-'Ala al-Ma'arri éditée et annotée par Ibrahim Keilani. Damas, 1944 (Institut Français de Damas. Collection de textes orientaux, t. IV).

³ См. особенно: R. Blachère. Un poète arabe du IVe siècle de l'Hégire (Xe siècle de J.-C.): Abou t-Tayyib al-Motanabbi. Paris, 1935, стр. XVII—XIX, 29J.

⁴ Стр. 45, строка 10.

Касыда относится к первому периоду творчества Абū-л-'Алā. Полностью она приводится в его известном сборнике „Сақт аз-занд“ (‘Искры от огня’)¹ и в комментарии на него „Шарх ат-танвир ‘алā Сақт аз-занд.“² Все произведение содержит 74 стиха и посвящено, в основном, прославлению неизвестного нам ближе лица из земляков Абū-л-'Алā. Он называется в стихотворении только по своей племенной принадлежности ал-Фусаифей (стих 22-й); собственное имя его было, повидимому, ‘Абдаллах (стих 41-й). Род Фусаифей, вероятно, не пользовался особой славой, так как он не нашел себе упоминания ни в известном своде ас-Сам‘аний, ни в генеалогических таблицах Бюстенфельда (Wüstenfeld), однако ат-Табарий около 291/904 г. приводит интересное для нас упоминание о том, что и тогда представители его обитали около родины Абū-л-'Алā, городка Ма‘аррат ан-Ну‘ман.³

Узко провинциальная известность названного лица не препятствует, конечно, Абū-л-'Алā представлять его в чисто мутанаббиевских тонах героем мирового масштаба и на этом строить панегирическую часть, в которую включен интересующий нас стих. Вся пьеса выдержана в строго канонических рамках композиции классической касыды. Обычная вводно-описательная часть заканчивается очень эффектным, с арабской точки зрения, переходом к панегирику — переходом, построенным на живом для арабов и тогда противоположении между южноарабскими и североарабскими племенами. Так как верблюдица, на которой Абū-л-'Алā совершает свое фиктивное поэтическое путешествие к покровителю, принадлежит к лучшей породе из области Махра в южной Аравии, то это дает ему право сказать (стих 22-й):

بَاهَتْ بِبَهْرَةٍ عَدَنَاتًا فُقُلْتُ لَهَا * لَوْلَا الْغُصَّيْمِيُّ كَانَ الْمَجْدُ فِي مُصْرٍ

‘Она хвалится [южным племенем] Махра перед [североарабским племенем] ‘Аднāя, но я ей говорю: если бы не было [героя] ал-Фусаифей, то слава была бы у Мудара [потомков племени ‘Аднāя].’

Комментарий разъясняет, что герой происходит из южноарабского племени Танух, потомков племени Кудā‘а, а не будь этого, более славным пришлось бы признать племя Мудар, откуда происходят и пророк и халифы.

За этим стихом естественно следует панегирическая часть, посвященная ал-Фусаифей, которая занимает две трети всего стихотворения (стихи 23—74-й). Для выяснения полного контекста, сравнительно с надписью, интерес для нас представляют лишь три первые стиха здесь (стихи 23—25-й):

وَقَدْ تَبَيَّنَ قَدْرِي أَنْ مَعْرِفَتِي * مَنْ تَعَلَّمِينَ سَتُرْمِينِي عَيْنَ الْقَدْرِ
الْقَاتِلِ الْمَخْلُ إِذْ تَبَدُّو السَّمَاءَ لَنَا * كَانَتْهَا مِنْ تَجْمِيعِ الْمَدْبِ فِي أُرْدِ
وَ قَاسِمِ الْجُودِ فِي عَالٍ وَ مُنْخَفِي * كَقَسَمَةِ الْعَيْثِ بَيْنَ النَّجْمِ وَ الشَّجَرِ

¹ Изд. Бейрут, 1884, стр. 8—10.

² Изд. Каир, 1286/1869 г., т. I, стр. 30—41.

³ История ат-Табарий, лейденское изд., серия III, 2239. 7—8:

... من كان بمكة النعمان وبناحية الغصيمي... من الفرسان والحالة...

[23] Судьба моя выяснила, что знакомство мое с тем, кого ты знаешь [ал-Фусайси], удовлетворит меня относительно судьбы.

[24] Он избивает засуху, когда небо предстанет перед нами точно в покрывалах от крови неурожая.

[25] Он делит щедрость между возвышенным и низким, как делится дождь между травой и деревом¹.

Понимание всех использованных Абӯ-л-'Ала образцов не вызывает никаких сомнений. Оно поддерживается и комментарием, который, в частности, окончательно уточняет интересующий нас эпитет в стихе 24-м. Комментарий говорит: 'то есть он убивает засуху [yaḳtul al-ḡadb], разбивает неурожай от нее и несчастье, щедро одаряя людей, так что они оказываются в изобилии от его даров. Поскольку поэт сделал его убийцей засухи [kātīl al-maḥl], он дает понять, что кровь от засухи попала на небо, и то покраснело, так как небо краснеет по краям от засухи, почему и говорится „красный год“.

При такой, филологически обоснованной арабской традицией параллели, хотя бы и литературной, а не эпиграфической, нет больше оснований сомневаться в правильности чтения надписи на блюде. Конечно, не следует предполагать, что составитель надписи заимствовал эпитет непосредственно из стихотворения Абӯ-л-'Ала: весьма возможно, что он был с ним знаком, но Абӯ-л-'Ала и в данном случае отражал только общий репертуар образности, распространенный и в его эпоху и двумя веками позже, который был, вероятно, хорошо известен литературно образованному составителю надписи.

В поэзии параллели могут быть найдены и теперь. Один из предков знаменитого александрийского эмира-хамданида Сейф ад-даули по имени Хамдāн ибн Хамдун был прозван mukābid al-maḥl, т. е. 'твердо переносящий засуху, борец с засухой' (ср.: Лэн, VII, 2584*) за то, что три года поддерживал своим провиантом население Мосула и Дийār-Рабий', страдавшее от неурожая. Его потомок, известный поэт Абӯ Фирās (932—968) сохранил об этом память в стихе ...ثَلَاثَةَ أَغْوَامٍ يَكَابِدُ مَحَلِّهَا 'три года он боролся с засухой там...'² Не будет ничего удивительного, если рано или поздно вызывавший сомнения эпитет найдет себе параллель не только в поэтическом памятнике, но и в эпиграфике.

Может быть, не безинтересно отметить, что в том же самом произведении Абӯ-л-'Ала есть еще один стих, представляющий некоторое разъяснение одного образа в той же самой надписи, — стих, который заставляет задуматься, правильно ли придаваемое обыкновенно этой формуле толкование. В противоположность первому, образ принадлежит к числу нередко встречающихся в надписях и имеет много параллелей. В надписи, посвященной Лӯлу, он читается

¹ Эта цитата лишний раз может служить обоснованием значения слова an-paḡm 'травя' в том месте Корана, о котором я писал в 1930 г. (Доклады Академии Наук СССР, серия В, стр. 181—185).

² См. дивāн Абӯ-Фирāса в издании Саймī ад-Далхāна, т. II, Дамаск—Бейрут, 1944, стр. 110, стих 69-й и комментарий к стиху 68-му, стр. 125, строка 8 и 11.

издательницей *hāmi t-ṭugūr bi-t-ṭa'n fi t-ṭagr* (стр. 10) и переводится 'защитник границ ударами копыя в лицо'. Последнее не совсем точно, так как *ṭagr* значит 'зубы', переносно 'рот', а затем 'горное ущелье, цепь горных вершин на границе' и, наконец, 'граница' вообще (Словарь Лэна, I, 338—339). В более новом языке — 'город на берегу моря, порт' (Словарь Х. К. Баранова, I, 59). Ближайшая к этому параллель имеется в одной надписи, изданной Виетом (Wiet), который переводит (стр. 22, № 27) *le protecteur des marches en frappant à la mâchoire*,¹ что во второй части является довольно произвольным. Такая необходимость некоторой натяжки в обоих переводах говорит о неясности образа при обычном чтении. Тем более трудно предполагать, чтобы именно 'удар копыем в зубы' являлся признаком военной доблести, если даже заменять основное значение произвольным 'лицо' или 'челюсть'. Мне кажется, что стих *Абѳ-л-Алѳ* и здесь дает возможность найти правильный путь понимания.

Говоря о лошади своего героя, *Абѳ-л-Алѳ* характеризует ее свойства, между прочим, таким образом (стих 39-й):

مِنَ الْجِيَادِ اللَّوَاتِي كَانَ عَوْدَهَا * بَنُو الْفُصَيْصِ لِقَاءِ الطَّغْيِ بِالْتَّغْرِ

...из тех благородных коней, которых племя ал-Фусаиф причило встречать удары копыя грудью.

Чтение *at-ṭugar* вместо принятого издателями надписей *at-ṭagr* закрепляется с неизбежностью размером стиха. Слово *at-ṭugar* является множественным от единственного *at-ṭugra*, с анатомическим значением точнее *ṭugrat an-naḥr*, т. е. *fovea jugularis* (франц. *fossette sus-sternale ou jugulaire*),² иначе говоря, 'ямка между грудью и шеей' — то, что в русском просторечии иногда называется 'душка'. Образ *Абѳ-л-Алѳ* ясен уже сам по себе, а комментарий не оставляет сомнений в нем, перефразируя смысл 'то есть, лошадь его из тех коней, которых они причили двигаться в бою вперед и подвергать себя ударам копыт, встречая удары и грудью, и шеей, не уклоняясь от них'. Слово *ṭugra* (мн. *ṭugar*) в классическом языке одинаково может применяться к человеку, равно как к коню и верблюду, однако в конном бою естественнее всего ожидать, что оно имеет в виду, как и в стихе *Абѳ-л-Алѳ*, коней.

Эта параллель позволяет заключить, что в общеизвестной фразе эпиграфических памятников надо читать не так, как до сих пор принято *bi-t-ṭa'n fi t-ṭagr*, но *bi-t-ṭa'n fi t-ṭugar* и понимать '[защитник границ] ударами копыя в грудь [вражеских коней или врагов]'. Образ оказывается естественным для обеих сторон — нападающей и обороняющейся, ведь и мы говорим: «встречать удары грудью». С другой стороны, 'удар копыем в зубы', как бы ни стремиться смягчить его отходом от буквальности, в памятнике высокого стиля — поэтическом или эпиграфическом — будет звучать грубо и фальшиво.

¹ G. Wiet. Catalogue général du Musée Arabe du Caire. Objets en cuivre, Le Caire, 1932, стр. 273.

² P. de Koning. Trois traités d'anatomie arabe. Leide, 1903, стр. 815.

Вьет в указанной работе привел одну цитату из старого издания Дози (Dozy),¹ не обратив внимания на то, что она как раз противоречит принятому им толкованию *mâchoire* 'челюсть'. Там определенно говорится: „*vulnus in ثغرة fovea juguli letale est: qui igitur طعان فى الشجر hostes statim interficere solet*“; ясно, что Дози имеет в виду *tugta*, мн. *tugar*, а не *tagt* с тем значением, которое придает ему Вьет.

Помимо окончательного, как мне кажется, обоснования правильного чтения и толкования двух образов, встретившихся в надписи на бронзовом тазе Лулү, из высказанных соображений можно сделать и более общий вывод: они говорят о том, что при изучении эпиграфических памятников бывают иногда полезны не только непосредственно связанные с ними исторические, повествовательные источники, но и литературные произведения, даже такой на первый взгляд далекой области, как поэзия.

¹ R. Dozy. *Scriptorum arabum loci de Abbadidis*, v. III. Leide, 1863, стр. 93—94.

М. М. ДЬЯКОНОВ

НЕСКОЛЬКО НАДПИСЕЙ НА КАЙРАКАХ ИЗ КИРГИЗИИ

А. Н. Бернштам, возвратясь осенью 1946 г. из экспедиции в Киргизию, привез несколько эстампажей, снятых с надгробных камней из кишлака Сафид Буланд (восточная Фергана), ныне находящихся вокруг архитектурного памятника, называемого местным населением Шах-Фазиль.

Всего разобрано семь надписей. К сожалению, вскоре после того, как расшифровка и перевод надписей были сделаны, эстампажи были утрачены, поэтому здесь не могут быть уточнены особенности почерков, и вся публикация носит предварительный характер.

№ 1. Надпись тонким декоративным кўфй, вырезанная уверенной профессиональной рукой.

1. الله باقى
2. معين اعان الاسلام و اكرم
3. الانام و اطعم الطعام و حج
4. بيت الحرام و زا [5]. قبر محمد عليه السلام
5. فرجه الله و هو محمد بن محمود بن احمد بن
6. محمود بن اشعث بن منصور بن حميد بن ابي
7. صالحى [sic] بن ارد بن ارسلان المعروف بحجاج
8. معين الصابونى غفره الله و اجداده و حفظ
9. عن المكارم اولاده فى الثالث
10. وعشرين من شوال سنة اربع و سبعين
11. و خمس مائة

[1] Аллах вечен! [2] Помощник наиспешествующий ислама и щедрейший [3] [к] людям, питающий питанием, паломник [4] Запретного дома, посетитель могилы Мухаммада, мир с ним! [5] Да помилует его бог, а он Мухаммад, сын Махмуда, сына Ахмада, сына [6] Махмуда, сына Аш'аса, сына Мансūra, сына Хамйда, сына Абū [7] Талиба, сына..., сына Арслāна, известный, как Хаджджāдж, [8] Му'йн ас-Сабūнй, да простит Аллах его и его предков и да сохранит [9] в благоволении детей его. В [день] три [10] и двадцать [23-го] шаввāля года четыре и семьдесят [11] и пятьсот [23 шаввāля 574 г. хиджры/3 апреля 1179 г. н. э.].

№ 2. Надпись почерком кұфй. Непрофессиональная рука, есть ошибки.

1. قبر
2. خواجه اجل
3. صائب فخر التجار
4. محمد بن هيدر الله [sic]
5. الخوي غفر الله له
6. سنة ست و سبعين
7. و خمس مائة

[1] Могила [2] х'аджи славнейшего, [3] праведного, славы купцов [4] Мухаммада, сына Хайдараллаха [5] ал-Хубй, да простит ему Аллах! [6] Год шесть и семьдесят [7] и пятьсот [576 г. хиджры/1180—81 г. н. э.]

№ 3. Надпись почерком насх, курсивным, с лигатурами, характерными для монгольского времени.

1. هذا مرقد
2. الشيخ الامام الاجل العالم العادل الزاهد المتقى
3. المجاهد المفتى اقوام الملة والدين افتخار الواعظين
4. ناصح المسنين معزز العلمها مجمع الفضائل قانون الفقهاء
5. ابو [1] لمحمد محمد بن داود الاشتيكاني [?] تغمده الله برحمته
6. في يومى [?] جمادى الآخر من شهر سنة اربع و ستين و ستمائه

[1] Это гробница [2] шейха, имāма, славнейшего, мудрого, преданного [богу], праведного, благочестивого, [3] борца за веру, муфтия, опоры общины и веры, славы проповедников, [4] советника мусульман, гордости ученых, собрания совершенств, закона законовевов, [5] обладателя достоинств — Мухаммада, сына Дāуда ал-Уштыканий [?], да покроет его Аллах своею милостью! [6] В день [?] джумāдā второго, из месяцев года шестьсот шестьдесят четвертого [март—апрель 1266 г. н. э.]

№ 4. Отгиск вышел слабо. Как видно, буквы вырезаны неглубоко. Во всем сходен с № 3.

1. هذا مرقد
2. الشيخ الامام الاجل
3. ...
4. علا الدين بن علي بن ابي الحسن بن ابي [?] العقيل المكي...
5. ...
6. في رمضان سنة اربع و سبعين و ستمائة... غفر....
7. امين رب العالمين

[1] Это гробница [2] шейха, имāма славнейшего...; [3]... [далее можно разобрать часть родословной погребенного: строка 4] 'Алā ад-дйна, сына 'Алй, сына Абū-л Ҳасана, сына [Абū?]'-л 'Ақйля ал-Маккй [5]...', [а также дату, строка 6]: '...в рамадане года шестьсот семьдесят четвертого...'

[Февраль—март 1276 г. н. э.]. [В 7 строке можно прочесть]: '...аминь господу миров...'

№ 5. Написана беглым насхом, искусным почерком, который сходен по типу с №№ 3 и 4.

1. هذا قبر الشيخ الاجل الاكرم الامجد الاظهير
2. الزاهد البارع الورع المتقى مجد الملة والدين
3. شيخ الاسلام والمسئولين مفتى الامت كاشف العمر
4. استاذ الا... امين الخلال والحرام ابن الشيخ
5. الامام التمام نظام الملة ناصر التبريدة [?] اخطب
6. الخطبا وهو ابن الشيخ الامام الافضل الاكمل نجم العلما
7. والدين مفتى الخافقين تلقين العقه والنظر صدر صدور
8. ابراهان الملة والدين صاحب المع[امد] قدس الله ارواحهم [و] مرقدهم
9. مجد التبريد... محمد بن احمد الفماني [?] في جمادى... خمس...

[1] Это могила шейха славнейшего, щедрейшего, превосходнейшего, поддерживающего [ислам], [2] преданного [богу], лучшего, богобоязненного, благочестивого, славы общины и веры, [3] шейха ислама и мусульман, муфтия людей общины, открывателя намерений, [4] учителя..., устанавливающего разрешенное и запретное, сына шейха, [5] устроителя общины, защитника благочестия [?], знаменитейшего [6] из хатибов, а он сын шейха, имāма знаменитейшего, совершеннейшего, звезды ученых [7] и веры, муфтия Востока и Запада, толкователя закона и теорий, сада садров, [8] доказательства общины и веры, обладателя совершенств, да осветит Аллах души их и могилы их! [9] Слава преданности [богу]... Мухаммад сын Ахмада ал-Фамāни [?]. [Месяца] джумāдā... пять...'

№ 6. Написана грубым насхом, с переносом слов, с ошибками.

1. الشيخ الزاهد
2. صاحب الكرامة ميا
3. رك بن اسحاق المنقّب
4. بمرتاز فخر الله له
5. ولوالديه ولاصحا
6. به و اناية [?] و الدعاء
7. لكاتبه

[1] Шейх праведный, [2] обладатель благородства Муба [3] рак ибн Исхāк, прозванный [4] Баззāз. Да простит Аллах ему [5] и его родителям, и его близ[6]ким. Милость [?] и молитва [7] написавшему это°.

№ 7. Примитивным почерком, без диакритических знаков.

1. اغل خاتون
2. خدايا اين
3. ضعيفه را بيامرزد

[1] Оғул Хātūн. [2] Бог әту [3] женщину да помиует!

Все эти надгробия находятся в настоящее время у кишлака Сафид Буланд, вокруг почитаемой мусульманской святыни, носящей у местного населения название Шах-Фазиль.¹ Это место почиталось еще в средние века. Среднеазиатский автор Джемаль Қарши, написавший в самом начале XIV в. сочинение „Прибавление к словарю Сурах“ на арабском языке, так говорит об этом святилище:

و مشهد الرؤس و مشهد النفوس باسبید بلان و يقال بها
الغان و سبعائة من الصحابة و التابعين جاؤا غزاة ارسلم
امير المؤمنين عثمان بن عفان رضی الله عنه و عنهم و امر
عليهم محمد بن جرير فاستشهدوا ثمة جميعا

И место мученичества глав и душ в Исбид Булане. И говорят о нем, что две тысячи семьсот спутников [пророка] и их последователей сражались с неверными. И послал их амір правоверных 'Осмāн ибн 'Аффāн, да будет доволен Аллах им я ими. А командовал ими Мухаммад ибн Джарйр, и все они вместе погибли.²

Надгробные камни, подобные описываемым, называемые кайраками, весьма распространены в Средней Азии. Некоторое количество кайраков издано, но эти публикуются впервые.³

Надпись № 1 наиболее ранняя из приводимых здесь. Надгробие принадлежит человеку, совершившему паломничество в Мекку и пользовавшемуся известным почетом и уважением. В строках 5—8-й дается длинная родословная покойного, до десятого колена. Необходимо отметить, что после восьми арабских имен идет имя нечитаемое, но явно несходное ни с одним из извест-

¹ Об этом памятнике см.: Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Ферганы. Сб. „Искусство Средней Азии“, М., 1930; Sohn-Wieler. Turan. Berlin, 1930, стр. 21, 36; Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, стр. 70 сл.; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940, стр. 60.

² О Джемале Қарши см.: В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, Исследование. СПб., 1900, стр. 52. Цитату привожу по „Текстам“, приложенным к указанному сочинению (ч. I, стр. 148). См. еще: В. Бартольд, ук. соч., II, стр. 160; Н. Н. Щербина-Крамаренко. Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, отд. IV, стр. 51.

³ В „Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии“ (ниже — ПТКЛА), имеется несколько заметок, посвященных надгробным надписям этого рода. Так, изданы три надписи из Угуена, 665, 669 и 779 г. х.: ПТКЛА, II, Протокол от 16 X 1897 г., стр. 5 сл. В статье А. В. Брянова „О следах древнего города Касана“ изданы, но не переведены две надгробные надписи из Касана, 663 и 667 г. хиджры“ (ПТКЛА, IV, стр. 153). Эти надписи весьма близки к публикуемым. См. еще: ПТКЛА, V, 73—74, 104—113; Н. Пантусов. Кладбище на р. Кунгей-Аксу. ПТКЛА, XI, 5—26. Характер этих надписей существенно отличается от публикуемых; одна датирована 582 г. х. М. Хартман (M. Hartmann) в „Orientalistische Literatur Zeitung“ (ниже — OLZ), 1906, стр. 28—34, 233—240, 297—304, 361—372, 421—431 в серии статей под общим заглавием „Archäologisches aus Russisch-Turkestan“ издал три кайрака Ташкентского музея 290, 541 и 608 г. х. с важным комментарием. См. еще: Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, I, стр. 244—245 — кайрак 230 г. х., VIII, 242—243 — кайрак 541 г. х.; там же полная библиография.

ных арабских имен, вероятно тюркское, а последнее — явно тюркское, хорошо известное — Арслан. Считая поколение примерно в 30 лет, можно сказать, что предок интересующего нас Мухаммада ибн Махмуда — Арслан [или его сын] принял ислам на рубеже IX и X вв. Покойный происходил из городской ремесленной среды, о чем свидетельствует его прозвище *Ṣābūnī* ('мыльник'). Это обстоятельство заставляет нас думать, что он, вероятно, был суфием, не только потому, что среда городских ремесленников XI—XII вв. была суфийской по преимуществу, но и потому, что прозвище *Ṣābūnī* известно в окружении знаменитого суфия XI в. Абū Са'йда. Известны два носителя такого прозвища — Абū Бакр и Исма'ил *Ṣābūnī*.¹ Ошибок в надписи нет, кроме странного *ابى صالبي*, что должно, повидимому, означать *ابى طالب*, как указано в переводе.

Надпись № 2 представляет особый интерес, потому что покойник являлся купцом, о чем говорит почетное прозвание *فخر التجار* 'слава купцов'. В Фергану он, повидимому, попал из далекого Азербайджана, если поверить его нисбе *ад-Ḥōī*.² Любопытно, что купец назван *خواجه* 'х'аджа'. В науке существует представление, что в XI—XII вв. так называли еще только государственных чиновников. Считалось, что купцы стали называться „х'аджа“ только в послемонгольское время.³ Свидетельство нашей надписи требует пересмотра этого положения. Надпись сделана неграмотной рукой, о чем говорит хотя бы написание слова *Ḥайдараллах* через *ه*.

Надписи №№ 3, 4 и 5 принадлежат к одному времени и сделаны на надгробиях представителей духовенства. Весьма схожие по титулатуре надгробные надписи известны по приложению к статье А. Брюнова о древностях Касана.⁴ Эти надгробия чрезвычайно близки и территориально к нашим памятникам (Сафид Буланд находится в непосредственной близости от Касана). Очень сходна с рассматриваемыми надписями и изданная М. Хартманом надпись Ташкентского музея, датированная 608 годом хиджры.⁵

М. Хартман подвергает подобную титулатуру подробнейшему разбору⁶ и устанавливает, что это совершенно сложившийся тип, распадающийся на определенные подразделения: а) „основное слово“ — *Urwort* с эпитетом (у Хартмана *المجلسى الرفيع*, отсутствующее в наших надписях, но имеющееся во второй касанской надписи);⁷ б) титул, в) лақаб. Таким образом, если взять для примера надпись № 3, то она распадается на титул (от начала до слова *المفتى* в строке 3-й) и на лақаб — строки 3—4-я. Эта титулатура,

¹ В. А. Жуковский. Тайны единения с богом в подвигах старца Абū Са'йда. СПб., 1899, стр. 156, 166, 167, 194 (Исма'ил), 257 (Абū Бакр).

² В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 143.

³ ПТКЛА, IV, стр. 153.

⁴ ПТКЛА, IV, стр. 153.

⁵ OLZ, 1906, стр. 237 сл.

⁶ OLZ, 1906, стр. 301 сл.

⁷ ПТКЛА, IV, стр. 153.

сходная с титулатурой феодалов,¹ складывается, вероятно, в XII—XIII вв. и живет до позднего средневековья.²

Интересна нисба надписи № 3. Она написана без диакритических знаков, однако мне думается, что ее можно читать Уштікәни. Тогда окажется, что погребенный некогда под этим камнем Мухаммад ибн Дәуд был родом из Уштікәна, ферганского города, известного по сообщениям многих средневековых авторов.³

Формула в строке 5-й *تغمده الله برحمته*, повидимому, была очень распространена в это время. Мы встречаем ее и в надписи Ташкентского музея, изданной Хартманом,⁴ и в касанской надписи, изданной Брюновым,⁵ и в литературных произведениях.⁶

Надпись № 4, как указывалось выше, плохо отпечаталась. По второй строке можно видеть, что надпись была весьма схожа с № 3. Покойный был 'Алидом и возводил свой род к знаменитому 'Ақйлю ал-Маккй, брату 'Али ибн Абү Тәлиба (строка 4-я).⁷

Надпись № 5 лишена даты, но по палеографическим данным, по характеру титулатуры покойного, его отца и деда может быть без колебания отнесена ко второй половине XIII в. Интересен титул деда: *مفتى الحافقين*, т. е. 'муфтий двух сторон горизонта [Востока и Запада], неизвестный мне по другим источникам, но явно перекликающийся с титулом *مفتى الشرق و الصين*, отмеченным Хартманом в его надписи С.⁸ Нисба *الغمانى* не поддается пока расшифровке.

Надпись № 6 была, вероятно, на могиле еще одного представителя суфийской ремесленной среды, о чем говорит лақаб покойного — *баззәз 'торговец хлопчатобумажными тканями*'. Титул *صاحب الكرامة* должен, вероятно, переводиться 'чудотворец'. Ср. распространенное в суфийской среде *كرامة* в значении 'чудо, содеянное святым человеком', в отличие от *مُعْجِزَة* — 'чудо, содеянное богом через своего пророка, с целью доказать подлинность его призвания'. Обращает на себя внимание неграмотно написанное *اناية* вместо *غناية* и переносы слов из строки в строку.

Надпись № 7 стоит особняком. Она написана примитивным почерком по-персидски и не дает никаких данных для датировки. Интересно имя покойной — Огул Хәтүн. Как любезно сообщила мне Е. М. Пещерева, такое прозвание давалось в Средней Азии до последнего времени женщинам, желавшим рождения сына.

¹ Ср. титулатуры Айубидов и Мамлюков в Египте и Сирии.

² Ср. данные, приводимые Хартманом из египетской „Китаб янша“ XV в. (OLZ, 1906, стр. 356).

³ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, стр. 158.

⁴ OLZ, стр. 1906.

⁵ ПТКАА, IV, стр. 153.

⁶ См. *اخلاق ناصرى*, индийское изд. 1913 г., стр. 8.

⁷ Encyclopédie de l'Islam, s. v. 'Aқil.

⁸ OLZ, 1906, стр. 299 сл.

Заканчивая, следует сказать, что приводимые выше надписи интересны с разных точек зрения. Они дают некоторое представление о городской ремесленно-торговой суфийской среде XII в., дают важную в историко-культурном отношении титулатуру духовных лиц XIII в., проливают новый свет на термин „х^а’аджа“ для XII в. и являются важными памятниками арабской эпиграфики на территории СССР.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить благодарность А. Н. Бернштаму за предоставление мне этих материалов для опубликования и А. Н. Болдыреву за товарищескую помощь при разборе надписей.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ИЗ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЕ

I

НАДПИСЬ МАВЗОЛЕЯ „МАНАС-ГУМБЕЗ“

Надпись на мавзолее, известном под названием „Манас-Гумбез“, впервые упоминается в сообщении В. В. Бартольда, сделанном 11 марта 1899 г. на заседании Восточного отделения Русского археологического общества.¹ Отмечая малоудовлетворительное состояние надписи, В. В. Бартольд, как видно со слов Калаура, от которого он получил список с надписи, пишет, что она „читается с большим трудом“, и приводит лишь имя похороненной в мавзолее женщины и одно слово даты. При этом воспроизведение арабским шрифтом имени передано неточно. Вместо ясно написанного كبرى приводятся كبرى. В соответствии с этим и чтение имени передано „Керик“ или „Кезик“, что безусловно неточно. Другое упоминание об этой надписи имеется в рецензии М. Е. Массона (на работы Б. Засыпкина), помещенной в „Известиях по изучению Таджикистана“ (т. I), где передается точно начертание имени похороненной, но без чтения его. Таким образом, надпись полностью до сих пор не опубликована.

Как и сам памятник, надпись эта сильно пострадала. В настоящее время недостает начальных слов, не имеющих особого значения для понимания контекста; нехватает, к сожалению, двух слов конца надписи — а именно основной части даты. Кроме того, совсем недавно выпал кусок в середине надписи с именем отца похороненной. Но, к счастью, сохранившаяся фотография 1924 г. дает полную возможность для восстановления этого отрезка надписи; дата же безнадежно исчезла. Надпись в виде буквы „П“ тянется вдоль портала мавзолея, охватывая всю арку входной ниши. Почерк ее — обычный для эпиграфики архитектурных памятников Средней Азии XIV—XV вв. Буквы надписи вплетены искусно в сложный и тонко исполненный растительный орнамент. Вопреки мнению информатора В. В. Бартольда, читается надпись вполне свободно. Некоторые неясности должны быть, как видно, отнесены за счет возможных ошибок при написании.

¹ ЗВО, XII, стр. V.

Рис. 1. Мазар „Манас-гумбез“. Общий вид.
Фот. Ф. Балдермана, 1924.

Рис. 2. Мазар „Айша Биби.“ Угловая колонка с персидской надписью; деталь.
Фот. Кавказской археологической экспедиции ГАИМК 1936 г.

Ниже дается начертание и перевод надписи с учетом фотографии 1924 г. (рис. 1).

عالمه للصالحه المستورة المحذرة نتيجة السعادت فاتحة الخيرات
 رابعة الزمان مغفرة النساء كسرك خاتون بنت الامير الاجل
 المختره المكرم منبع الجود والكرم ناصر الصيف و القلم امير ابوك
 و سقا الله سراهما و جعل الجنة مثواهما و كان ذلك فى غرة من شهر
 رمضان و هو شهر مبارك (هـ) الله المبارك سنة اربع....

[Эта величественная гробница] добродетельной, целомудренной [букв. — закрытой], скромной [букв. — покрытой покрывалом], идеала счастливых [женщин], зачинательницы богоугодных дел, Раби'и и эпохи, славнейшей из жен || Кенйзек Хятун, дочери амира превосходного,¹ почитаемого, уважаемого, источника щедрости и милости, победителя мечом и пером, амира Абўка и да напоит Аллах их могилу и да сделает Аллах рай их местопребыванием, и было это в начале месяца рамадана, || а он является месяцем Аллаха благословенного в году четвертом...

II

НАДПИСЬ НА КАМНЕ НА ГОРЕ „МАНАС-СУПА“

Вблизи этого гумбеза на южной стороне вершины горы, известной под названием „Манас-Супа“, на каменной глыбе высечена надпись, состоящая из пяти строк. Разобрать полностью содержание надписи не удалось. Высечена она, как видно, малограмотным человеком и неопытным мастером. Помимо „басмалы“ читается вполне определенно лишь имя, высеченное на нижней строчке, а именно — ‘Али-Дервиш, сын Мухаммада: على درويش
بن محمد

Назначение этой надписи не совсем ясно. Вероятно она предназначена для здания, сложенного из камней на самой вершине горы, служившей сторожевым пунктом.

III

НАДПИСЬ НА НАДГРОБНИ В ДЖАМБУЛЬСКОМ МАЗАРЕ

Надпись в мазаре, находящаяся в самом Джамбуле, приведена полностью В. В. Бартольдом в указанном сообщении. Перевод ее, сделанный В. В. Бартольдом, таков: ‘Это сад великого царя и знатного начальника, знающего, справедливого, щедрого, владетеля меча и пера, рудника щедрости и благородства, выступающего по повелению бога, опирающегося на сеидательство бога, заключения эпохи, родины щедрости и благотворительности, отца благородных и хороших качеств, Балыг-Булга-Улуг-Бильга-Икбал-хана Давуд-бека

¹ Чтение двух последних слов исправлено М. Е. Маассоном.

² Эпиграфика Востока, II

Исфаксалāра, сына Ильяс-огул-бека Шаханшаха. „На друзьях божиих нет страха, и они не будут огорчены“ [Кор., 10, 63]. Смерть его [последовала] в ночь на пятницу 8-го джумади I-го 660 г. [31 марта 1262 г.]

Список, сделанный мной с плиты на месте, в части титулатуры совпадает с опубликованным переводом. Однако имя похороненного по моей записи читается иначе, а именно:

و... تلغ توڤکا الغ بیلکا اقبال خان داد [داود] بیگ اسغیسلا ر بن
الیاس... لد اغول بیگ الشیمیر داد بیگ الط [ازی]

что я читаю: ‘Кутулуг-Тунга¹ Улуг Бильга Иқбаль-Хāн Дод — [Дā’вūd?] бек Сифаксалār сын Илйās ... Огул бека, известного под именем Дод [Дā’вūd] — бек ат-Тар[āзи]’.

К сожалению, снятая фотография оказалась столь неудовлетворительной, что проверить оба варианта по ней нет возможности.

IV

НАДПИСИ НА МАЗАРАХ В ГОЛОВАЧЕВКЕ

Надписи на мазарах, находящихся в селении Головачевка, очень плохо сохранились.

На первом из них удалось прочесть лишь следующие слова:

هذا المرقد العالی الله اعال (?)... المرعوة باباجی خاتون
عاصره...

‘Эта величественная гробница ...называемой Абādжй Хātūн (или Бāбā-джй-Хātūн). Строитель ее...’²

На втором из них (рис. 2) надписи сохранились лишь на угловых колонках. В отличие от всех остальных надписей они написаны на персидском языке. По всей вероятности, здесь высечено какое-то двустипшие. Вот те слова, которые могут быть с той или иной степенью вероятности прочтены на левой колонке:

مهرگان ابراست ... وزمین خوشی...

‘Осень ... тучи. Земля прекрасна...’

Внутри мазара, в стенку надгробия среди других обломков вклеена плитка со следующими буквами:

ال شاه خان علا

что можно прочесть: ‘Иль [аль] Хāн Шāх...’ Почерк этой надписи имеет некоторое сходство с почерком надписи первого мавзолея, но точно они не совпадают.

¹ Такое чтение предложено А. Ю. Якубовским, указавшим на наличие этого слова и в надписи на мавзолее в Узгенде (Эпиграфика Востока, I, М.—Л., 1947).

² Согласно сообщению М. Е. Массона, на старой фотографии „прошлого столетия“ ясно читалось имя строителя: „Мухаммад сын...“

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЬБОМ ПО АРАБСКОЙ И ПЕРСИДСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

В начале июля 1940 г. мне пришлось впервые увидеть альбом из Архива Географического общества. На зеленом бархатном переплете разм. 21.5 × 16.4 см вытеснен золотом узор на обеих крышках снаружи и надпись „Album“ на верхней крышке; форзац сделан из цветной бумаги с мраморовидным рисунком. В альбоме 56 страниц с золотым обрезом 20.8 × 15.8 см, они пронумерованы карандашом на лицевой стороне; между 34—35-й страницами одна страница не нумерована. Бумага белая, плотная, пожелтевшая; страницы 39—48-я из другой, желтоватой и коричневой, бумаги.

После первого ознакомления с альбомом я дала его краткую характеристику и предварительное описание для Архива Географического общества.¹ Обстоятельства в 1940 и последующих годах не позволяли мне вернуться к детальному изучению альбома; но уже первое знакомство с его содержанием заставляет меня теперь обследовать его всесторонне, в связи с историей изучения арабской эпиграфики в России в пятидесятых годах XIX в.

Альбом содержит изображения надписей арабским шрифтом на арабском языке по преимуществу и в меньшем количестве — на персидском, а кроме того несколько рисунков акфаг ельк. Общее число надписей, включая фрагменты, — 76; рисунков акварелью 14. Шестьдесят четыре надписи изображены густой и разбавленной тушью на отдельных листках белой бумаги и наклеены на лицевой и оборотной стороне без системы; остальные надписи скопированы неразбавленной тушью. Многие изображения надписей несомненно переклеены с первоначального места: их формат не совпадает с расположением уголков, оторванных при удалении предшествующей наклейки. Большая часть надписей перенумерована; иногда две надписи и более имеют одинаковый номер. Некоторые номера перечеркнуты и заменены другими. Никакой последовательности в нумерации при расклейке не соблюдено. Четыре надписи

¹ Известия Всесоюзного Географического общества, т. 73, вып. 3, М.—Л., 1941, стр. 462. — Резюме доклада В. А. Крачковской о „Неизвестном альбоме материалов по арабской эпиграфике“ см.: Вестник Академии Наук СССР, т. III, М.—Л., 1947, стр. 120—121. — Автореферат доклада см.: Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка, М.—Л., 1947, т. VI, вып. 1, стр. 85—86.

исполнены акварелью и три из них имеют подпись рисовальщика „Ф. Рыковский“. На страницах альбома ко многим надписям дана аннотация карандашом, с указанием места нахождения оригинала. Кроме того, значительное число текстов сопровождается арабской транскрипцией на полях около рисунка или на соседней странице. При переклейке изображений аннотация оставалась на первоначальном месте, а также и оборвавшиеся уголки; изображения на вторичных местах помещены уже анонимно, без аннотаций.

Подписи владельца в альбоме не имеется. Чтобы выяснить личность составителя и время составления альбома, рассмотрим подробнее его содержание. Среди изображений сразу бросаются в глаза несколько хорошо знакомых воспроизведений надписей из Азербайджана и Дагестана. Н. В. Ханыков иллюстрировал ими свою известную статью в „Journal Asiatique, V-ème série“ (1862 г.) „Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase“,¹ частью издал в более ранних публикациях. Однако в альбоме можно найти не весь графический материал из работы, в которой Ханыков подытожил свои изыскания по арабской и персидской эпиграфике Кавказа и резюмировал частичные публикации. В альбоме нет рисунков №№ 6, 7 и 12 или №№ 6, 9 и 7 bis, которые повторены в отдельном оттиске из „Journal Asiatique“. Но и наличие их не дает серьезных оснований приписать альбом Н. В. Ханыкову: рисунки могли быть просто скопированы по его изданию или по его материалам и в таком случае автором их мог оказаться Ф. Рыковский или иное лицо.

Все сохранившиеся аннотации не оставляют сомнений в том, что надписи скопированы, за редкими исключениями, на Кавказе, а потому составителя альбома надо искать среди ориенталистов и не-ориенталистов, действовавших на Кавказе. Даты подписных акварелей распределяются между 1851 и 1856 гг. Самая ранняя дата поставлена на стр. 33 об. — 8 мая 1851 г. — на рисунке „Ханага“, № 46, с видом здания кубической формы и стрельчатым арочным порталом; подписи художника здесь не имеется (рис. 1).

На стр. 19 написан акварелью вид здания с массивными стенами и угловыми закругленными башнями. Средняя часть фасада выдвинута вперед; здание имеет два этажа и на оси двойные широкие стрельчатые ворота. В пролете ворот и перед стенами расположены живописными группами из двух-трех фигур кавказские горцы, верховые лошади и слева две повозки с огромными колесами. Эта изящная акварель за № 62 (рис. 2) написана лучше, чем предшествующая; в правом уголке внизу вкось карандашом имеется подпись „P. Riss“ и дата 1852 г. Здание по типу архитектуры может быть ханаккой, но еще скорее каравансараем. Имя P. Riss нашлось в альбоме только один

¹ Статья закончена автором 3 июня 1861 г., но основные материалы для нее были подготовлены, повидимому, на несколько лет ранее: в письме к академику Б. Доржу от 6/13 февраля 1857 г. из Табриза Ханыков писал: „j'ai terminé... la description de toutes les inscriptions musulmanes recueillies dans le Caucase“. Оригинал письма находится в Архиве Института востоковедения АН СССР, фонд 15, опись 2, № 211, № 24.

раз. Другое имя — Ф. Рыковский, кроме уже упомянутых воспроизведений надписей, встречается еще на восьми акварелях с видами различных памятников архитектуры; только при одном рисунке на стр. 51 помечена дата 24 ноября 1856 г.

Как раз в пятидесятых годах на Кавказе развернулась работа по регистрации архитектурных памятников и собиранию надписей. М. Ф. Броссе в области грузинской эпиграфики, И. А. Бартоломей и Н. В. Ханыков в области мусульманской эпиграфики — вот „три кита“, которым принадлежала главная инициатива. По мнению Ханыкова, Ю. Клапрот был единственным сколько-нибудь серьезным ориенталистом, который посетил Кавказ после его присоединения.¹ Для своих современников он делал оговорку только относительно Б. Дорна. Первенствующая роль Броссе в грузиноведении этого периода неоспорима. В оценке Бартоломея и Ханыкова можно колебаться, кому из них вручить пальму первенства: и тот и другой сделали много открытий. Как эпиграфист-исламовед, Ханыков — достойнейший современник Броссе. В собирании надписей энергия Бартоломея не уступала Ханыкову, но все эти имена в альбоме отсутствуют.

Что касается двух акварелистов, то мне не удалось установить личности Ф. Рыковского, но второй, П. Рисс, теперь хотя и забыт, был связан с деятельностью Н. В. Ханыкова. Вспомним сперва несколько эпизодов, относящихся ко времени службы Н. В. Ханыкова на Кавказе.

На службу в Тифлис Н. В. Ханыков перевелся в 1845 г. Перед отъездом туда Френ советовал ему заняться надписями и обратить особое внимание на надпись мечети в селении Шихово около Баку, так как Эйхвальд, со слов муллы, относил ее к 200 г.² В 1847 и 1848 гг. в архиве наместника Кавказа, князя М. С. Воронцова, Ханыков изучал архивные „Дело“, заключавшее „Сведения о местах, почитаемых мусульманами Кавказа, куда они странствуют на поклонение“, со списком всех мечетей, мавзолеев и кладбищ.³ Ханыков извлек также отрывок из „Дербенд-наме“, по изданию Казембека, содержащий названия таких географических пунктов, в которых найдено максимальное число арабских надписей. Эти местности были известны и в XIX в. По мнению Ханыкова, они позволяют проследить продвижение арабской колонизации в Дагестане, особенно по течению реки Самур.⁴

В 1848 г., после такой основательной подготовки, Ханыков совершил полугодовое путешествие по Кавказу, проверяя на местах точность списка, и открыл лично немало надписей. Кроме того, ему были доставлены точные факсимиле со всех более интересных надписей.

¹ Khanukoff, ук. соч., стр. 2, прим. 1.

² Ханыков. Археологическое известие. „Кавказ“, 1850, отд. оттиск, стр. 3—4. (В дальнейшем цитируется: Арх. изв.).

³ Khanukoff. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase, Journal Asiatique, 1862, стр. 3—4. Название „Дела“ дано по-французски, переведено на русский язык мной.

⁴ Khanukoff, ук. соч., стр. 25—26 и 44.

Информаторы Ханыкова были очень различны по социальному положению и культурному уровню. Ханыков насчитывал всего шесть лиц, которые за 15—17 лет до 1850 г. собрали на Кавказе 10 куфических надписей более или менее важного исторического содержания.¹ Несколько копий снял в 1843 г. начальник таможни в Баку, Спасский-Автономов, между прочим, „верный оттиск“ надписи 471/1078 г. на мечети в Баку.² Шушинский уездный начальник, князь Тархан-Моуравов доставил прекрасный оттиск древнейшей, по мнению Ханыкова, куфической надписи Закавказья; он был переслан академику Б. Дорну: это первый эстампаж фриза, который окантовывал оба портала и базу мавзолея 722 г. х. в Барда.³ Представители военного командования тоже обращали внимание на соби́рание надписей, но не всегда результаты бывали удачны; к числу последних принадлежат списки малограмотных копиистов, доставленные в Азиатский музей от генерала Фези и барона Хана. Гораздо лучше справились со своей задачей в 1849 г. в Нахичевани и Ордубаде начальник триангуляции Закавказского края полковник, позднее генерал, О. И. Ходзько и его переводчик, поручик Магат.⁴ Через два года в Ордубаде Архангельский снимал эстампаж на кладбище.⁵ Между прочим, 1851 годом в альбоме датирован рисунок № 46 без подписи на стр. 33 об.; вид довольно разрушенной постройки, названной „Ханаге“, по живописной манере сильно отличается от всех прочих акварелей альбома. Может быть, следует приписать данный рисунок Архангельскому. Надпись 444 г. х. из мечети селения Ханаге Ханыков упоминал в топографическом обзоре, но ни в его публикациях, ни у позднейших исследователей мусульманских надписей Закавказья найти ее не удалось.⁶

В сборе эпиграфических материалов участвовал еще землемер Твердохлебов, состоявший в штате наместника кн. М. С. Воройцова, наконец — представители местного мусульманского населения. Бакинский мулла Абдурахим, бывший информатор Эйхвальда, служил Ханыкову путеводителем при осмотре надписей в селении Шихово и других памятников на Апшеронском полуострове. В беспомощности Абдурахима перед куфическими надписями Ханыков быстро убедился; так же он расценивал попытки прочих местных

¹ Ханыков. Арх. изв., стр. 9.

² Khanukoff. Mémoire... , стр. 15. — Ханыков. Арх. изв., стр. 4.

³ Khanukoff, ук. соч., стр. 14—15. — Ханыков. Арх. изв., стр. 7—8.

⁴ Khanukoff, ук. соч., стр. 16. — Ханыков. Еще археологическое известие. „Кавказ“, 1850. № 85—86, отд. оттиск, стр. 1—3. — Ср. письмо Ханыкова из Тифлиса от 7 июня 1849 г., напечатанное в „Bull. hist.-phyl.“, VIII, № 2 и в „Mél. Asiat.“, I, 1852, стр. 245 под заглавием „Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase extrait de deux lettres de M. Khanukoff. В письме от 27 октября 1850 г. из Тифлиса Н. В. Ханыков обращает внимание академика Б. Дорна на небольшую работу Александра Ходзько, бывш. русского консула в Реште (Архив ИВ АН, фонд 15, опись 2, № 211).

⁵ Khanukoff, ук. соч., стр. 16.

⁶ Khanukoff, ук. соч., стр. 9. — См. по этому поводу ряд соображений в монографии В. А. Крачковской: Изаатды мавзолея Пяр Хусейна. Тбилиси, 1946, стр. 22—24.

ученых.¹ Исключение составлял только Мирзэ Фазыл Хан, бывший придворный поэт Аббас Мирзы, который не раз помогал Ханыкову разбирать надписи и отличался хорошим знанием арабского языка.²

К числу информаторов и сотрудников Ханыкова относится также П. Рисс. Именно последний доставил Н. В. Ханыкову эстампаж надписи на башне в Мардакане, от даты которой Ханыков мог установить только цифру сотен 600 г. хиджры (XIII в.).³ Упомянув эти обстоятельства в указанной работе 1862 г., Ханыков пояснил в примечании, что Рисс — молодой ориенталист французского происхождения, воспитанный в России и известный своим исследованием талышского языка, только что умер в Тифлисе от лихорадки. Так как из „Исторической записки“ В. В. Григорьева „Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования“⁴ видно, что Павел Рисс окончил С.-Петербургский университет по I отделению Философского факультета, кандидатом по разряду восточной словесности в 1851 г., в личности этой сомнений быть не может. Очевидно, на следующий год после окончания университета Павел Рисс посетил Кавказ и тогда написал, между прочим, имеющуюся в альбоме акварель. П. Рисс был чиновником особых поручений при губернаторе Тифлиса и позднее — правителем дел Кавказского отделения Географического общества. Художественное дарование он унаследовал от отца, Франсуа Риса, академика живописи, портретиста тридцатых годов и автора многих работ в Исакиевском соборе. В 1857 г. П. Рисс совершил большое путешествие по северной Персии и умер 3 апреля 1861 г. Отмечу попутно, что фамилия П. Рисса у Ханыкова написана „Riesse“, в отличие от автографа „P. Riss“.

Нельзя пройти мимо вклада художника лейтенанта Юлия Кестнера.⁵ Он известен главным образом зарисовками памятников и надписей в г. Ани. Кроме того, благодаря ему Ханыков впервые обратился к архитектурному сооружению исключительной важности — к мавзолею Ата Баба или Йусуфа ибн Кусайра, который оставался незамеченным, несмотря на девятикратное посещение Ханыковым города Нахичевани. В 1849 г. Ю. Кестнер скопировал надписи этого гумбеза и сделал с него акварельный рисунок, который Ханыков приобрел и отослал в дар Азиатскому музею.

Несомненно, что около 1850 г. внимание к мусульманской эпиграфике на Кавказе заметно повысилось и количество участников эпиграфических сборов удвоилось. Самым ревностным и полезным для эпиграфической жатвы

¹ Ханыков. Арх. изв., стр. 4 и 3.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, огл. отгиск, стр. 11. — Надпись опубликована в „Mél. Asiat.“ т. III, стр. 119, рис. на стр. 137; ср. Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, т. IX, Le Caire, 1937, стр. 257, № 3580. — Mémoire..., стр. 122.

⁴ Эта работа В. В. Григорьева опубликована в С.-Петербурге в 1870 г.; о П. Риссе см. стр. ХСIII. — См. также биографию П. Рисса: Русский биографический словарь, СПб., 1913, стр. 227—229.

⁵ Ханыков. Еще арх. изв., стр. 3.

оказался И. А. Бартоломей. Цифровой учет сделан самим Ханыковым. В кратчайший мыслимый срок — всего за один месяц июнь 1850 г. — Бартоломей доставил Ханыкову из глуши Дагестана 9 оттисков куфических надписей, 1 оттиск надписи почерком наста'лиқ исторического содержания, 11 копий кўфи и 5 копий с надписей наста'лиқом, всего 26 надписей;¹ следовательно, число датированных куфических надписей утроилось, притом одна треть была представлена в эстампажах. Бартоломей эстампировал надписи посредством протирания по бумаге карандашом или толченым углем, но, к сожалению, после того контуры обводились карандашом или пером,² а это весьма способствовало искажениям.

Итак, немногие даты, которые можно извлечь из альбома Географического общества, а также зафиксированное у Ханыкова, к сожалению не для всех случаев, время поступления эпиграфических материалов от его корреспондентов и неофициальных сотрудников относятся целиком к годам интенсивнейшей работы Ханыкова на Кавказе. Между прочим, в Известиях Археологического общества отмечено поступление от Ханыкова в 1859 г. „альбома фотографий с куфических надписей Закавказья“.³ Однако в альбоме Географического общества фотографий нет и отождествить эти два альбома поэтому невозможно. Никаких следов такого поступления в Архиве ИИМК также не имеется.

Если сравнить количество текстов, хотя бы фрагментарных, в альбоме Географического общества и перечисленных суммарно в статье 1862 г., то оказывается, что цифры расходятся: в альбоме 76 названий, в „Journal Asiatique“ — 85. Последнюю цифру составляют те датированные и недатированные надписи почерками кўфи и сульс, которые Ханыков включил в главу I, посвященную топографическому распределению мусульманских надписей Кавказа.⁴ Изредка он в ней дает краткую аннотацию относительно содержания надписей, иногда вставляет небольшие исторические экскурсы.

Глава III той же статьи резюмирует наблюдения Ханыкова над палеографией мусульманских надписей Кавказа.⁵ Для иллюстрации выводов он выбрал лишь двенадцать надписей (из 85), часть которых, как указано, имеется в альбоме. Надписи изданы в арабской транскрипции с французским переводом, палеографическим анализом и историко-литературным комментарием.

Здесь приходится обратить внимание на два обстоятельства. 1) Копии надписей в альбоме Географического общества из числа изданных в „Journal Asiatique“ и печатные изображения совершенно идентичны. 2) Несколько рисунков альбома имеют нумерацию, одинаковую с соответствующими иллю-

¹ Ханыков. Арх. изв., стр. 9. — Khanukoff, ук. соч., стр. 8.

² Ханыков. Арх. изв. стр. 6—7.

³ Известия Археологического общества, т. I, 1859, стр. 252.

⁴ Khanukoff. Mémoire..., стр. 4—22.

⁵ Там же, стр. 42—75.

№ 46

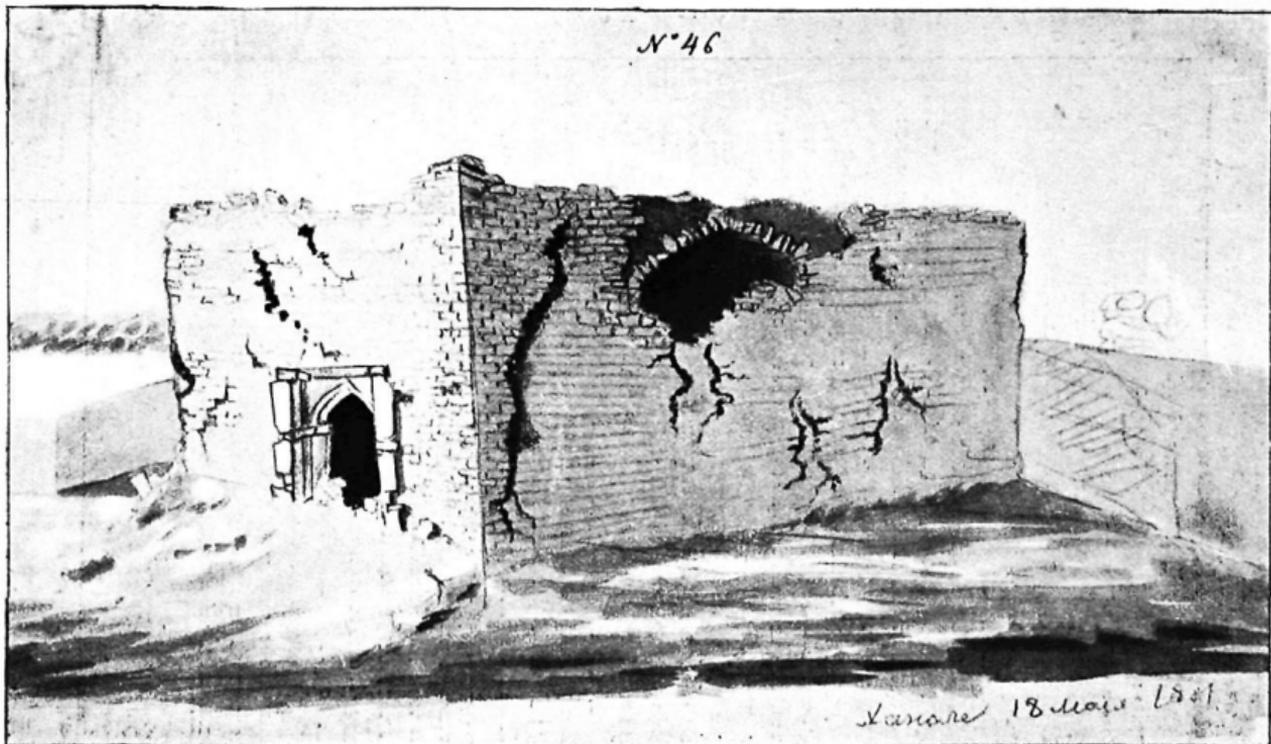

Рис 1. Ханале.

Акварель неизвестного художника 1851 г.

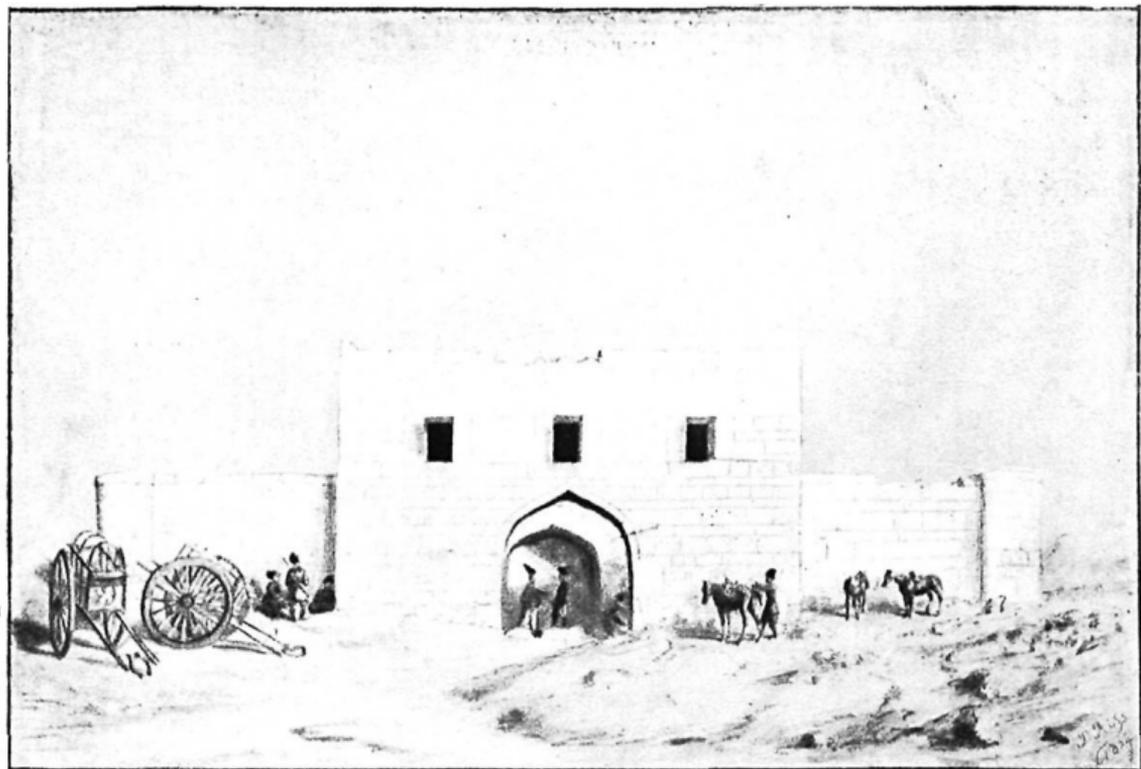

Рис. 2 Каравансарай.
Акварель Р. Рисс, 1852 г.

стражиями французской статьи, а именно №№ 1—3, 4—4 bis, 8. Что касается рисунков в „Journal Asiatique“ за №№ 5, 10 и 11, нумерация их с альбомом не совпадает. Так, например, надпись 471 г. х. из Баку имеет № 56, перечеркнутый и замененный цифрой 5. Нешаблонная по патетическому тону начальной фразы и историческому содержанию надпись 637 г. х. из селения Риджа (Рича) в южном Дагестане, по „Journal Asiatique“ № 10, в альбоме имеет перечеркнутый № 21, который заменен цифрой 11 на стр. 14. Надпись из селения Риджа была издана впервые по копии, сделанной от руки наспех самим Ханьковым в середине июля 1848 г.;¹ в „Journal Asiatique“ он издал вторую редакцию с исправлениями по уменьшению с астампажа, снятого И. А. Бартоломеем.² Последний вариант и изображен в альбоме.

Остановимся еще на рисунках №№ 4 и 4 bis, которые никаких сомнений не вызывают. Они скопированы с надгробия цилиндрической формы в полутора шагах от южной стены Дербенда.³ При Ханькове, как при Олеарии, его называли „могила падишаха Джум-Джум“. На рисунках №№ 4 и 4 bis, стр. 16, в альбоме первоначальный их номер (№ 10) вычеркнут. Аннотации к ним показывают, что они находились „На поперечной стороне гроба Падишаха Джум-Джума“ и „На 2-й поперечной стороне того же камня“. На обороте стр. 16 две из четырех надписей сохранили № 10; согласно аннотациям они воспроизводят две надписи с продольных сторон того же памятника.

Аннотация несомненно верна. В первой публикации Ханькова 1857 г. надписи изданы полностью, со всех четырех сторон надгробия и с поправками неточностей у И. Березина.⁴ На таблице I надписи с продольных сторон полуцилиндрического памятника представлены в $\frac{1}{8}$ натуральной величины и соответствуют восточной и западной стороне. Автором изданных рисунков является Твердохлебов.⁵ В альбоме надписи сильно уменьшены, до $\frac{1}{3}$ размера на таблице, следовательно до $\frac{1}{24}$ натуральной величины; здесь мы имеем редкую для издания середины XIX в. возможность установить подлинные размеры надписи. Кант, распределение текста и дефекты рельефа переданы видимо довольно аккуратно, но в мелких деталях между литографированной таблицей и рисунками альбома № 10 есть различие.

Наконец, у надписи 670 г. х., воспроизведенной в „Journal Asiatique“ под № 11, в Альбоме зачеркнута цифра № 69 и заменена № 12. Эти цифры не случайны как по количеству, так и по совпадению их. Ведь в „Journal

¹ Khanukoff. Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase, Bull. hist.-phil., VIII № 2; то же: Mém. Asiat., I, 243—244, письмо 7 VI 1849 г., доложено 22 II 1850 г.

² Khanukoff. Mémoire..., стр. 69—71, — Ханьков. Арх. изв., стр. 8—9; 16—18; 20—31—32, №№ 4—5.

³ Цилиндрические надгробия около Дербенда прекрасно передает фотография Ермакова за № 13434/144 (см. коллекцию в Кабинете репродукций Музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве).

⁴ О некоторых арабских надписях в Дербенде и Баку. Зап. РАО, т. IX, 1857, стр. 41—49, с 2 рис., 2 табл.; то же, отд. оттиск, стр. 1—10; то же, Тр. ВОРАО, т. II, стр. 168—176. Ср. Зап. РАО, т. II, стр. 66, № 4, № 2.

⁵ Khanukoff. Mémoire..., отд. оттиск, стр. 7 и 2.

Asiatique“ изданы фактически двенадцать рисунков; в отдельном оттиске статьи после № 7 следует № 7 bis, что дает в сумме тоже двенадцать иллюстраций; рис. № 12 в оригинальной статье по ошибке не был помещен на должном месте и в тексте на стр. 116 дважды встречается № 7; в отдельном оттиске это упущение было исправлено.

После таких наблюдений принадлежность альбома Ханыкову становится более вероятной. Но посмотрим теперь с точки зрения палеографии на аннотации в альбоме карандашом.

Все аннотации принадлежат одной руке как при рисунках, воспроизведенных в „Journal Asiatique“, так и при неопубликованных. Почерк очень характерный, мелкий, без крепких изжимов, с тонкими линиями и с постоянным наклоном направо вкось. Не менее характерны лигатуры, особенно от концов подстрочных букв. Сопоставление почерка аннотаций с письмам Н. В. Ханыкова показывает, что все аннотации были сделаны им. Для сличения привлечены мною письма Ханыкова к участнику экспедиции в Хорасан, ботанику Бунге, датированные 1857, 1858 и 1859 гг. и написанные по-русски из Ниметабада, Тифлиса, Дихи-Намек, Техерана, Дамгана и Херата.¹ К такому же заключению приводит сравнение аннотаций альбома с письмами Ханыкова из Парижа в С.-Петербург на французском языке; например, письмо от 29/17 июня 1862 г. имеет лигатуру от конца *y* или *p*, которые встречаются у Ханыкова для русского *p*.² Арабские автографы вкраплены в письма Ханыкова на французском языке к академику Б. Дорну из Ирана и Тифлиса между 1852—1857 гг.³ Здесь встречаются цитаты из восточных рукописей, скопированные надписи и т. п. По ним можно убедиться, что Ханыков каллиграфически писал по-арабски. Транскрипции надписей в альбоме до чрезвычайности похожи на арабские автографы Ханыкова, особенно когда последние написаны не второпях; беглый арабский почерк Ханыкова соответствует разнице между его спокойным письмом по-русски или по-французски и письмами, набросанными наспех, порой с пропусками знаков препинания даже в конце фразы.

Можно проверять наблюдения еще иным способом, а именно попытаться установить, имеется ли связь между статьей Ханыкова 1862 г., с одной стороны, и невоспроизведенными материалами альбома — с другой. На этот вопрос следует ответить утвердительно. Для примера начнем сравнение с неиллюстрированных текстов в главе IV исторического содержания и замечательных по своей литературной форме (стр. 130—150—отд. оттиск, 75—99).⁴

Первый из опубликованных недатированный текст на стр. 132=76 транскрибирован в альбоме на стр. 5 об., а на стр. 6 наклеен рисунок № 12,

¹ Архив Академии Наук СССР, фонд 66, опись 2, № 121.

² Ср. альбом Географического общества, стр. 23 и письмо из Парижа в Архиве Академии Наук СССР, фонд 187, опись 2, № 523.

³ Например, письмо от 19/31 мая 1852 г. из Табриза, в котором транскрибирована надпись 712 г. х., в Архиве Института востоковедения Академии Наук СССР, из указанного фонда.

⁴ Знаком равенства отделены №№ страниц из отдельного оттиска статьи.

изображающий надгробную плиту (рис. 3). Куфическая надпись расположена на обрамлении с трех сторон и на восьми строках в трилистниковой плоской арочной нише.

Рис. 3 Надгробная плита близ Дербенда, по Шуринской дороге.

Согласно аннотации Ханыкова под рисунком — это „Надгробный камень по Шуринской дороге в одной версте от Дербенда“. На стр. 35 об. альбома мы видим транскрипцию какой-то надписи. Текст полностью сов-

падает с надписью на камне, замурованном во внешнюю стену частного дома в селении Лучек (Loutchek). Ханыков издал его по эстампажу И. А. Бартоломея, но до сих пор изображение оригинала в печати не появлялось.¹

№ 41

Рис. 4. Надпись из селения Лучек.

На стр. 36 альбома можно увидеть его впервые под № 41 (рис. 4). Это грубоватая, недатированная куфическая надпись с пунктуацией и силуэтом коня внизу, обращенным направо, с левой стороны изображения текста. Характер шрифта совпадает с определенным образом из селения Лучек, которое Ханыков дал на стр. 65=9 в указанной статье. То же можно сказать относительно надписи на стене мечети в Рутуле (Routul), стр. 44 об. АГО, № 42,² и на частном доме с датой 572 г. х. из того же селения,³ стр. 42, № 31,

№ 24.

Рис. 5. Надпись из селения Рутул, 683/1284 г.

без аннотаций. Третья надпись из Рутула с датой 683/1284 г. не вошла в статью 1862 г., хотя была издана в 1850 г. под № 11 в транскрипции и рисунке № 24 (рис. 5).⁴

¹ Khanukoff. Mémoire..., стр. 136=81. — Ханыков. Арх. изв., №№ 10, 27 и 29—30.

² Khanukoff. Mémoire..., стр. 137=81. В статье „Арх. изв.“, не издана.

³ Там же, стр. 139=83 и 64=8.

⁴ Ханыков. Арх. изв., стр. 27—29, № 11.

К надписям из Дагестана исторического содержания Ханыков относит на стр. 140—84 еще две: одну из Зәхұра (Dzakhour), другую из Ахты (Akhty, Ахтй). В первом тексте упоминаются события 836/1432—1433 г.; после перевода его на французский язык, Ханыков добавляет: „Над этой надписью выгравировали наизнанку [т. е. вверх ногами]: «Этот камень был принесен усердием каменщика Вахух Карим ад-дина; безвозмездный катиб сего Иса, сын Мамая из Цахура»“. Надпись повествует о нашествии двух турецких армий, к которым присоединилось войско из Рутұла, о происшедших сражениях и бегстве неприятеля; она не только в „Journal Asiatique“ не воспроизведена, но там не опубликована также приписка с именами учредителей. То и другое без аннотации находится в альбоме на стр. 47. Наверху страницы, на трех с лишним строках транскрибированы шесть строк основного текста,

№ 23.

а под ним наклеен рисунок № 22 с датой 836 г. х. Над первой строкой изображения имеются справа две строки половинной длины в перевернутом положении. Надпись 836 г. в русском переводе издана впервые в статье „Археологическое известие“, 1850 г. отд. оттиск, стр. 22—23, № 6; в начале дана часть ее „наверху в обращенном виде...“ Шрифт сульс на рис № 22 очень некрасив и неровен, но в нем мы видим первый образец каллиграфии катиба — уроженца Зәхұра. По поводу исторического эпизода, упоминаемого в этой надписи, Ханыков отсылает читателей к анонимной истории Шәхруза, в рукописи Азиатского музея, которая дает меньше подробностей; отрывок этот был опубликован им в газете „Кавказ“.¹

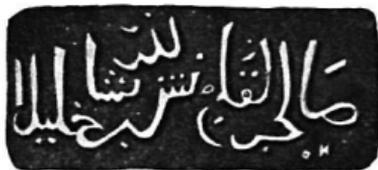

Рис. 6. Надпись Шйрваншаха Халйль Аллаха I (820—867/1417—1462 гг.) из Ахтй.

Относительно надписи на крепости Ахтй с именем Шйрваншаха Халйль Аллаха I (820—867/1417—1462 гг.), из статей Ханыкова известно ее краткое содержание (в ней всего пять слов) и тип почерка сульс.² Только на основании этих скудных указаний, несмотря на отсутствие аннотации, можно и ее определить в альбоме на стр. 36 об. под № 23, который, кстати сказать, на этот раз следует в порядке опубликования, после надписи из Зәхұра с № 22. Судя по рисунку, и в этой надписи сульс не отличался красотой (рис. 6).

На стр. 146—90 своей статьи Ханыков переходит к любопытным надписям в районе Ордубада и начинает с длинного текста строительной надписи

¹ Khanukoff. Mémoire..., стр. 141—142=85—86; газета „Кавказ“, 1850.— Арх. изв., стр. 23—25, 31, № 6.

² Khanukoff. Mémoire..., стр. 142=86 и 64=8. — О и же. Арх. изв., стр. 25, 31, № 7.

мечети в селении Насмус (Nasmous), построенной в царствование Ильхана Абū Са'йда; она упомянута в 1929 г. у В. М. Сысоева.¹

На странице 28 об. альбома мы находим транскрипцию этой надписи, как все прочие, выписанную прекрасным почерком: вверху одна строка мелким сулусом, под нею имя Аллāха, затем шесть строк более крупным шриф-

том и одна снова мельче и теснее. На стр. 29 изображена самая надпись под № 71 (рис. 7). Сверху у корешка ее сопровождается аннотация Ханькова: „Надпись мечети сел. [Вананд; название зачеркнуто и заменено] Нус мус Ордубадского уезда“. На рисунке весь текст, за исключением верхней строки, обрамлен фестонами по бокам, горизонтально снизу и одним выступом сверху; выступ завершает пальметка с полумесяцем. Конец текста выписан у краев в продольном направлении.² Этот текст Ханьков называет „прекрасной надписью эпохи царствования Абу Саид Хана 720 (=1320) г.“,³ но и она в альбоме не соответствует такой характеристике. Приходится заключить, что копия не точно воспроизводит графику оригинала, и об этом можно только пожалеть: ведь надпись современна тексту ярлыка Абū Са'йда в Анй! Вполне вероятно, что другие рисунки страдают таким же недостатком.

Рис. 7. Надпись из мечети Нус Мус, Ордубадского у., 720/1320 г.

¹ Khanukoff. Mémoire..., стр. 146—147=90, 91.—В. М. Сысоев. Нахичевань на Араксе и древности Нахичеванской ССР. Изв. АЗКОМСТАРИСА, вып. 4, тетр. 2, стр. 118: „Нус-Нус“.

² См. альбом, стр. 28 об. и 29.

³ Khanukoff. Mémoire..., стр. 16.

لقد لوله المطايا والشكر لكان اليربابا ما بغيره من انشطه ان كفا انت كجهه حقيقه اخلاص وجاه سيارى كذا كبروا واضر وعامة فغراء وضعفاء قصبه طيبة ريبا
صاها الله تعالى انما انشا نسبت بعد ما خلقت من كذا عجايبه ملك سينا اسلا بيان پناه خلد الله تعالى ملكه الى يوم النشاد ما دام لبست لشيء وثبت قطر دهن بكم
الاب انما عجايبه من خالقك ان وردوا فاعظم رتم برانسان ان يله قلوب اسر سيارى كرده بودند بنا برين دلخواه جان سيارى ايشان عموما وسلسله شعبه
سنته طوبه مخصوصا وليندان مرام بيد بيع شاهانه شامل ايشان شد انرا رنجى كركلايت مذكوره بقرن شاه در ملك مالوجها وجهها قض
من مروه واغفر مال مخزن اصناف وصناعات ودر عجايبات واظهارات ونزول وعوارض فلما وفا صدوا فغفر ربنا وازره
بشكره لله تعالى وطلبنا الرضا له معاشد وانسجده اذ ما بجان مسته كرده وانسجود الملائكة بران موضع ابن عطية ذبان در باره انعام بر انشايد محمد
وسلم نزهة لغفران بقوا عنك ابدا سنة ثمان وعشرون الفجر الهجرة

76

المطايا المشكيات اليربابا ما بغيره من انشطه ان كفا انت كجهه حقيقه اخلاص وجاه سيارى كذا كبروا واضر وعامة فغراء وضعفاء قصبه طيبة ريبا
صاها الله تعالى انما انشا نسبت بعد ما خلقت من كذا عجايبه ملك سينا اسلا بيان پناه خلد الله تعالى ملكه الى يوم النشاد ما دام لبست لشيء وثبت قطر دهن بكم
الاب انما عجايبه من خالقك ان وردوا فاعظم رتم برانسان ان يله قلوب اسر سيارى كرده بودند بنا برين دلخواه جان سيارى ايشان عموما وسلسله شعبه
سنته طوبه مخصوصا وليندان مرام بيد بيع شاهانه شامل ايشان شد انرا رنجى كركلايت مذكوره بقرن شاه در ملك مالوجها وجهها قض
من مروه واغفر مال مخزن اصناف وصناعات ودر عجايبات واظهارات ونزول وعوارض فلما وفا صدوا فغفر ربنا وازره
بشكره لله تعالى وطلبنا الرضا له معاشد وانسجده اذ ما بجان مسته كرده وانسجود الملائكة بران موضع ابن عطية ذبان در باره انعام بر انشايد محمد
وسلم نزهة لغفران بقوا عنك ابدا سنة ثمان وعشرون الفجر الهجرة

Рис. 8. Копия фирмана Шаха 'Аббаса над воротами мечети в Ордубаде 1016/1607 г.

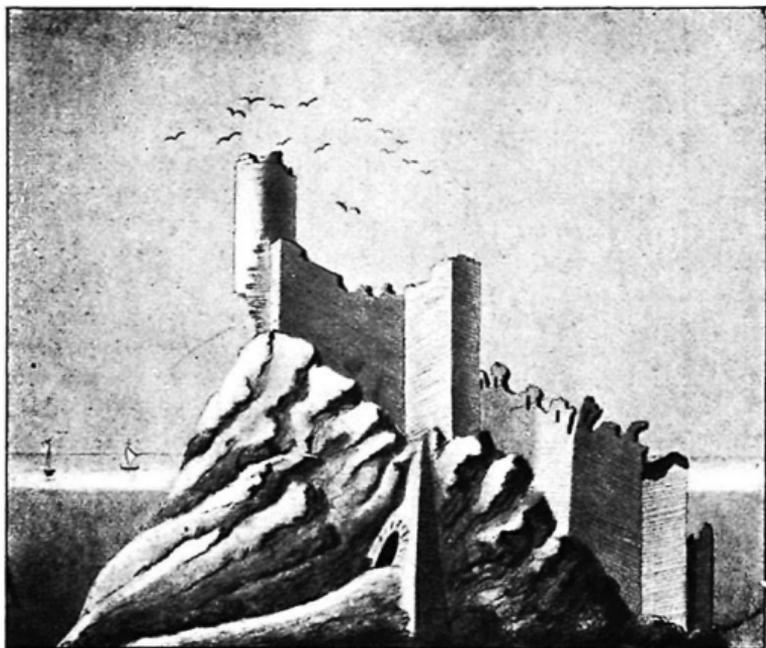

Рис. 10. Руины Чираг Кал'а.
Акварель Ф. Рыковского.

Непосредственно за этим рисунком в альбоме на стр. 29 об. помещена аннотация Ханыкова карандашом: „Надпись над воротами главной мечети в Ордубаде“ и транскрипция фирмāна Шāха ‘Аббāса I, 1016/1607 г., который издан впервые Ханыковым; они занимают полстраницы (шесть с половиной строк мелким почерком). На нижней половине страницы помещено графическое изображение надписи с густой вязью персидского текста на пяти с небольшим строках; эта надпись (рис. 8) перерисована видимо точнее и изящнее, чем две предыдущие. Текст переиздан В. М. Сысоевым по изданию Ханыкова и по современной фотографии.²

В качестве литературного образца Ханыков опубликовал также короткую рифмованную надпись, которую скопировал землемер Твердохлебов на развалинах укрепления Чирāг Қал’а (Tchiraghkalèh). По форме знаков почерка кўфи автор относит ее к VI в. х., а затем сопоставляет упомянутого в ней Сайф ад-дйна с правителем Дербенда, современником поэта Хакāни.³

Эта надпись изображена в альбоме под № 45, на стр. 47 об., с аннотацией Ханыкова под нею на том же листке: „На развалинах Чирах Кала в Кубин. уезде“ (рис. 9). Ниже в трех строках транскрибирован текст. Но кроме неизвестного

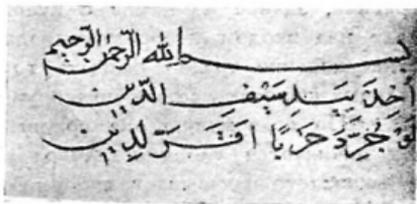

Рис. 9. Надпись из Чирāг Қал’а, VI/XII в.

до сих пор вида надписи, в альбоме имеется на соседней странице 48 изящная акварель с тем же № 45 (рис. 10), на белой бумаге в нежных тонах, с тонкой темной полоской обрамления. Живописные руины укрепления вздымаются на гребень конусообразной скалы на широком фоне морской дали. Акварель подписана Ф. Рыковским, без даты; аннотации к ней нет, но сходство нумерации и соседство обоих рисунков достаточно убедительны: это „орлиное гнездо“ несомненно Чирāг Қал’а Кубинского округа.

В альбоме на стр. 31 вверху находится транскрипция текста с именем некоего шейха и датой 670/1271—1272 г. Под нею сохранилась аннотация Ханыкова: „Надпись селения Баб в Карабаге“. Она относилась к рисунку,

¹ Khanukoff, ук. соч., стр. 94—95 и 16.

² В. М. Сысоев, ук. соч., стр. 138—139.

³ Khanukoff, ук. соч., стр. 139—140=33—34 и 65=9.—W. Barthold. Derbend. Enc. de l’Isl., 16=me livr., 1912, стр. 957: Saif al-Din Muḥammad b. Khālife.

который был приклеен ниже аннотации: на листе видны следы клея и оторванные уголки. Надпись с той же датой и именем шейха Ханыков привлек для доказательства, что в VIII в. х. на Кавказе больше обращали внимания на орнаментальные возможности куфического шрифта, а переплетения и изменения букв не имели уже границ. Изображением ее под № 11 он заканчивал свои иллюстрации в оттиске статьи.¹ Локализацию текста в этой части работы он не дал.

Обратимся к главе I. Здесь на стр. 72=16 упоминается надпись 670 г. х. „на левом берегу Аракса, в селении Бабили“, которую „генерал Ходзько скопировал на развалинах одной мечети“. Иллюстрация № 11 выше уже была установлена в альбоме под № 12, на стр. 17;² ее зачеркнутый № 69 повторяется над акварелью № 69 в альбоме, стр. 30 об., как раз напротив бывшего рисунка переклеенной надписи из селения Баб.³ Эта акварель тоже исполнена и подписана Ф. Рыковским (рис. 11). На ней изображены слева остатки наружной стены, аркады и ствол цилиндрического минарета, что соответствует локализации надписи по Ханыкову — из руин мечети. В облицовке стены над двумя нижними постелями выделяется один ряд очень крупных плит. Справа на акварели представлено призматическое, вероятно восьмигранное, здание из камня с куполообразным ребристым покрытием. На фасаде над входом изображена надпись на двух строках; в миниатюрном рисунке конечно трудно ожидать точную передачу всех ее деталей, но в отдельных штрихах все же можно уловить сходство с надписью 670/1271—1272 г. По содержанию она предназначалась для усыпальницы — машхада: текст начинается словами „Амара би-банаи хада-ль-машхад...“ Акварель Ф. Рыковского показывает впервые место, на котором надпись была помещена. Идентифицируя изображение мавзолея с надписью 670 г. х., мы тем самым отмечаем неточность, допущенную в локализации ее у Ханыкова.

Из современных описаний памятников близ Аракса только один мавзолей отличается деталями, близкими к виду мавзолея на рисунке Ф. Рыковского № 69. Это мавзолей Ших-Бабалы; он подробно описан и воспроизведен в монографии И. П. Щеблыкина „Памятники Азербейджанского зодчества эпохи Низами“. Мавзолей Ших-Бабалы находится близ селения Бабалы, на северо-восток от железнодорожной станции Горадиш Джульфинской железной дороги. Он сложен из камня, прекрасно отесанного; восьмигранное тело покоится на каменном цоколе. „Второй ряд цоколя, — пишет И. П. Щеблыкин, — имеет украшение, состоящее из врезных восьмиконечных розеток в квадратных камнях. Камни с украшениями расположены с интервалом через один; таким образом, в каждой стороне помещено по четыре камня с розетками“.

¹ Khanukoff, ук. соч., стр. 123—130=73—74; в „Journ. As.“, как уже отмечено, последний рисунок имеет № 12.

² См. выше, стр. 20, 25, 31.

³ Опубликована Издательством АзФАН, Баку, 1943, стр. 79—81, рис. на стр. 79.

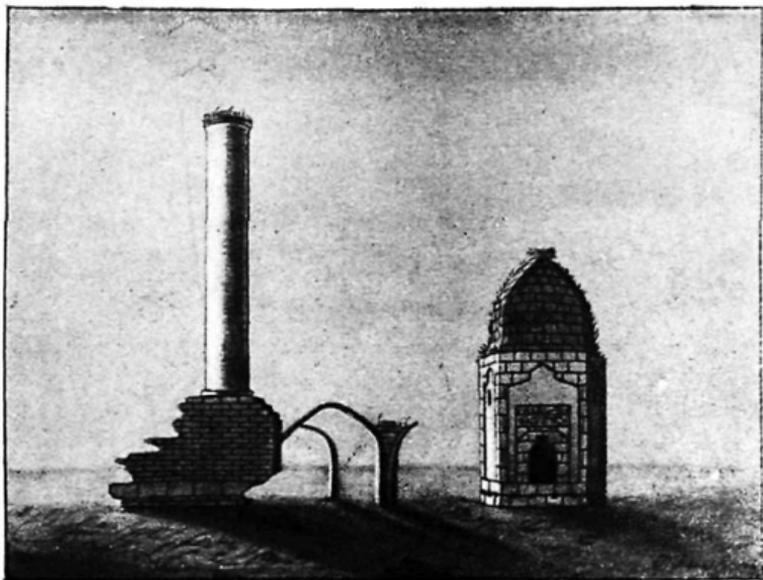
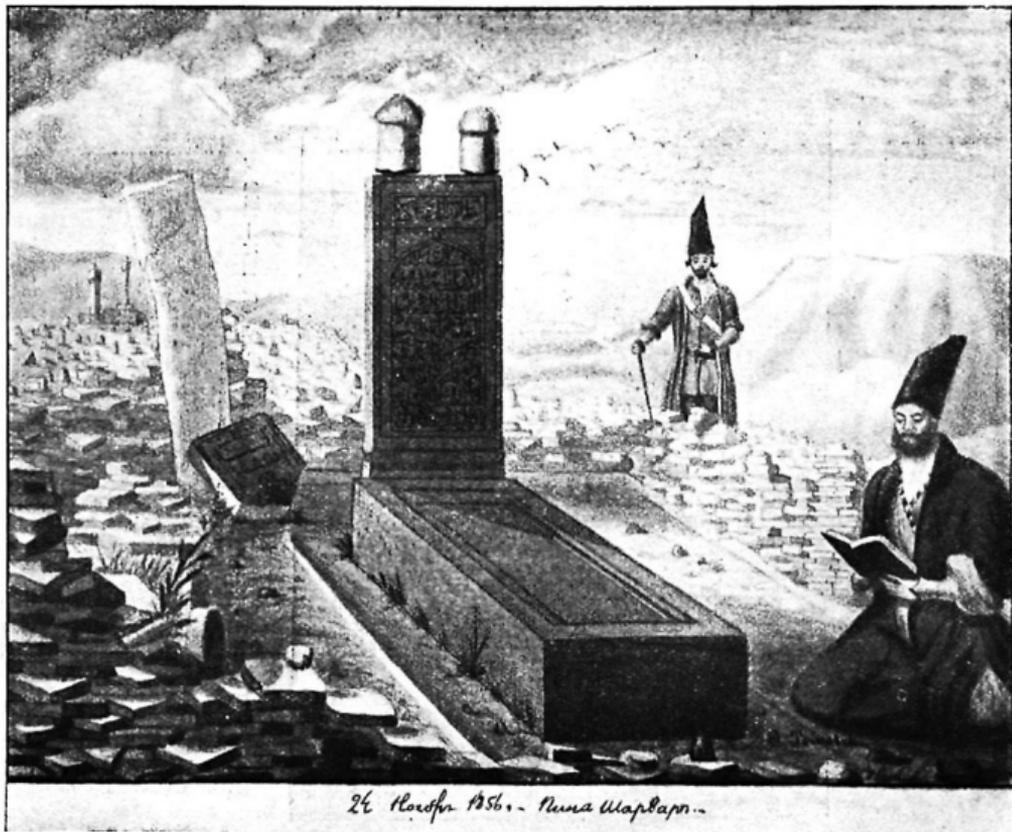

Рис. 11. Руины мечети и мавзолей Ших Бабалям 670/1271—1272 г.
Акварель Ф. Рязовского.

26. Ноябрь 1956. - Пина Шарварн.
Рис. 12. Надгробие султан Шейх Увайса 776/1374 г.
Акварель Ф. Рыковского.

Профилеровка граней мавзолея, форма ниши, устройство дверного проема в надземный этаж, профиль купола и розетки цоколя — все сходно с видом на акварели альбома. Оговорка должна быть сделана, главным образом, относительно чисто условной передачи постелей кладки, сильно сокращенной, измененных пропорций и более вытянутого силуэта, сравнительно с фотографией. И. П. Щеблыкин отмечает также высеченную на камне над дверью надпись с датой построения памятника. Ни самую дату, ни опубликование ее в работе Ханькова И. П. Щеблыкин не упоминает.¹

Несмотря на искажение пропорций и упрощение ряда деталей, акварель XIX в., вместе с замечаниями о памятнике у Ханькова, дополняет современные сведения. И. П. Щеблыкин говорит: „Неподалеку от мавзолея сохранился полуразрушенный, сложенный из квадратного кирпича, минарет. Непосредственно к минарету, повидимому, примыкало какое-то здание, следы стен которого местами сохранились на теле минарета; частично сохранились фундаменты его“. По данным альбома и статьи Ханькова теперь можно с уверенностью сказать, что следы примыкавшего здания представляют собою остатки бывшей, почти исчезнувшей и позабытой мечети в селении Бабилай, ныне называемом Бабалы. Силуэт купольного шатра на акварели сильно отличается от новейших чертежей по промерам.²

Последние страницы альбома заполнены подряд рисунками Ф. Рыковского: три из них с видами памятников, три — с рисунками надписей. На стр. 51 непосредственно, почти во весь листок, только с небольшими полями (размер акварели 13,8×17,8), изображено мусульманское кладбище в холмистой местности, окруженной цепью гор на горизонте (рис. 12). Красивое надгробие из синеватого камня в центре рисунка состоит из невысокой прямоугольной плиты на низеньком, но довольно широком цоколе, который образует уступ. В изголовье воздвигнута высокая прямоугольная плита из того же материала; ширина ее меньше ширины надгробия. Поверхность горизонтальной и вертикальной плиты профилирована кантами и плоскими нишами с арочными завершениями. На вертикальной плите изображены два текста. Одна строка наверху заключена в прямоугольную рамку. Под нею в арочной нише выписаны восемь строк насхон; в конце и в последней строке видна дата „Джумада I года семьсот семьдесят шесть“. Акварель не нумерована, но датирована в аннотации почерком Ханькова „24 ноября 1856 г. Пиня Шарвар“. На стр. 50 об. имеется сверху транскрипция этих надписей: жирным шрифтом выписан первый короткий текст, мельче остальные восемь строк. По содержанию надпись погребальная, с полным именем одного лица, которое было тесно связано с историческими событиями Азербайджана и

¹ Khanukoff, ук. соч., стр. 81.

² В. А. Крачковская. К истории изучения мавзолея Ших-Бабалы. Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, т. II, № 8, Баку, 1946, стр. 360—363. — И. П. Щ е б л ы к и н. Мавзолей бассейна реки Агера-чай. Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. Москва — Баку, 1947, стр. 158 сл., табл. 36—33.

прилегающих к нему районов. Текст этот в цитируемую статью Ханькова не вошел, несмотря на его выдающийся интерес.

Оставляя издание текста на будущее время, если он не найдется в других публикациях Ханькова, я ограничиваюсь краткой информацией о нем. Надгробие было сооружено над могилой второго султана из династии Джалаиридов, султана Шейх Увайса, который умер в Табризе, в 'Имәрет-и Рашиди' в 776/1374 г., где он пребывал также в 759 и 762 гг. х.¹

Около надгробия султана Шейх Увайса изображен персиянин на коленях, читающий книгу (вероятно Коран). Надгробие расположено на выравненной площадке с низким паребриком, возле которого громоздятся квадратные кирпичи. Повидимому, это остатки разрушившегося мавзолея; за ним справа видна еще одна фигура.

О погребении Шейх Увайса или про существование надгробия с его именем источники и европейские исследователи ничего не сообщают,² но Шараф ад-дин говорит, что в ночь кончины Шейх Увайса его старший сын, Хасан, был насильственно устранен от наследства и похоронен вместе с отцом.³ Поэтому возможно, что верхняя часть прямоугольной плиты, обломок которой виднеется в левом углу площадки, представляла собой некогда надгробие Хасана.

Никакие комментарии не поясняют акварель Ф. Рыковского на стр. 52 альбома, кроме его подписи. Расположение ее вертикальное, размер 10,3 × 13 см. Башневидное здание в центре несомненно изображает какой-то мавзолей (рис. 13). Он имеет круглый план, приблизительно до трети высоты облицован крупными плитами, а выше сложен из кирпича. К зрителю обращен высокий прямоугольный портал с обломанными косяками входа. Ниже порога над уровнем почвы виден стрельчатый проем, ведущий в склеп. Над входом в верхнюю камеру, поперек углубленной ниши, изображена надпись, которая состоит из трех горизонтальных частей. Над нею в многолепестковую и ломаную арки вписаны крупные сталактитовидные ячеи. Выше замка ломаной арки находится прямоугольник с надписью в одну строку. Вся композиция обрамлена последовательно с трех сторон фризами. Средний фриз — эпиграфический, внутренний и внешний, наиболее широкий, — орнаментальные; повидимому, в последнем случае орнамент плетеный. Верхний обрез стен был опоясан широким эпиграфическим фризом с крупной кувической надписью: можно угадать вертикали и изогнутые х̄а от „Басмалы“. Башня имела двойное покрытие, но наверху художник показал только зубчатую кромку

¹ V. Minorsky. Uwais. *Enz. des Islam*, т. IV, 1934, стр. 1149. — Ср.: Ст. Лэм-Пуль. Мусульманские династии. Перев. В. Бартольд. СПб., 1899, стр. 206—207.

² В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. 1903, стр. 147. — В. Миянорский, ук. соч.; описание города Табриза, там же, стр. 635. — Согласно письму проф. В. Миянорского от 14 сентября 1946 г., новых данных по вопросу о погребении Шейх Увайса у него не имеется.

³ А. Марков. Каталог джалаиридских монет. СПб., 1879, стр. XVI.

Рис. 13. Сегумбес в Урмии 580/1184—1186 г.
Акварель Ф. Рыжовского.

Рис. 14. Мавзолей Йўсуфа ибн Кўсайира в Нахичевани 557/1162 г.

излома предполагаемого карниза; сферондальная поверхность внутреннего купола видна, как будто не повреждена. Здание окружает строгий, но живописный ландшафт с безлиственными деревьями по обеим сторонам башни на фоне далеких голубоватых гор и ясного неба. Близ здания поставлена слева миниатюрная фигурка персиянина в шароварах и высокой шапке.

В типе мавзолея есть сходные черты сравнительно с мавзолеем 722 г. х. в Барда¹, особенно в композиции портала, но с разницей в количестве обрамляющих фризов, соотношениях высоты портала и высоты стен. Исследуемый мавзолей на бо́льшую высоту облицован камнем. Шрифт верхнего эпиграфического пояса — кұфй, вместо насхй в Барда¹; нет узкого фриза над каменным цоколем. Подобно обоим мавзолеям в Барда¹, имеется полуподвальный склеп.¹

Несмотря на полное отсутствие аннотаций, башню можно точно идентифицировать. В статье Ханыкова 1862 г. изданы три надписи одного памятника с именем строителя и датой 580/1184—1185 г.² Иллюстрация № 7 bis в отдельном оттиске или рис. № 12 в „Journal Asiatique“, которые их воспроизводят,³ точно повторяют все соотношения длины, ширины и расположения трех надписей портала анонимного мавзолея на рисунке Ф. Рыковского; повторяется также узор плетений в поле надписи над входом. В отдельных местах совпадают одинаково изображенные буквы шрифта кұфй. Это надписи мавзолея Сёгумбез (Séoumbez) в Урмии, в Иране. Акварель Ф. Рыковского несомненно уник, притом неповторимый: по словам Н. В. Ханыкова, надписи были скопированы им лично, а вскоре после того памятник был разрушен почти целиком во время землетрясения 1856 г.

Дата, когда скопирована Ханыковым надпись Сегумбеза, в статье в „Journal Asiatique“ отсутствует, однако она закреплена в более раннем труде. В 1852 г. Ханыков путешествовал по северному Ирану, в Персидском Курдистане. О результатах путешествия он сообщил А. В. Головинну⁴ в письме из Тифлиса от 8/20 мая 1852 г., извлечение из которого было опубликовано Географическим обществом в том же году.⁵ В Урмии Н. В. Ханыков провел неделю, с 1 по 8 июня 1852 г.; после осмотра городских памятников он посвятил башне следующие строки: „замечательна по своей старине башня, называемая Сегумбяд, т. е. три свода; из этих трех сводов остался только один, нижний, но рамка его двери обложена куфической

¹ Ср.: Е. А. Пахомов. Башни-мавзолеи в Барде и их надписи, Труды Азербейдж. филиала АН СССР, т. XXV, Баку, 1936, стр. 92 сл.

² Khanukoff, ук. соч., стр. 116—119=60—64. — Ср.: V. Minorsky. Urmia. *Enz. des Islam*, т. IV, стр. 1119.

³ Khanukoff, ук. соч., стр. 62, № 7 bis = № 12 в „Journ. As.“.

⁴ Биографию А. В. Головинна см.: Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона, т. XIII, стб. 959—960.

⁵ Н. Ханыков. Поездка в Персидский Курдистан. Вестник Географического общества, 1852, ч. VI, кн. V, стр. 1—108.

надписью, в которой значится, что она воздвигнута в 580 г. х., трудами Абу Мансура, сына Мусы¹.

Что касается памятников Табриза, к ним Ханыков, видимо, остался равнодушен. Некоторые письма к Б. Дорну написаны им из Табриза. Например, в письме от 19/31 мая 1852 г. он изобразил пером и в арабской транскрипции часть надписи „Башни атабеков“ в Нахичевани с датой 582 г. х.² В начале октября 1852 г. он уже был в Тифлисе.³ Между 1854—1857 гг. Ханыков занимал должность генерального консула в Иране и вел обстоятельную переписку с Б. Дорном, которого детально информировал о всех своих работах и научных изысканиях. Удивительно, что ни в одном из писем периода консульской деятельности, сохранившихся в Архиве Института востоковедения Академии Наук СССР, о памятниках Табриза ничего не говорится. Но Ханыков дважды был свидетелем землетрясений в Табризе: 22—23 сентября 1854 г. и 30 октября 1856 г.⁴

Под акварелью Ф. Рыковского с видом надгробия Шейх Увайса рукой самого Ханыкова приписана внизу дата: „24 ноября 1856 г.“. Менее месяца, всего двадцать пять дней, прошло со дня землетрясения, причинившего в Табризе много разрушений. Не изображает ли акварель Ф. Рыковского вид могилы, открывшейся после недавнего падения стен мавзолея?

Личность Ф. Рыковского пока неясна. В 1851 г. он зарисовал Чирāг-Қал'а, а в 1856 г. — надгробие Шейх Увайса. Вероятнее всего, что Рыковский принадлежал к штату наместника Кавказа кн. М. С. Воронцова, а позднее имел какое-то отношение к русскому генеральному консульству; во всяком случае, он соприкасался с Ханыковым и был в курсе его эпиграфических занятий.

Вид гумбеза-и Ата Бāбā на неподписанной акварели № 78, стр. 27 представляет также значительный интерес (рис. 14). В некоторых деталях он отличается от изображения по акварели Э. Якобсталя (E. Jacobstahl) 1898 г.⁵ 1) Трещина в обоих рисунках показана на разных гранях пирамидального покрытия; 2) погибшая часть верхнего фриза изображена в альбоме на стыке восьмой и первой граней призмы; у Якобсталя — на второй грани; 3) у Якобсталя не видно стыка со стеной какой-то постройки; 4) входной проем изображен замурованным в альбоме, у Якобсталя виден пролом тимпана. Гумбез-и Ата Бāбā или мавзолей Йўсуфа ибн Кусайира 557/1162 г. известен из описаний путешествий Кер Портера 1821 г.⁶ Дюбуа де Монпере (Dubois

¹ Ханыков, ук. соч., стр. 4.

² Оригинал письма на французском языке находится в Архиве ИВ АН, фонд 15, опись 2, № 211.

³ Письмо к В. Дорну от 6/18 октября 1852 г., там же.

⁴ V. Minorsky. Tabriz. *Enz. des Islam.*, т. IV, стр. 631.

⁵ E. Jacobstahl. *Mittelalterliche Backsteinbauten zu Nachtschewan im Araxesthale.* Sonderabdruck aus der Deutschen Bauzeitung. Berlin, 1399, стр. 11, рис. 2.

⁶ Ker Porter. *Travels in Georgia.* London, 1821, стр. 211.

de Montrépeux) 1834 г., по атласу 1840 г.;¹ третьим в этой цепи оказывается акварельный рисунок альбома; за ним следует издание путешествия м-м Джен Дьяляфуа (M-me Jane Dieulafoy) 1881 г.;² монография Якобсталя была опубликована в 1899 г. Остальные воспроизведения появились в XX в. и в том числе у И. П. Щеблыкина.³ По сравнению с последним изображением тоже имеется разница. И. П. Щеблыкина указывает, что отсутствие нижних блоков с рисунком во всех гранях — «явление давнего происхождения».⁴ В альбоме блоки эти почти в неповрежденном виде; также в лучшей сохранности вершина купола.

Судя по деталям фактуры, акварель альбома № 78 написана не П. Риссом, не Ф. Рыковским и не анонимным автором вида руины в Ханаге. Только первая, не идентифицированная акварель без номера в альбоме (на стр. 2) имеет сходную технику, которую можно назвать «пунктирной манерой»: небо, здания, а в № 78 и почва, испещрены мельчайшими точками по грунтовке легкими тонами. Благодаря такому приему, обе названные акварели отличаются сгущенной окраской от светлых, легких тонов у Рыковского и Рисса. Выяснить, не принадлежит ли эта манера Ю. Кестнеру, будет возможно, если найдутся подлинные акварели его работы; литографии с рисунков Ю. Кестнера в «Альбоме руин Ани» не дают представления о его живописном стиле.

В публикации надписей «Гумбязй ата баба» 1850 г. Ханыков рассказал, как и когда он узнал про существование второго мавзолея в Нахичевани «подле дома покойного капитана Айняль Султана, в квартале Шахабе... в прошлом [т. е. 1849] году...»⁵ По факсимиле поручика Магата с надписей гумбеза чтение было полнее, чем в первом печатном известии о них.⁶ Указаны также размеры шрифта: в строительном тексте «длиннейшие» буквы до $\frac{1}{2}$ арш. выс. = ок. 35 см, а в подписи зодчего $1\frac{1}{4}$ арш. = около 90 см. Такая существенная подробность в описании лапидарного шрифта, без которой эпиграфист XX в. чувствует себя беспомощным, в середине XIX в. представляет редкое исключение.⁷ Любопытно также, что в первой редакции текста 557 г. х. имя отца усопшего было совсем опущено;⁸ во второй оно было расшифровано удачнее, в род. пад. «Кясира», и чтение М. Хартмана

¹ Dubois de Montrépeux. Voyage autour du Caucase, т. IV, Paris, 1840, стр. 10—12; Atlas, Neuchatel, III série, pl. XXII.

² M-me Jane Dieulafoy, La Perse, La Chaldée, la Sousiane. Paris, 1887, стр. 24—28.

³ Памятники Азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943, стр. 56—59.

⁴ И. П. Щеблыкин ук. соч., стр. 27.

⁵ Ср. выше, стр. 23 (о Кестнере).

⁶ Bull. Acad. des Sciences, Cl. hist.-phil., t. VIII, № 163, 170. — Ср.: Mém. As., I, стр. 245—249.

⁷ Ханыков. Еще арх. изв., стр. 2—5.

⁸ Khanukoff. Sur quelques inscriptions musulmanes du Caucase. [Письмо из Тифлиса 7 VI 1841 г.] Bull. hist.-phil., VIII, № 2=Mém. As., I, стр. 243, табл. № VII.

приближается к ней, но с уменьшительной формой от имени Касир = Кусайир; в последней своей редакции Ханьков изменил имя „Кясира“ на „Кебира“.¹

После того как выяснилась окончательно тесная связь содержания альбома с исследованиями Ханькова, в особенности с его работой 1862 г., в альбоме удалось определить целую серию надписей из горных районов Дагестана, которые очень глухо перечислены в главе I „Топографическое распределение надписей...“. Установлена полностью группа надписей из Зәхүра,² не исключая недатированной посвятельной записи, благодаря приписке после транскрипции над ее изображением № 40, стр. 38 слов: *من قرية لآخر* = „из селения Зәхүр“ (рис. 15). Остальные надписи Зәхүра определены по датам и характеру шрифта: стр. 38 об., № 26, 636/1238—

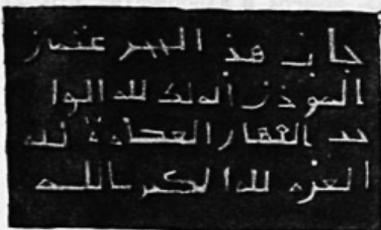

Рис. 15. Надпись из селения Зәхүр.

1239 г.; стр. 40, № 32, строительная надпись (о постройке дома) 701/1301—1302 г. стр. 47, № 22, надпись небрежным сульсом 836/1432—1433 г.³ Всплывают также впервые изображение № 29 известного текста второй надписи из Гельмец 557/1161—1162 г.,⁴ две надписи из Зуроглу 568/1172—1173 и 615/1218—1219 г.; из Рутула тоже две надписи 638/1240—1241 г. (альбом, № 24)⁵ и 910/1504—1505 г., скопированные И. А. Бартоломеем.

Нашлась возобновительная надпись на стенах Ахти 1039 г. х., стр. 45 об., № 36⁶ и рисунок надписи „близ селения Алик на камне, вросшая в дерево“, с датой 808/1405—1406 г., видимо в очень плохой сохранности (альбом, стр. 24, № 52).⁷ Встретилась, кроме того, надпись 766/1374—1375 г., стр. 41, № 33, повествующая о постройке минарета и мечети некими супругами (рис. 16); хотя эта дата в перечень Ханькова 1862 г. не включена, надпись происходит также из Зәхүра и скопирована И. А. Бартоломеем на стене главной мечети.⁸

В начале альбома помещены несколько недатированных надписей, преимущественно надгробных, из некрополей Дербенда, с точной локализацией в аннотациях; чаще упоминается северная сторона, реже южная; есть надписи со стен Дербенда, так же точно локализуемые, или из самого города.

¹ Ср.: Khanukoff. Mémoire..., стр. отд. оттиска 65. — М. Нартман, ук. соч., стр. 2.

² См. выше, стр. 29.

³ Khanukoff, ук. соч., стр. 8 внизу и 9 сверху. — Ханьков. Арх. изв., № 6. — См. выше, стр. 24.

⁴ Ханьков. Арх. изв., № 3, стр. 16 и 12.

⁵ Khanukoff, ук. соч., 8. — Ханьков. Арх. изв., № 11, стр. 27—29.

⁶ Ханьков. Арх. изв., стр. 25 и 30, № 8.

⁷ Ср.: ук. соч., стр. 9—10.

⁸ Ханьков. Арх. изв., стр. 23—29, № 12.

Не идентифицировано еще около 20 надписей и несколько изображений памятников. Дальнейшие разыскания, может быть, дадут возможность их определить. Вполне вероятно, что акварели на стр. 2 без номера и № 62, стр. 49 с подписью (П. Рисса) представляют каравансарай времени Ширваншаха Халиль Аллаха I, тексты из которых Ханыков издал. Акварель № 66, стр. 34, изображает какой-то многогранный мавзолей с пирамидальной кровлей; поверхность ее напоминает стиль армянских памятников. Не выяснено также название круглой башни на стр. 53. Ф. Рыковский нарисовал ее на гористом склоне. До трети высоты она облицована крупными каменными плитами, выше вся из кирпича, причем в среднем поясе кладка рубашки узорчатая. В этот пояс вделаны несколько плит, одна из которых по композиции, но не по числу строк, напоминает два рисунка с надписей, тоже работы Ф. Рыковского на последних страницах альбома (55 и 56). В верхнем поясе башни сбоку имеется пролом и обломан обреза башни вверху.

Задача настоящего исследования прежде всего охарактеризовать обнаруженный альбом со множеством эпиграфических материалов и несколькими видами памятников, связанных с ними. В процессе идентификации опущены как самые тексты надписей, так и критический анализ изданных текстов у Ханыкова, равно как не подвергнуты критике здесь его взгляды на палеографию мусульманских надписей.

Неопубликованные эпиграфические материалы альбома, несмотря на явные искажения в рисунках, весьма важны; быть может, следы многих оригиналов уже исчезли: по рисункам альбома все же создается общее представление об эволюции арабского шрифта и письменности на Кавказе, начиная со второго века хиджры. Но в альбоме есть также и редкие по содержанию надписи, о существовании которых до сих пор никто не подозревал. Это позволит при переиздании надписей Кавказа исходить из новых документов и снабдить следующее издание невоспроизводимыми иллюстрациями.

Между эпиграфическим содержанием и архитектурными сюжетами альбома существует теснейшая связь. То и другое переплетается с исследованиями Н. В. Ханыкова.

Следя за переклейками в альбоме, можно предположить, что сорваны и помещены не на прежние, а на новые места те рисунки, которыми Н. В. Ханыков пользовался для иллюстрирования статьи в „Journal Asiatique“. Рука Н. В. Ханыкова очень часто соприкасалась с материалами, сосредото-

Рис. 16. Надпись из селения Задур 766/1374—1375 г.

точными в альбоме Географического общества; никто, кроме него, не был связан так близко с именами И. А. Бартоломея, Твердохлебова, П. Рисса, и есть все основания считать Н. В. Ханькова владельцем и составителем этого редкого собрания материалов арабской и персидской эпиграфики.

Исследование неизвестного альбома из архива Географического общества было закончено в мае 1946 г. Прошло больше года. Теперь мне удалось найти подтверждение правильности моих выводов. В одном из последних писем к академику Б. Дорну из Парижа Ханьков пояснял подробно по-французски способ репродукции и уменьшения эстампажей надписей в следующих словах:¹

«...Я могу Вам рекомендовать тот, который я употребил сам, чтобы составить мой альбом куфических надписей Кавказа, а именно: я воспроизводил с помощью пантографа каждый лист в желательном размере и я сближал эти уменьшения таким образом, чтобы составить непрерывный текст или полный, если Вы не хотите этого слова, которое кажется мне не существует во французском. Этот метод или скорее этот прием чисто механический. Каждый может это сделать, и оригинал не подвергается опасности, потому что штифт из слоновой кости, который водят по контуру уменьшаемого изображения, не оставляет там никакого следа. После небольшого упражнения я уменьшал легко от 20 до 30 листов в день, по 3 или 4 часа работы, и г. Кестнер, которому я в конце концов доверил эту работу и мой пантограф, уменьшил более 600 листов менее чем за один месяц».

Итак, владельцем и составителем альбома был Ханьков; он же сделал собственными руками уменьшение с крупных рисунков и эстампажей и может быть часть из них уменьшена Кестнером. Нет никаких сомнений поэтому, что все аннотации и арабские транскрипции написаны Ханьковым. Отныне неизвестный альбом материалов по арабской и персидской эпиграфике в Архиве Географического общества перестает быть анонимным и ему смело может быть присвоено название „Альбом Н. В. Ханькова“.

¹ Отрывок из письма Н. В. Ханькова переведен автором настоящей статьи. В виде исключения датировка письма неполная: „28/16 IX-bre Paris, 11 rue de Condé“ без обозначения года. На этой квартире Ханьков жил в 1869 и 1870 гг., судя по двум другим письмам Архива ИВ АН от 12 марта 1869 г. из Парижа и 2 апреля 1870 г. из Флоренции; в обоих проставлен тот же парижский адрес. Следовательно, цитируемое письмо относится к последним годам пребывания Ханькова в Париже и переписки оттуда с Дорном.

С. Е. МАЛОВ

БУЛГАРСКАЯ И ТАТАРСКАЯ ЭПИГРАФИКА

Настоящая статья является продолжением моей статьи почти под тем же заглавием („Булгарские и татарские эпиграфические памятники“).¹

Памятник из с. Старые Шигали

Три снимка с этого памятника я получал от академика В. В. Бартольда для разбора. Академику В. В. Бартольду снимки присланы археологом В. Ф. Смолиным. Как видно из надписи на обороте снимка, камень этот привезен в Центральный чувашский музей (в г. Чебоксары) „со старого кладбища с. Старые Шигали Ковал. волости Цивильского уезда АЧССР 1925 г.“. Памятник этот по орнаменту и боковым стихам напоминает первый Старо-тябердинский памятник, опубликованный в „Иностранческом обозрении“ (1914, кн. 6, см. снимок там и стр. 465).

Татарская эпитафия 949/1542—1543 г.

Лицевая сторона:

1. قال الله تعالى و ما تدري
2. نفسى باى ارضى تموت قال سبحانه
3. و تعالى كل نفس ذائقة الموت
4. [تاريخ توقوز] يوز قرق توقوزدا
5.
6. ايندا [دار فنا دين دار بقا غا]
7. [رحلت قيلدى]

[1] Сказал Бог всевышний: и не знает [2] душа, в какой земле он [человек] умрет. Сказал, всехвальный [3] и всевышний: всякая душа вкусит смерть. [4] По летосчислению в девятьсот сорок девятом [1542—1543 гг. н. э.] [5]... [6] в месяце... [из мира тления в мир вечности [7] переселился].

Правая сторона (рис. 1):

ارى الدنيا خراباً باعتبارى
فلا يبقى مداماً بالتقرارى

¹ Эпиграфика Востока, I, М.—Л., 1947, стр. 38—45.

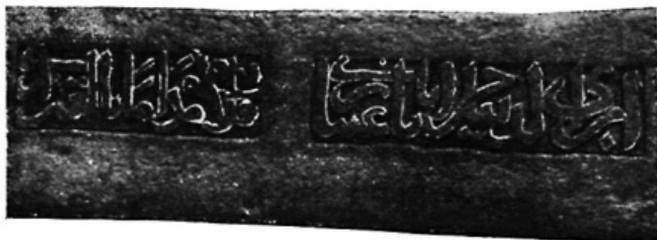

Рис. 1. Татарская эпитафия 949/1542—1543 г. Правая сторона.

Рис. 2. Татарская эпитафия 949/1542—1543 г. Левая сторона.

‘Я знаю, да,—мир, разумеется, тленен и не останется он, поистине, пребывать постоянно’.

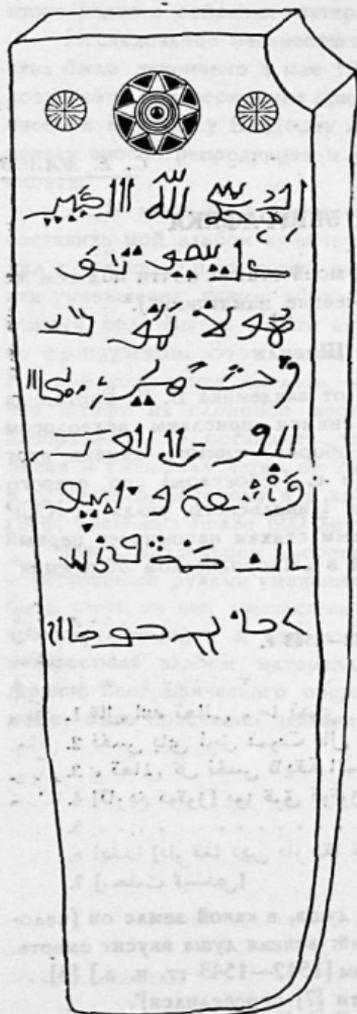

Рис. 3. Бугарский памятник с. Старые Савруши 700/1300—1301(?) г.

Н. Ф. Катанов на Старо-тябердинском памятнике читает вместо *اری* слово *ارض* ‘земля’ и переводят: ¹ ‘Земная жизнь сия разрушится, всеконечно...’, тогда как и там, судя по приложенному снимку стоит *اری*.

Левая сторона (рис. 2):

کورارمن دنیانی ویران باری
همیشه باقی ایرواس یوق قواری

‘Я вижу сей мир: весь он готов рухнуть [что за разруха везде]. Никогда он [мир] не будет вечным. Нет у него [у мира] постоянства [прочности]!’

На Старо-тябердинском памятнике вместо первого слова *کورارمن* ‘я вижу’ стоит *کورارمن* ‘ты видишь’.

Памятники Старо-саврушского и Демкинского кладбищ

На рисунках Старо-саврушских памятников сохранилось их описание: „Надгробный камень при селении Старые Савруши Чистопольского уезда. Длина камня три аршина; ширина: 14 вершков, толщина 6 вершков. Камень лежит горизонтально на старом кладбище, принадлежавшем, по словам местных жителей, то „пушкарам“ т. е. башкирам), то „терекам“ (т. е. тюркям); кладбище находится на юг, при дороге с правой стороны. Снята эта надпись 31 августа 1918 г. Рисунки точны. Рисовал Абрамов-Ирвели“.

Бугарский памятник с. Старые Савруши
700/1300—1301(?) г. (рис. 3)

1. الحكم لله الكبير
2. كل نفس ذايقه الموت
3. ثم الينا ترجعون

¹ Иностранческ. обзор., 1914, кн. 6, стр. 465.

4. احد...مير نمال
5. اللهم ارحمها
6. رحمه وادببعه
7. تاريخ حيات جور
8. جال...كوان ات

[1] Суд принадлежит богу великому. [2] Всякая душа вкусит смерть, [3] потом вы к нам возвратитесь. [4] Девица... [5] О боже, помилуй ее [6] милостью широкою! [7] По летосчислению в семьсот... году, [8] ...дня было.

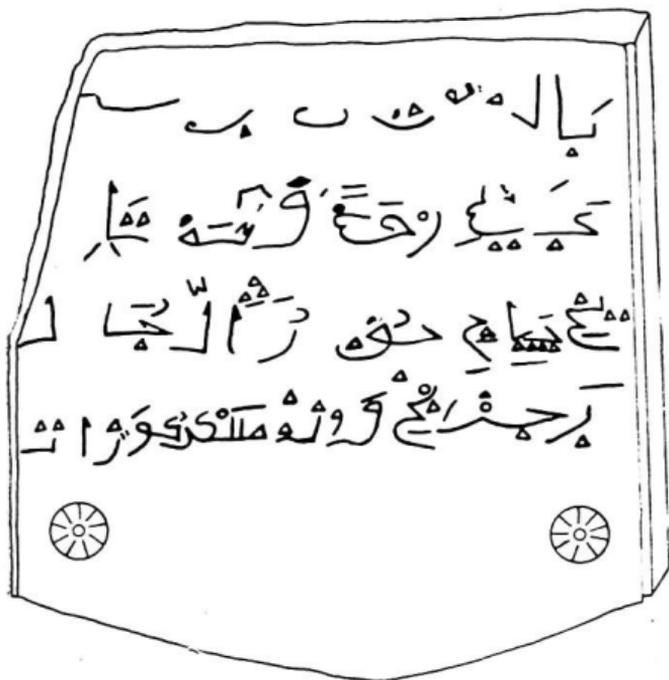

Рис. 4. Булгарский памятник с. Старые Савруши 710/1318 г.

Булгарский памятник с. Старые Савруши 710/1318 г. (рис. 4)

„Надгробный памятник—на старом кладбище при сел. Старые Савруши, к западу от последнего. Камень раскололся надвое. Рисовал Абрамов-Иревли. 31 авг. 1918 г.“

1. قال...
2. عليها رحمه واسعه تا
3. ريغ حيات جور وان جال
4. ررجب ايغ وان سكه كور. ات

'[1] Сказал [бог всевышний]... [2] над нею милостью обширной. По лето- [3]счислению в семьсот десятом году [4] в месяц Реджеб, в восемнадцатый день было'.

Памятник, как видим, поставлен в сентябре 1318 г.

Булгарский памятник с. Демкино 700/1300—1301(?) г. (рис. 5)

Рисунок с этого булгарского камня при сел. Демкино, Чистопольского уезда, сделан В. Н. Абрамовым-Ирвляи 23 июля 1920 г.

1. [د]موت امر اول
2. ... حام اول محمد اول
3. ... بلوىك
4. [رحمه الله] عليه رحمة وادبمة
5. ... تاريخ حيات جور
6. ... م ايغ بلنج كون ات

'[1] Он не умирает сын [2] сын, Мухаммед [3]... памятник. [4] Милость бога над ним милостью обширной! [5] По летосчислению в семьсот [6].. в месяц в пятый день совершилось'.

Памятники из с. Болгары-Успенское

Булгарский памятник 699/1300 г.

Снимок памятника получен от В. Ф. Смолина, через акад. В. В. Бартольда. На обороте фотографии пометка: „Фундамент церкви“.

1. هو الحى الذى لا يموت هذا روضة ...
2. ... ي
3. على حاجى بيك (?)
4. البلغارى اللهم ارحمه
5. رحمه وانه توفى
6. الى رحمه الله تعالى
7. فى شهر ذى القعدة سنة
8. تسبع و تسعين
9. و بيتماده

'Он единый живой, который не умирает. [1] Это место упокоения [сад] [2] ... [3] 'Али, Хаджи бег (?) [4] Булгарский. О боже, помилуй его [5] милостью широкою! Умер [и отошел] [6] к милости 'господа всевышнего [7] в месяц Зиль-Ка'де, в году [8-9] шестьсот девяносто девятом'.

Как видим, памятник поставлен летом 1300 г.

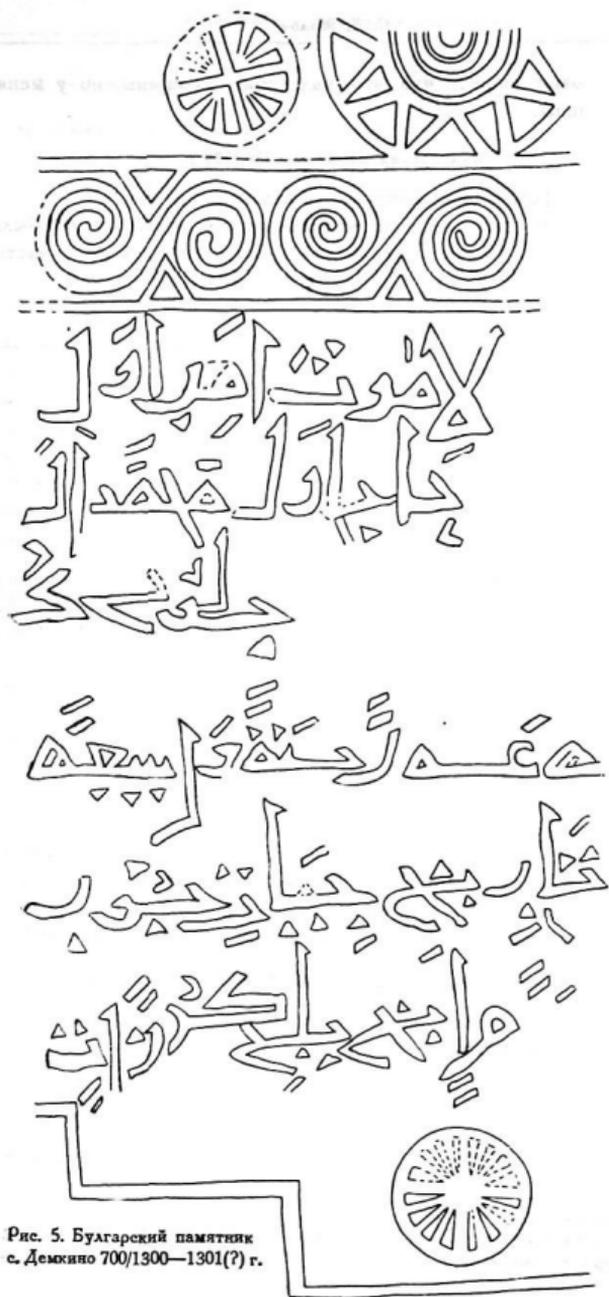

Рис. 5. Булгарский памятник
с. Демжия 700/1300—1301(?) г.

И. Н. Березин пишет,¹ что это надгробие женщины, но у меня это — надгробие мужчины.

Булгарский памятник 730/1329 г.

На обороте фотографии пометка: „фундамент церкви“.

И. Н. Березин замечает, что надпись этого памятника не была снята при Петре Великом. И. Н. Березин разобрал очень немного: часть левой стороны памятника.²

Текст (вверху):

- هو الحى الذى لا يموت
 1. موزيلر نالار احيى (?)
 2. يواراة ايليو بيمف.. نا (?)
 3. رى هير عفيفه زاهده
 4. كه..... رحمة
 5. الله عليها رحمة واسعة تار
 6. يخ حيات جور ووطر جال
 7. ربيع الاول ائخ ... ا

‘Он живой, который не умирает [1-2] ... [3] дочери, безгрешной отшельницы... [4] ... да умилосердится [5] бог над нею милостью обширною! По лето [6] счислению в семьсот тридцатом году, [7] в месяце Рабй’ уль-авваль’ [т. е. в 1329 г. н. э.]’

Дата этой эпитафии у проф. И. Н. Березина не прочитана; нет ее и у проф. Н. И. Ашмарина. Внизу памятника вырезана в каком-то „обратном“ порядке цифра „24“. К чтению И. Н. Березина некоторые поправки внесены Н. И. Ашмариным.³ Из числа замечаний этого ученого следует особо отметить исправление, предположительно, не имея механического воспроизведения эпитафии, слова *ووطد* на числительное *ووطر* (т. е. тридцать), которое как раз теперь я и вижу прямо по снимку на этом памятнике, хотя мне, как и проф. Н. И. Ашмарину, хорошо известно, что „мы этого числительного на других памятниках не встречаем“. Таким образом, здесь встречается новое булгарское слово — числительное „тридцать“ — *ووطر* (ср. чувашское „вӑтӑр“ ‘тридцать’).

Булгарский памятник 727/1326—1327 г. (рис. 6—7)

Два фотографических снимка с этого памятника получены были мною от проф. Н. Ф. Катанова.

- الحكم لله
 1. عَلَى اَوَّلِ احمد اَوَّلِ
 2. بَمَضَانِ بَلْوَى كَى

¹ Булгар на Волге, стр. 56.

² Булгар на Волге, стр. 57. — Ср.: Болгары и чуваша, стр. 86.

³ Болгары и чуваша, стр. 86.

رَحْمَةً اللهُ عَلَيْهِ

4. حَمَّةٌ وَأَبِيعَةَ تَارِيخِ

5. جِيَاتِ حُورِ جَبْرَمِ

6. جِيَاتِي جَالِ آتِ

‘Суд принадлежит богу.

[1—2] Памятник Рамадана, сына Ахмеда, сына ‘Алдия. [3] Милость бога над ним ми [4] лостью обширною. По летосчислению [5] в семьсот двадцать [6] седьмом году было’. Памятник поставлен в 1326—1327 г.

Булгарский памятник без даты (рис. 8)

В 1902—1903 г. памятник этот находился в Булгаре в одной из булгарских палат. Памятник осмотрен мною и сфотографирован при содействии И. Савосина. Здесь воспроизводится снимок, полученный мною от Н. Ф. Катанова (или В. Ф. Смолина.).

1. كل نفس ذائقة الموت

2. ثم اليها ترجعون

3. الطريم هير سوس

4. المة بطيك رحمه الله

5. عليه رحمه

6. واسعه

[1] Каждая душа вкушает смерть. [2] Потом вы к Нам возвратитесь. [3—4] Памятник (эпитафия) дочери Алтарйма, Сус-Эльме. Милость бога [5] над нею (изпечатано: над ним) милостью [6] обширною’.

Пятая и шестая строчки расположены вертикально. В тексте (5 строка) вм. عليه ‘над ним’ следует

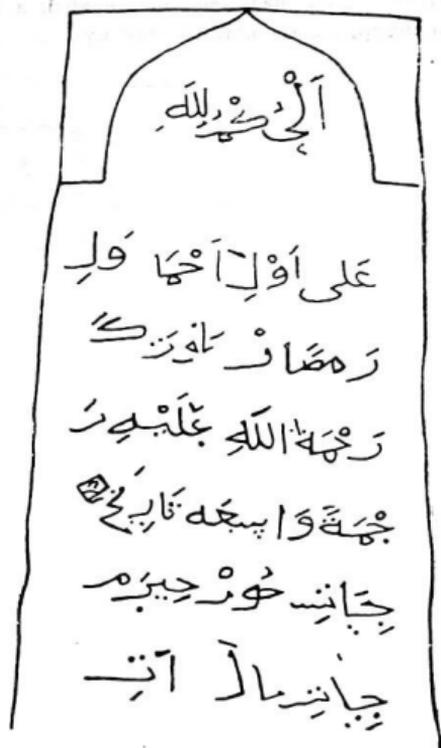

Рис. 6. Булгарский памятник 727/1326—1327 г.

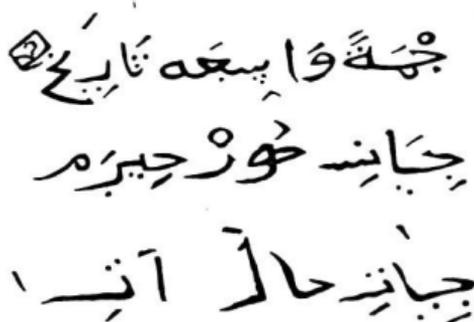

Рис. 7. Булгарский памятник 727/1326—1327 г.

Деталь.

читать عليها 'над ней'; ср. ошибки в эпитафиях арабских, где тоже вместо, например, *توفى* встречается муж. р. *توفى*.¹

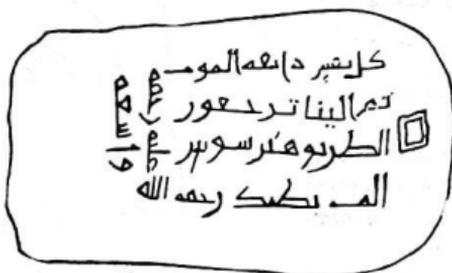

Рис. 8. Булгарский памятник без дат.

Фрагмент Булгарского памятника 728/1327—1328 г. (рис. 9)

1. تاريخ حيات جور جيرا
2. سكر جال ... ايغ
3. [اون سكر كوان ات

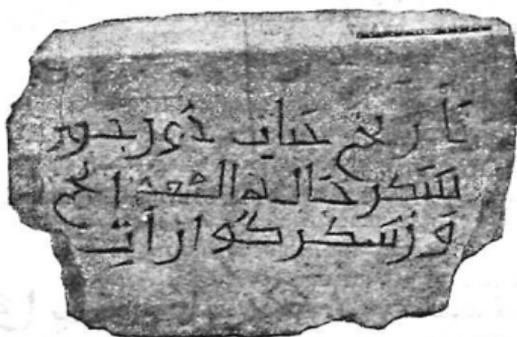

Рис. 9. Фрагмент Булгарского памятника 728/1327—1328 г.

[1—3] По летосчислению в семьсот двадцать восьмом году. В месяц... восемнадцатого дня было'.

Памятник поставлен в 1327—1328 г.

¹ В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР. Труды Музея палеографии, т. III, Л., 1929, стр. 49.

А. А. СЕМЕНОВ

НАДПИСИ НА НАДГРОБИЯХ ТИМҮРА И ЕГО ПОТОМКОВ В ГУР-И ЭМИРЕ

В июне 1941 г. я входил в состав правительственной комиссии, возглавлявшейся т. Кары-Ниязовым, заместителем председателя Совета Народных Комиссаров УзССР, целью которой являлось вскрытие в Самарканде погребений Тимүра, его сыновей, Мирāншāха и Шāхроҳа, и внуков, Улуг бēка и Муҳаммед султāна. Многочисленные корреспонденты столичной и местной прессы, газетные и журнальные работники, писатели, художники, артисты и киноработники, представители некоторых партийных, правительственных и общественных организаций в ожидании сенсационных открытий и возможных находок проявляли необычайный интерес к экспедиции и к ее работам. Вследствие этого чрезвычайно возрос в те дни интерес к литературе, посвященной мавзолею Гур-и Эмир и к надписям, покрывающим надгробные плиты в самом склепе названного мавзолея и надгробия в его верхней части. Но если хорошее популярное описание Гур-и Эмира и имеющихся погребений в его центральной части можно было найти в трудах В. Л. Вяткина и М. Е. Массона,¹ то удовлетворить любознательность публики в отношении содержания надгробных надписей оказалось делом невозможным, так как ни один из авторов, писавших о Гур-и Эмире и о древностях Самарканда, совершенно не касался этих надписей, несмотря на их большую историческую важность; не была отражена в этих трудах и та богатая эпиграфика, которая покрывает стены мавзолея. Не представляет в этом отношении исключения и самое, казалось бы, капитальное и роскошное издание Археологической комиссии „Самаркандские мечети. Альбом архитектурных рисунков и чертежей, вып. 1, Мечеть Гур-Эмир“ (СПб., 1905), если не считать в виде начальной заставки „верхней поверхности нефритового надгробия над могилою Тамерлана“,² надпись которой, впрочем, не расшифрована и не переведена. Таким образом, нельзя не прийти к заключению, что в имеющихся немногих трудах, посвященных

¹ В. Вяткин. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1927, 32 стр.; М. Е. Массон. Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд, 1929, 626 стр.; М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир. Ташкент, 1926, 30 стр.

² Н. Веселовский. Самаркандские мечети. Альбом архит. рисунков и черт., вып. 1, Мечеть Гур-Эмир, СПб., 1905. Библ. заметка в ЗВО, т. XVII, СПб., 1906, стр. 0184.

мавзолею Тамерлана, отведено место лишь внешнему описанию этого памятника с приведением иногда более или менее остроумных домыслов и предположений архитектурного порядка; что же касается, если можно так выразиться, идейной стороны усыпальницы Тамерлана и духа имеющихся в ней настенных и надгробных надписей, то все это до сих пор остается неизвестным. Правда, едва ли не единственная на русском языке попытка опубликовать некоторые из надписей Гур-и Эмира принадлежала С. А. Лапину, который дал перевод двух надписей: на самом Гур-и Эмире и на нефритовом надгробии „великого эмира“,¹ сделав их с копий надписей, снятых одним из хранителей-приживальщиков („шейхов“) Гур-и Эмира, мирзой Абӯ Са'йд Ма'сӯмом. Всем прежним путешественникам и местным деятелям, интересовавшимся самаркандскими древностями, хорошо были известны эти копии. Они представляли большие полосы плотной писчей бумаги, склеенные из нескольких листов в натуральную величину каждого надгробия, нередко на восточный манер вылощенные агатовым зубом; по приготовленной так полосе бумаги Абӯ Са'йд Ма'сӯм писал толстым, с широким срезом, тростником, почерком насх, или насх-и сулс ту или иную надпись и продавал такие копии по 10—30 рублей. Как он рассказывал мне, в числе его клиентов были покойные профессора Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский и другие. В бытность нашей Комиссии в 1941 г. в Самарканде, около Гур-и Эмира, Абӯ Са'йд Ма'сӯм был еще жив и неоднократно появлялся с такими точно снимками надписей, предлагая их по 150 рублей за штуку.

Труд Лапина в свое время вызвал строгие рецензии местных деятелей.² Петербургские и московские востоковеды обошли его молчанием. В отношении единственной переведенной Лапиным надписи из Тимуровой усыпальницы, той, что на нефритовом надгробии „Железного Хромца“, следует сказать лишь одно, что С. А. Лапин не только местами искажил смысл арабского текста, но, совсем отказавшись от перевода самой важной для историка боковой части надгробия, что в ногах покойника, совершенно ошибочно заметил, что „далее приводится молитва, которая не переведена“.³ Как видно из прилагаемой при этом надписи и перевода, никакой молитвы в ней нет.

Вторым лицом, писавшим о самаркандских надписях, был французский ученый нашего времени Э. Блоше (E. Blochet). Его статья „Les Inscriptions de Samarkand“, напечатанная в „Revue Archéologique“ за 1897 г., т. I, стр. 67—109, была также выпущена в свет и отдельными оттисками. К сожалению, эта работа французского ориенталиста страдает большими дефектами. Так, надпись на надгробии Тимура, обозначаемая автором как *Inscription A (face supérieure dans la chapelle du rez-de-chaussée, стр. 7 отд. оттиска)*, относится

¹ Справочная книжка Самаркандской обл. на 1896 г. Самарканд, 1896, стр. 3—4, отд. IV, статья „Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда“.

² Н. Ф. Петровский. Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда С. А. Лапина. Самарканд, 1895 (в № 13 „Туркестанских ведомостей“ за 1896 г.). — В [я т к я в]. Еще о книжке г. Лапина (Письмо в редакцию), „Туркестанские ведомости“, 1896, № 20.

³ С. А. Лапин, ук. соч., стр. 4, прим. 1.

к знаменитому надгробию из черного нефрита, поставленному Улуг бəком в Гур-и Эмире над местом погребения в склепе его грозного деда. При этом надпись на торцовой части надгробия в ногах покойника совершенно не приводится, хотя она заключает важные исторические сведения. Другая надпись на гробнице Тимūra, обозначаемая Э. Блоше как *Inscription B* (*dans la croupe de Goūr-i Mir*, стр. 10 отд. оттиска), вообще не существует и неизвестно, откуда она взята автором. Самая же замечательная по выполнению и по обширности надпись на надгробной плите Тимūra, в склепе, под нефритовым саркофагом, совершенно не упоминается. Страшно тяжелая беломраморная плита с этою надписью, состоящая из трех, хорошо пригнанных друг к другу, кусков, прикрывает мраморное ложе, опущенное в землю; в нем оказался деревянный, из арчи (по другому определению — из тута), гроб с останками Тимūra, некогда покрытый роскошным черным шелковым покрывалом с арабской надписью, вытканной золотыми нитями. Теперь от этого покрывала сохранились лишь фрагменты. При вскрытии гроба в первые моменты из него пахло резким ароматным запахом. Этими подробностями подтверждается рассказ анонимного автора, что Тимұров „труп надушили благовониями, розовой водой, мускусом и камфарой“,¹ и опровергается известие Ибн 'Арабшāха, что „тело [Тимұра] через некоторое время было переложено в стальной гроб, приготовленный искусным мастером из Шираза“.² Блоше совершенно не упоминает о надписи на надгробной плите над погребением Шāхроха, заключающей интересные и до сих пор неизвестные исторические данные. У Блоше приведены полностью лишь надписи на гробнице сына Тимұра, Мирāншāха, и на надгробной плите Улуг бəка. Любопытно отметить, что Блоше приводит сначала надписи без большинства диакритических точек, что дает повод думать, что надписи так и были вырезаны, а потом дает их в восстановленном виде, соответствующем требованиям обычной арабской письменности. Между тем все надписи в действительности имеют не только диакритические точки, но и во многих местах огласовку харакатами. Как могло все это случиться, — трудно сказать; автор утверждает, что для чтения и интерпретации надписей на гробницах Тимұра и Мирāншāха он располагал фотографиями, а для прочих эстампажами, вывезенными из Средней Азии Э. Бланком (E. Blanc; стр. 4 отд. оттиска). Повидному, это были не эстампажи, а столь похожие на них вышеупомянутые копии Абū Са'ид Ма'сūма, не совсем отличавшиеся безусловной точностью.

Несмотря на такое, казалось бы, невнимание к эпиграфике Гур-и Эмира, ею все же частично пользовались покойные историки Востока, академик

¹ В. Бартольд. О погребении Тимұра. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 21 (отд. оттиск).

² В. Бартольд, ук. соч., стр. 23. Это известие Ибн 'Арабшāха, кажется, не взмывало сомнений у ученых, и М. Е. Массон, приводя названное свидетельство Ибн 'Арабшāха, добавляет, как бы желая подтвердить справедливость слов историка Тимұра, что „магнитные наблюдения 1925 г. над могилкой Тимұра подтвердили наличие в ней парамагнитного тела, вероятно, остатков гроба, а м. б. и других предметов“ (М. Е. Массон, ук. соч., стр. 19, прим. 1). В действительности ничего подобного в могиле Тимұра не оказалось.

В. В. Бартольд и Л. А. Зимин. Оба они ссылаются на дату смерти Тимүра (14 ша'бана 807 г.), правда, в неопределенных выражениях: „в надгробной надписи“ (акад. Бартольд); „на могиле Тимура“ (Л. А. Зимин).¹ Дата эта в действительности имеется на нефритовом надгробии Тимүра, поставленном Улуг бекком, на надгробной же плите Тимүра никаких дат нет. Академик В. В. Бартольд, со ссылкой на Блоше, упоминает о надгробной надписи на могиле Улуг бека, „где с явным осуждением упоминается об отцеубийстве 'Абдал-Латифа“.²

В то время как происходило вскрытие гробниц Тимүра и тимуридов с необходимой регистрацией, обмерами, зарисовками и фотографированием всего обнаруженного, мне удалось в значительной мере разобрать и записать надписи в склепе на надгробных плитах Улуг бека, Шāхрoхa и сомнительного Сейид 'Омара, а в самом мавзолее надписи на надгробиях: Мйрāншāха, на нефритовом надгробии Тимүра и на надгробии его внука Мухаммеда султāна. В апреле 1943 г. Юбилейным комитетом Навои был командирован в Самарканд покойный фотограф-специалист И. П. Завалин, снявший фотографии размером 13 × 18 со всех вышеназванных надгробных надписей. По этим фотографиям я проверил свои чтения, исправил казавшиеся мне сомнительными начертания отдельных слов и в более спокойной обстановке перевел все эти надписи.

Так как надпись на надгробной плите Тимүра в свое время мною не была прочтена по крайней сложности ее вязи, то И. П. Завалин по моей просьбе сделал с нее более увеличенную, чем 13 × 18, репродукцию, по которой я и даю текст и перевод этой очень сложной надписи, выполненной, по моему мнению, весьма талантливым „машшāком“ того времени.

Переходя к содержанию надгробных надписей, я позволю себе начать с основной, самой большой.

Надпись на мраморной плите, прикрывающей могилу Тимүра в склепе Гур-и Эмир, в Самарканде

Надпись [по-арабски] начинается с самой нижней, что в ногах покойника, поперечной ленты (рис. 1): \parallel هذا مرقد السلطان الاعظم والخاتان الاكرم

Отсюда переходит на левое, от зрителя, окаймление:

باسم الامن و الامان امير تيمور گورگان بن امير ترغای بن الامير بگل بن الامير ایلانکیه
بن الامير ايجل بن الامير قراچار نويان بن الامير سوفوجيچن بن الامير ايردمجی برلام
بن الامير قجولای بن الامير تومنای ثم جنگیز خان بن الامير يسوگای بهادر \parallel

¹ В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, стр. 20; Л. Зимин. Подробности смерти Тимура. Протокол Турк. кружка люб. арх., год XIX, Ташкент, 1914, стр. 49.

² В. В. Бартольд. Улуг бек и его время. Пр., 1918, стр. 135.

³ Показанные знаком \square лакуны указывают на выбитые места; чтение разрушенных слов установлено по соответствующим местам на других плитах.

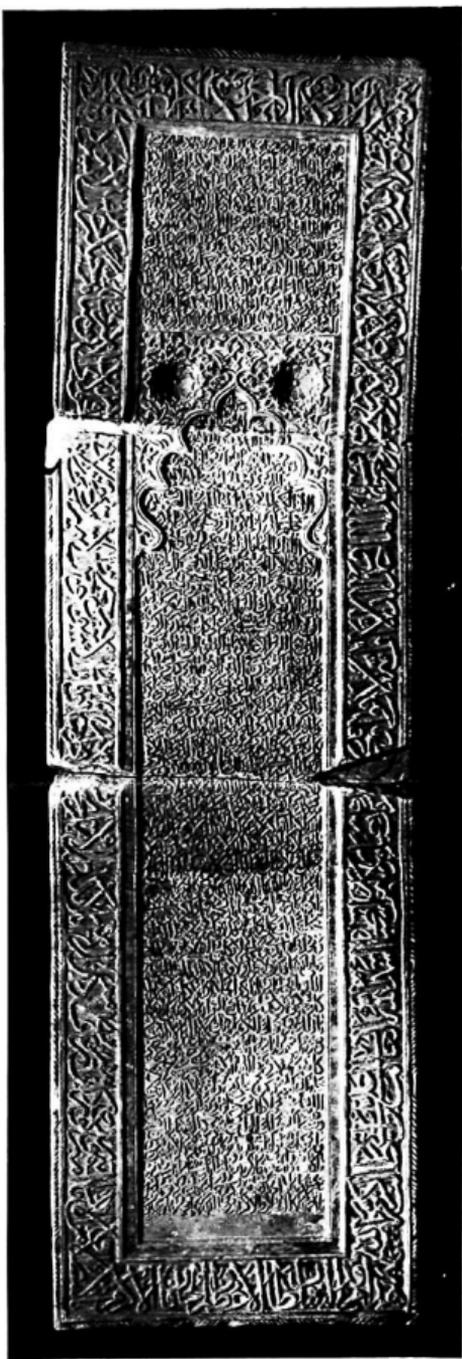

Рис. 1. Надгробная плита над погребением Такура в склепе.

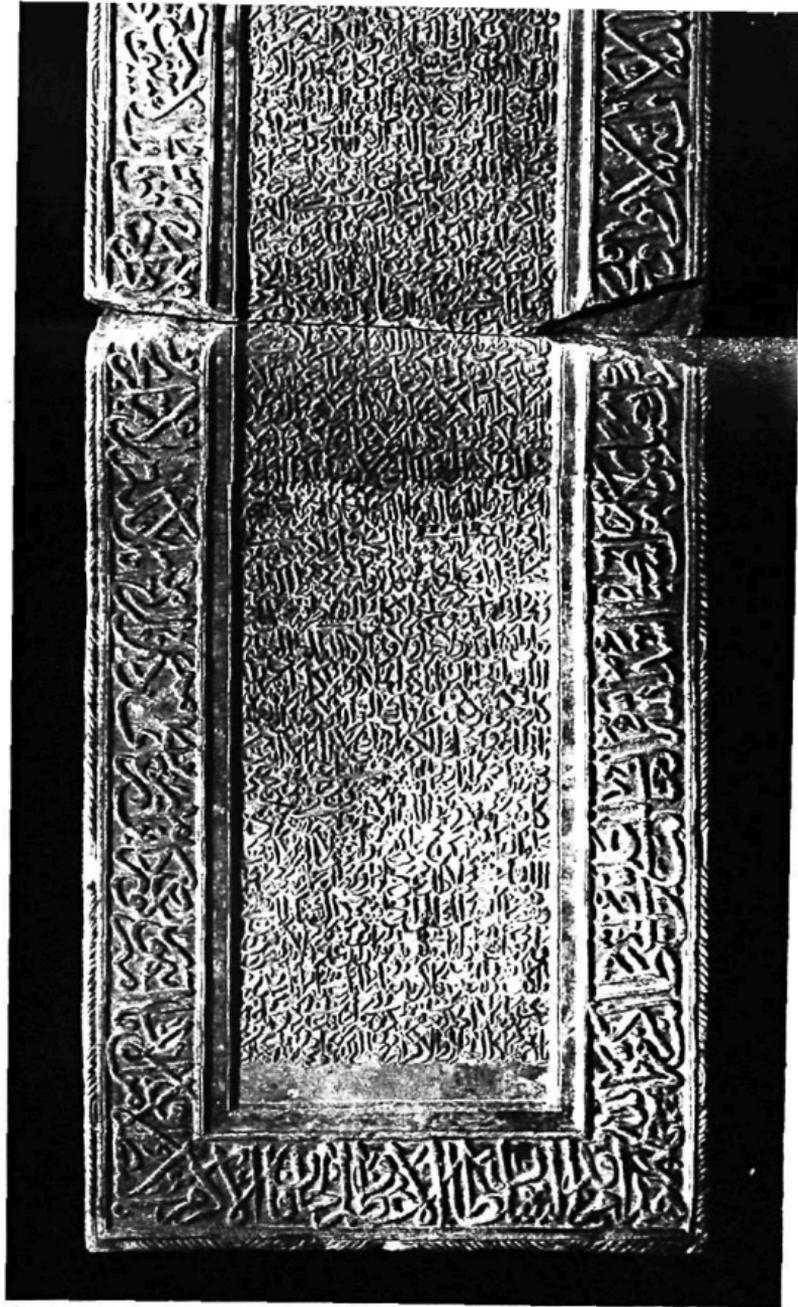

Рис. 1. Надгробная плита над погребением Тимура в склепе.

Затем переходит на самое верхнее, в изголовье, окаймление:

بن الامير برتان بهادر بن الامير قبول خان بن الامير تومناى بن الامير

Отсюда спускается вниз по правой, от зрителя, кайме:

بايستقور بن الامير قيدو بن الامير تومناى (?توتومتين) بن الامير يوقا بن
الامير بونجر و لم يعرف لهذا الماجد والد الا ان امه الانقوا وقد حكى لم انه
بغيا بنور زكاء من اسباط اسد الله الغالب على بن ابى طالب كرم الله وجهه

Эта могила — величайшего султана, благороднейшего хакана, || простирающего безопасность и защиту, амира Тимүра „Гүрегана“, сына амира Тарагайя, сына амира Баргуля, || сына амира Айлангыра, сына амира Йджиля, сына амира Қараджар Нойана, сына амира Сүгүджиджина, сына амира Йрдамчи „барласа“, сына амира Качулайя [хана?], сына амира Туманая. Затем [следует] Чингиз хан, сын амира Есүкай бахадуря, || сына амира Бартан бахадуря, сына амира Қабұл хана, сына амира Туманая, сына амира || Байсунқуря, сына амира Қайдү, сына амира Туманая¹ [вероятно, нужно Тутүмтына], сына амира Бүгә, сына амира Бүзданджиря. И не был известен отец сего благородного, а только его мать Алая Қувә. И как рассказывается, [это] не было [с ее стороны] прелюбодеянием, а следствием чистого света, [проистекшего] от [одного из] потомков Льва [Асад] Аллаха — победителя, ‘Алия, сына Абү Тәлиба, — да почитает Аллах лице его!’

На самой плите, между окаймлением с вышеприведенной надписью, идет следующая арабская надпись, сделанная очень сжатым скульсом и занимающая 51 строку:

1. بسم الله الرحمن الرحيم بسم الله باسمه المبتدأ ربّ الآخرة والاولى لا غاية له ولا منتهى
2. في السموات العلى الرحمن على العرش استوى الله العظيم آله دائم النعماء قاهر الاعداء
3. الرحمن عطف برزقه معروف بلطفه عادل في حكمه عالم في ملكه الرحمن رحيم الرحماء عليهم
4. العلحاء بصير البصراء غفور الغفراء باحث الانبياء صاحب الاولياء قادر على مايشاء قدير
5. سبحان الله الملك الحميد لى العرش المجيد فعال لما يريد ربّ الارباب و مستبب
6. الاسباب ورازق وخالق الاخلاق قاهر المقدور و قاهر المقهور
7. وعادل يوم الحشر و النشور آله الآلهة يوم الواقعة رحيم غفور شكور الحمد لله رب العالمين
8. الحمد لله الملك الرحيم الاول القديم خالق العرش العظيم والسموات

¹ Таким образом, амир Тимүр и Чингиз хан восходят к одному общему предку, монголу амиру Туманая, от которого, по линии одного его сына, Качулая, произошел Тимүр, а от другого, Қайдү, произошел Чингиз.

9. والارضين وهو السميع العليم قابل التوبة شكور حلیم والمحمد لله
10. العظيم هو الاول والاخر والظاهر والباطن الغاتع الدائم رازق البهائم

Надпись дальше продолжается под своего рода резным увяном:

11. صاحب
12. ابع السلا.....
13. يشفع السقيمين و يغفر الخاطين
14. و يعفو عن الهاربين و يحب الصالحين و يبّر النادمين
15. و يستر المذنبين و يومن الحائسين سبحانك لا اله
16. الا انت الكريم المعبود غافر الخطايا وسائر العيوب شكور
17. حلیم عالم في الحدود منبت الزروع والاشجار ومدیر
18. الليل و النهار فائق المحبوب غنى عن الخلق قاسم
19. الارزاق علام الغيوب مذهب الغموم انت الذي سجد لك سواد الليل
20. ونور النهار وضو القمر وشعاع الشمس وحقق الشجر وذوى الماء
21. الهى انت الذى سجد لك السماء و الارض و البر و البحر و من فيهن
22. الهى انت الذى ليس كمثلته شئ وهو على كل شئ قدير الهى انت
23. تعلم السر والاعلان وما في القلوب الهى انت الذى تغفو
24. عن المعاصى بعد أن يغرق في الذنوب الهى انت الذى كل شئ خلقته
25. ينصرف اليك بالمنصرف الهى اغفرلى خطيئتي يا رب فافض حاجتي كما
26. قلت ادعوني استجب لكم و انت بوعدك مصدق بعتني من الكرب
27. والغم والهتم والدين والضيق الشدة و المرض انت غياثي
28. كل مكروب ومظلوم ومصروب الهى انت الذى قلت لا
29. تقنطوا من رحمتي¹ و انت لقولك صادق لست بمكذوب
30. و احفظني يا مولاي من افات الدنيا والآخرة ولا تفضحني
31. سيدي على رؤس الخلائق خاصة في يوم الموعود الله اكبر
32. الله اكبر الله اكبر لا ضد له ولا ند له ولا وصل له ولا
33. شبه له ولا وصف له ولا كفو له ولا حد له ولا حدود له ولا
34. مثل له ولا شريك له في الملك ولا وزير له اسألك يا عزيز
35. يا عزيز يا عزيز يا الله يا الله يا رحمن يا رحمن يا رحيم
36. يا رحيم يا رحيم إن ترنني في منامي ما رجوت منك و اكرمتني لمغفرتي
37. خطيئتي إنك على كل شئ قدير و أزرقتني حفظ القرآن
38. وتغلطهما بدمي ولحمي وتكلمني الى نفسي طرفه عين أنك
39. على ما تشاء قدير ولا حول ولا قوة الا بالله العلي العظيم
40. اللهم يا حنان يا منان يا نبي الجلال و الاكرام اشهد ان
41. كل معبود من دون عرشك الى قوار الارضين السابعة

¹ Коран, сура XXXIX, стих 54: تَقْنَطُوا مِنْ رَحْمَةِ اللَّهِ.

42. باطل غير وجهك الكريم امننت بك لا آله الا انت
 43. ورَضِيَّتْ بِكَ رَبًّا يَا غِيَاثَ الْمَسْعِيْنِيْنَ اَغْنِنِيْ وَفَرِّجْ عَنِّيْ
 44. كُلِّ سُوٍّ وَمَكْرُوْهِ فِي الدُّنْيَا وَالْآخِرَةِ وَاَصْرَفْ عَنِّيْ شَرَّ جَمِيْعٍ
 45. خَلَقْتَهُ وَاَرْزَقْتَنِيْ وَوَسَّعْ عَلَيَّ رِزْقِيْ وَاغْنِنِيْ لَا اِلَهَ اِلَّا اَنْتَ
 46. اَللّٰهُمَّ اَغْنِنِيْ بِجَلَالِكَ عَنْ حِرَامِكَ وَبِطَاعَتِكَ عَنْ مَعْصِيَّتِكَ
 47. وَبِفَضْلِكَ عَمَّنْ سِوَاكَ اَللّٰهُمَّ اَنْتَ خَلَقْتَنِيْ وَلَمْ اَكْ شَيْئًا ظَلَمْتَ نَفْسِيْ
 48. وَاَرْكَبْتَ الْمَعَاصِيَ وَاَنَا مُقْتَرِكٌ بِدَبُوْبِيْ يَا رَبِّ اِنْ غَفَرْتَنِيْ فَلَا يَنْقُصُ مِنْ
 49. مَلِكِكَ شَيْءٌ وَاِنْ عَذَّبْتَنِيْ فَلَا يَزِيْدُ فِيْ سُلْطَانِكَ شَيْءٌ يَا رَبِّ اَنْتَ تَجِدُ مِنْ
 50. غَيْرِيْ وَاَنَا لَا اَجِدُ مِنْ يَغْفِرْ لِيْ ذَنْوِيْ غَيْرِكَ فَاغْفِرْ لِيْ ذَنْوِيْ يَا غَفُوْرٌ
 51. يَا رَحِيْمٌ يَا ذَا الْجَلَالِ وَالْاِكْرَامِ وَصَلَّى اللهُ عَلٰى مُحَمَّدٍ وَاٰلِهِ الْاَجْمَعِيْنَ

[1] Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Во имя Аллаха, во имя его всеначинающее, владыки будущей жизни и настоящей; нет ему конца и предела [2] в горных небесах. Всемилосердный утвердился на своем престоле. Аллах велик [в своих] милостях, он вечен [в своих] благодеяниях, он — победитель [всех] врагов, [3] он — всемилосердный, милостивый своими щедротами, известный свою благостью, он справедливый в своих решениях, он — всеведущий в своем владении, он — всемилосердный, [самый] милостивый из милостивых, он всезнающий [4] из ученых, он всевидящий из видящих, он — всепрощающий из прощающих, он — посылающий пророков, он — владыка святых, он — всемогущий: что пожелает, мощен осуществить. [5] Слава Аллаху, царю преславному, обладателю преславного престола, делающему всегда то, что он желает, господину господ, причине всех [6] причин, наделяющему [всех своими] щедротами, творцу [всех] тварей, всевластному в отношении [всего] предопределенного; победителю [всех] побежденных, [7] правосудному в день страшного суда и [всеобщего] воскрешения, божеству божеств судного дня, милостивому, прощающему, щедро вознаграждающему. Хвала господу миров! [8] Хвала Аллаху, царю милостивому, изначально существующему, создателю великого престола; небес [9] и земля. Он — всеслышащий, всезнающий, приемлющий покаяние, щедро вознаграждающий, долготерпеливый. Хвала Аллаху [10] великому! Он — первый и последний, явный и скрытый, всегда побеждающий и питающий [всех] животных. [11] Он — владыка... [12] ... [выбито], [13] он исцеляет больных и прощает виновных, [14] он отпускает проступок беглецов и любит благочестивых; он — добр к раскаивающимся, [15] он скрывает преступления грешников и дарует надежду обманутым в своих надеждах. Я славлю тебя славословием, достойным тебя! Нет божества [16] кроме тебя, всеблагого, всепоклоняемого, прощающего прегрешения и покрывающего недостатки, щедро вознаграждающего, [17] долготерпеливого,

¹ Ср. выражение в Коране в стихе 20, сура XIX: *وَلَمْ اَكْ بَغِيًّا* и в той же сура в стихе 10: *قَدْ خَلَقْتَنِيْ مِنْ قَبْلُ وَلَمْ اَكْ شَيْئًا*.

знающего о пределах произрастания трав и деревьев, управляющего [18] ночью и днем, заставляющего произрастать зерно, не нуждающегося в тварях, наделяющего [19] [всех своими] щедротами, ведающего сокровенное и устраняющего печали. Ты тот, пред которым распростирается чернота ночи [20] и свет дня, сияние луны и лучи солнца, высыхают деревья и иссушаются воды [21]. Боже мой, ты тот, которому поклоняются небеса и земля, суша и море и то, что в них! [22] Боже мой, ты тот, „которому нет [никого и] ничего подобного! Он — всемогущий!“¹ Боже мой, ты [23] знаешь тайное и явное и то, что в сердцах! Боже мой, ты прощаешь [24] непокорного, после того, как он погряз во грехах! Боже мой, ты тот, который сотворил все сущее [25] [и] оно возвращается к тебе по [своем] удалении [из бытия]! Боже мой, прости мне грехи мои! Господи, уничтожь нужду мою подобно тому, как [26] ты [сам] сказал: „призывайте меня и я буду внимателен к Вам!“² Ты искренен в своих обещаниях, избавь же меня от горести, [27] печали, заботы, от долгов, недостатков, несчастья и болезни! Ты — помощник [28] всех удрученных горем, угнетенных и пораженных! Боже мой, ты тот, который сказал: „Не [29] отчаивайтесь в моей милости!“³ Ты же правдив в своем слове, и оно у тебя неложно. [30] Сохрани меня, господин мой, от несчастий этого мира и будущей жизни и не постыди меня, [31] о, мой владыка, пред вождями народов особенно в день Страшного Суда! Аллах велик, [32] Аллах велик, Аллах велик! Нет ему противодействующего, нет ему равного, нет у него [ни с кем] связи, нет [33] ему подобного, он не описуем, нет ему подобного, нет ему предела, нет ему границ, нет [34] у него образа, нет у него сотоварища в царстве [его] и нет у него вазира. Я прошу тебя, о всеисильный, [35] о могущественный, о преславный, о Аллах, о Аллах, о всемилостивый, о всемилостивый, о всемилостивый, о милосердый, [36] о милосердый, о милосердый, если бы ты показал мне во сне то, на что я надеюсь на тебя! Ты почтил меня прощением мне [37] моего прегрешения, истине ты — всемогущ!⁴ Даруй мне сохранение [в памяти] Корана! [38] Ты смеялся вместе мой ум и мою плоть и ни на одно мгновение не предоставил меня самому себе, [39] потому что [для всего], что ты захочешь [ты] — всемогущ! Нет мощи и силы ни у кого, кроме как у Аллаха всевышнего великого! [40] Боже мой, о всемилостивый, о прещедрый, о владыка величия и почета, свидетельствую, что [41] все объекты поклонения, что ниже твоего престола до седьмой земли включительно, [42] ложны, кроме твоего существа. Боже мой, я уверовал в тебя; нет божества, кроме тебя! [43] Я избрал тебя [своим] владыкою; помоги [же] мне, о помогающий просящим о помощи, и устрани от меня [44] все зло и напасти, [как] в этом мире, [так] и в будущей жизни! Устрани от меня зло всех [45] твоих тварей, ущедрь меня,

¹ Коран, сура II, стихи 19, 100 и 103. Кроме того, встречается во многих стихах.

² Коран, сура XI, стих 62.

³ Коран, сура XXXIX, стих 54 (там буквально сказано: „не отчаивайтесь в милости Аллаха!“).

⁴ Коран, сура III, стих 25, также сура LXVI, стих 8.

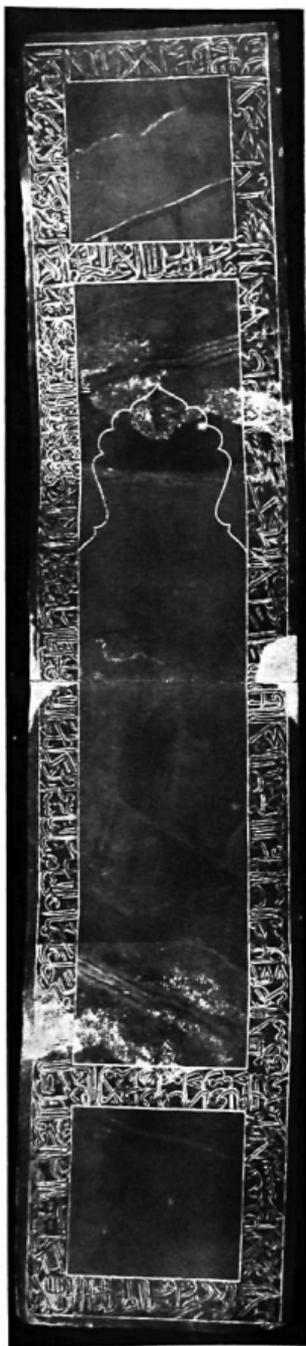

Рис. 2. Суровое изобретение или искусство изготовления Ташта.

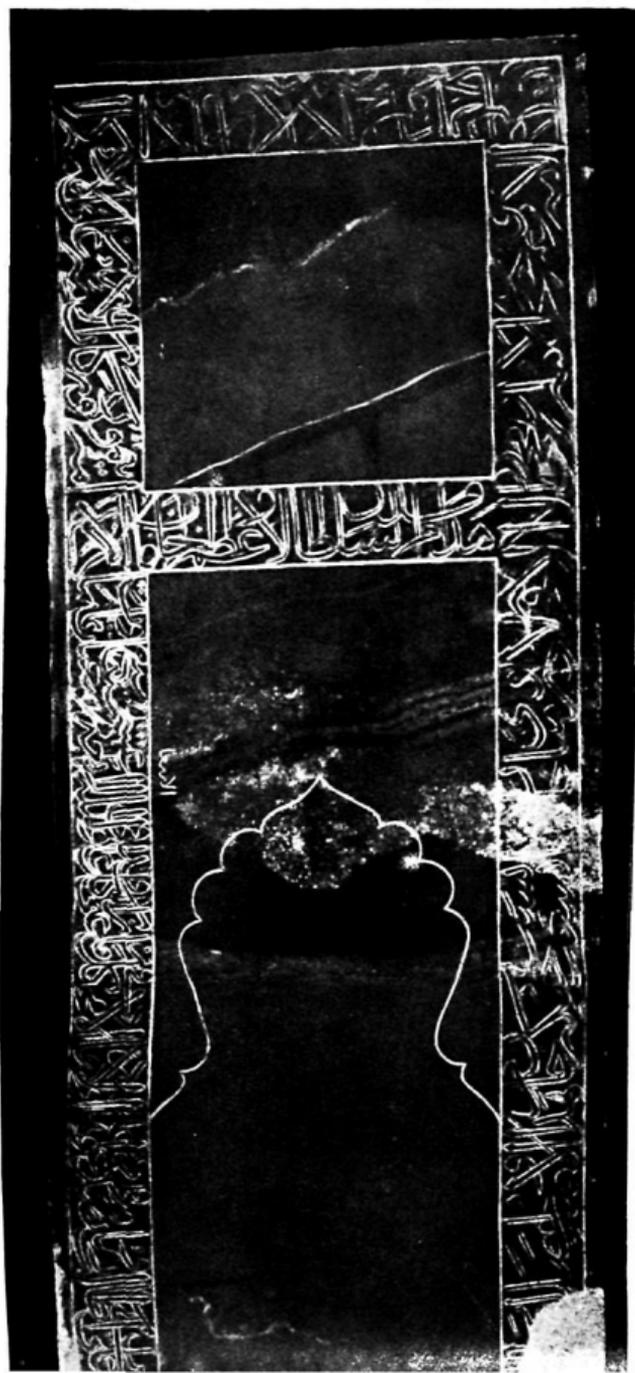

Рис. 2. Саркофаг из нефрита над местом погребения Тимура.

Рис. 3. Торцовая плита нефритового надгробия над могилой Тимӯра.

распространи на меня твои дары и помоги мне! Нет божества, кроме тебя! [46] Боже мой, окажи мне помощь в разрешенном тобою вместо запрещенного тобою, в покорности тебе вместо неповиновения тебе [47] и в благодости твоей от того, что исключает тебя! Боже мой, ты сотворил меня и я не был [до того] чем-либо. Я причинил себе ущерб, [48] совершил грехи и признаюсь тебе в моих беззакониях. О господи, если ты простишь меня, то ничто не убавится от [49] твоего царства; если ты накажешь меня, то ничто не прибавится в твоём могуществе! О господи, поистине ты не нуждаешься во [50] мне, а я не найду никого, кто простил бы мне мои грехи, посему прости мои прегрешения, о прощающий [51], о милосердый, о владыка величия и [всяческого] почета! Да почитет благословение Аллаха на Мухаммеде и на всем его потомстве!

Надпись на нефритовом надгробии Тимура в мавзолее Гур-и Эмир, в Самарканде

По краям надгробия, начиная со второй перемычки, читается справа налево по-арабски следующее (рис. 2):

[затем, загибаясь влево кверху] هذا مرقد السلطان الاعظم والمخافان الاكرم || امير تمور گورگان بن الامير ترفای بن الامير بگل || [بن] الامير ايننگير بن الامير ايجل بن قراجار نويان بن الامير سوفوجيبن بن الامير اردمجي بارولاس بن الامير قجولای بن تومناي خان. و [بهذا] تشعب نسب جنگيز خان من هذا الاصل وحصل [выбито] [и замазано] لطان الامجد المدفون في هذا المرقد غاية الشرف و الفضل قان جنگيز خان بن الامير ييسوكای || [отсюда переходит на 3-ю перемычку] بهادر بن الامير برقان بهادر بن قبول خان بن تومناي خان المذكور || [отсюда опять переходит на края] ثم هو ابن الامير بايسنغر بن قيديو خان بن الامير توتمتين بن الامير بوقا || [отсюда] [на самой нижней перемычке] بن الامير بولنجر و لم يعرف والد لهذا الماجد الا ان اتبه الانقوا || [далее — вверх по краю] و جكي كانت شيمتها الصدق و العفاف ولم تك بغيرًا انها حملته من نور دخل عليها من اعلى الباب فتمثل لها بشرًا اسويًا¹ و ذكر انه من ابناء امير المومنين على بن ابى طالب و ربما يصدقها في دعواها عليه اولادها الامجاد في كل زمان على كل غالب قد توفى ليلة الرابعة² عشرة من شعبان سنة سبع وثمانماية.

¹ Эта могила величайшего султана и благороднейшего хакана || амйра Тимура „Гүрегана“, сына амйра Тарагай, сына амйра Баргуля ||, [сына] амйра Авлангйра, сына амйра Йджиля, сына Караджар Нойана, сына || амйра Сугудждийна, сына амйра Ирдамчи „баруласа“,³ сына амйра Качуляя, сына Туманай хана. [Здесь] отделилось происхождение Чынгиз хана от сего корня.

¹ Коряя, сура XIX, стих 17.

² Над этим словом вырезана поправка الاربعاء, вероятно, в более позднее время.

³ На камне очень отчетливо читается именно „Барулас“ (вместо „Бардас“).

И произошел [... сул]тан благороднейший, погребенный в этой в высокой степени славной и превосходной могиле. — Қаән [же] Чингыз хан, сын амира Йесүкай || бахадур, сына амира Бартан бахадур, сына Кабул хана, сына упомянутого Тумен-най хана || ; он же — сын амира Байсунгура, сына Кайдү хана, сына амира Тутум-тина, сына амира Бүкй, || сына амира Бузанджир. И не был известен отец у сего благородного, исключая того, что его мать [была] Аланкува || . Сообщается, что она была по своей природе правдивою и целомудренною и не была прелюбодейкою; она зачала его от света [который] проник к ней через горнюю дверь и предстал перед нею в образе совершенного человека. Он рассказал, что он — из сыновей повелителя правверных 'Алия, сына Абу Талиба; и неоднократно подтверждают её [Аланкува] притязания на него [сына 'Алия] её благородные потомки, во все времена победители над всеми. Скончался же он [амир Тимур], ночью 14 ша'бана 807 года [15 февраля 1405 года].

На торцовой части надгробия, что в ногах покойника, вырезана на нефрите следующая арабская надпись (рис. 3) с учетом отбитого куска камня слева внизу):

1. الحمد لله الذى صدق وعده ونصر عبده واعز جنده وهزم الاخر [اب]
2. وحده ولا شئ بعده والصلوة على نبيه المحل للانفال والمختر على القتال وعلى
3. آله الا شداء على الكفار والرحماء الا ابراء. ان هذ الحجر.....
4. نقله الخاقان دوا سحان خان من اودان الى مقبر سويده المسمى بقرشى...
5. ونقله منه الخ بيك كورگان لما توجه الى جتا الذى هو ماهر جيداً...
6. قهر عليهم بصارم مافيه لو الله به نوح على فلكه لم يامن الآ...
7. لوحن فيها خليل الله لاحتراقا بجده...

[1] Хвала Аллаху, который правдив в своем обещании, [который] помог рабу своему, укрепил его войско и поразил скопище [его] противников... [2] Он один [или 'единого']² и нет ничего после него [Аллаха]. [Да почует] благословение над пророком его, разрешающим добычу и побуждающим к бою... [3] Над его семейством, жестоким к неверным и милостивым к благочестивым. Подлинно этот камень... [4] Доставил его хакан Давā [Дува] Саджан хан из Удāна [Аудāна?] в местопребывание его престола, называемое Қаршй... [5] Перевез его оттуда Улуг бек „гүрегāн“, когда он отправился в [страну] Джета;³ он же весьма искусен... [6] И поразил он их [Моголов] своим острым мечом. И если бы приблизился к нему Ной на своем корабле, он не был бы в безопасности, кроме... [7] Если бы оста-

¹ Затрудняюсь прочитать это слово, ибо если читать *маفيه*, то это противоречит арабской грамматике.

² Возможно, что после слова *الاحزاب* 'скопище противников' читалось: „Нет божества, кроме Аллаха“...

³ Обычно в исторических письменных памятниках эпохи тимуридов население Могол-стана именуется *джэте* (جته) — 'разбойники'.

новился в нем Друг Аллаха [Авраам], то оба они непременно сгорели бы вместе с его предком'.¹

Остановимся на этих двух надписях, посвященных Тимūру. На его намогильной плите окаймляющая центральную надпись лента арабских писмен представляет, как мы видели, генеалогию Тимūra, доказывающую его происхождение от общего предка с Чингиз хāном и возводящую его род к четвертому „праведному“ халифу 'Алийю, чем как бы подтверждается не только сейидское достоинство „великого амīра“, но и отмечается если не шиитское его вероисповедание, то, по крайней мере, его шиитские симпатии. Почти в тех же самых выражениях повторено происхождение первого предка Тимūra от халифа 'Алийя и в надписи на нефритовом надгробии, поставленном его внуком Улуг бēком, и, как увидим ниже, на надгробии сына Тимūra, Мирāн шāха. Очень возможно, что это же было повторено и в надписи, окаймлявшей пышное надгробие любимого внука Тимūra, Мухаммед султāна, которое теперь сохранилось в столь дефектном виде. Эти надгробные надписи как бы упорно стремятся показать, что Тимūr и тимуриды стремились афишировать свою принадлежность к алидам и, быть может, свой шиизм. На последнее обстоятельство мы находим ряд указаний в истории преемников Тимūra.

Неизвестно, в какой мере отличался шиитскими симпатиями ближайший преемник Тимūra, Шāх рох, но в истории его сына Улуг бēка имеется очень интересный эпизод, на который, кажется, никто из историков не обратил должного внимания. При Шāх рохе в Герат переселился из Азербайджана шейх, сейид амīр Му'йнуddин 'Али, вошедший в персидскую литературу и в суфизм под именем „Қасим-и Анвāра“ („Раздающий мистические озарения“). Он был в молодости учеником шейха Садруddина Ардебилī, сына известного предка персидской шиитской династии сефевидов, шейха Сафйуддинa (ум. в 735/1335 г.). Этот учитель Қасим-и Анвār пользовался такой славой и авторитетом, что сам Тимūr в своем походе на запад посетил его и был столь удовлетворен беседою с ним, что по его просьбе отпустил всех пленных, взятых им в Малой Азии.² Позже Қасим-и Анвār посетил Гилян и там, повидимому, общался с известным основателем крайней шиитской секты хуруфитов, Фадуллахом Астрāбадским, ибо влияние идей хуруфитов в его произведении несомненно.³ В Герате Қасим-и Анвār снискал такую популярность среди знати Хорасана, что Шāх рох по своему авторитету государя оказался на втором плане. Қасим-и Анвār, проповедывавший крайние еретические идеи с точки зрения правоверного ислама, вызвал к себе весьма отрицательное отношение Шāх роха и его сыновей, особенно утонченно-образованного Байсуңқур мирзы. Это неприязненное отношение усугублялось еще тем обстоятельством, что Қасим-и Анвār никому из них не оказывал

¹ Ввиду того, что князь у камня отбит большой кусок, затрудняюсь восстановить точный смысл последних строк.

² Beale Keane. An Orient. Biogr. Dict. London, 1894, стр. 372. Так же: *مجالس سنیة* сост. Кязь Нуруллах-и Шустери. Тегеран, 1299, стр. 275.

³ E. Brown. A Hist. of Pers. Literature under Tartar Domin. Cambriđj, 1920, стр. 479.

должного почета. В 836/1432 г. произошло покушение на жизнь Шах роха в Соборной мечети Герата со стороны некоего Ахмед Лура, ученика выше-названного шейха Фадуллы Асрабадского.¹ Как было доказано, виновный перед этим вышел из дома Қасим-и Анвара, и шейх, вероятно, по подозрению в соучастии, был изгнан из Герата и нашел чрезвычайно радушный приют в Самарканде. Там его слова и речи произвели на Улуг бэка такое впечатление, что он стал его покорным учеником. В какой мере воспринял Улуг бек учение своего духовного наставника, неизвестно, но по словам последнего великого классического поэта Ирана и главы хорасанских дервишей, шейха 'Абдуррахмана Джамй (ум. в 898/1492 г.), встречавшиеся ему ученики Қасим-и Анвара в большинстве поражали своим неверием, „вступивши в сферу пренебрежения и отрицания шари'ата и сунны“.² Исследование значительного поэтического и прозаического наследства Қасим-и Анвара, в котором затронуты глубочайшие философские проблемы, вероятно, дало бы любопытный материал для идеологии эпохи Улуг бэка и для характеристики личности этого ученого государя, видимо, долго находившегося под влиянием идей Қасим-и Анвара. На отступление же Улуг бэка от правил шари'ата и на обличения его представителями самаркандского духовенства и дервишами указывает историк Востока, академик В. В. Бартольд.³

При приемниках Улуг бэка между отдельными тимуридскими принцами (вроде Хисарского наместника Байсовкур мирзы, сына самаркандского тимурида Султан Махмуда) были открыто исповедывавшие шиизм, а большинство втайне сочувствовало ему, или во всяком случае относилось к нему без всякой вражды. И правление последнего тимурида, блестящего гератского государя, Султан Хусейн мирзы (1468—1506), было тесно связано с проявлением его шиитских симпатий. Вступивши на престол, Султан Хусейн, по словам Мирхонда, „бросил во все стороны своего государства лучи набожности и приказал принять к выполнению такую его волю, показывающую его понимание шари'ата: чтобы хутба и чекаи монет отныне украсились именами и титулами непорочных имамов, — да почиет над ними мир! Молву о такой доброй репутации [Султан Хусейна как ши'ита], распространив по всем странам света, пронесли [даже] через [безконечно далекий] портик Сатурна в новом звучании основ шари'ата хашимитов. Но многие из принадлежавших к ханефитскому толку, которые в то время были в Герате чрезвычайно уважаемы и авторитетны, поспешили к подножью престола государства и, поговорив о предпочтительности суннитских правил, удержали [государя от его намерения]“⁴

¹ E. Browne, *ук. соч.*, стр. 366.

² نفحات الانس حبيب السیر, т. III, ч. 3. Тегеран, 1271, стр. 211. — Джамй. Под. ред. N. Leez, Calcutta, 1858, стр. 690—693.

³ В. В. Бартольд. Улуг бек, стр. 95.

⁴ روضة الصفا Мирхонда, т. VII. Лухнов, 1322/1904, стр. 14. То же самое в حبيب السیر Хюдемира (т. III, ч. 3, стр. 279). При этом Хюдемир группу гератских протестантов называет „фатахками ханефитского толка“ (معتصمان مذهب حنفی).

Но впоследствии эти ши'итские симпатии последнего тимурида опять проявились. В 885/1480—81 г. вблизи Балха была „открыта“ могила никогда здесь не бывавшего 'Алия; в присутствии Султāна Хусейна и всех его амīров и сановников „святыня“ была признана подлинною и над мнимой могилой патрона всех ши'итов Султāн Хусейн в следующем году соорудил великолепную и богато отделанную „рауда“, которая доныне составляет главное святылище и красоту г. Мазар-и Шерифа.

Откуда пошла эта склонность преемвиков Тимūra к ши'итским воззрениям, об этом свидетельствуют вышеприведенные надписи на намогиальных камнях их прадеда, идеология и подвиги которого пользовались у них величайшим авторитетом. Выдвигаемый некоторыми историками вопрос, был ли Тимūr ши'итом или суннитом, в соответствии с этими надписями, повидимому, решается в пользу первого предположения.

Центральная часть надгробной плиты Тимūra, занятая арабской надписью в 51 строку, представляет собою по существу ряд молитвенных воззваний, иногда сопровождаемых стихами Корана и напоминающих персидские *مناجات* известного „гератского старца“ 'Абдуллах-и Ансарī (ум. в 481/1088 г.). Видное место в этой надписи отведено покаянным мотивам и надежде на вечное милосердие тяжко согрешившего человека, что вполне совпадает с теми предсмертными настроениями Тимūra, которые нам описывают его историки.¹

Судя по палеографическим признакам, по тщательности глубокой резьбы по мрамору, особенно центральной части, где мастер должен был положить массу кропотливого труда и напряженного внимания, плита эта, повидимому, относится к началу XV в. и была сделана не наспех. Интересно отметить одно любопытное обстоятельство, что строки 35—38-я этой надписи в точности совпадают с такими же надписями на надгробии его внука Мухаммед Султāна (ум. в 806/1403 г.) и не будь это надгробие дефектно, то этих совпадений, возможно, оказалось бы и больше. Повидимому, существовал или известный „самаркандский“ трафарет в подобного рода эпитафиях, или обе эти надписи были сделаны одним „машшāком“, принимая во внимание небольшой промежуток времени, протекший между смертью внука и деда.

Надгробие над местом погребения Тимūra в самом мавзолее, сделанное из двух огромных кусков нефрита, было поставлено его внуком Улуг бēком, как это усматривается из надписи на той боковой части надгробия, которая в ногах покойника. По свидетельству Мīрхōнда, всего кусков нефрита было три: один привез еще Тимūr, а два последних куска — Улуг бēк, очевидно, по возвращении его из победоносного похода на Моголистан в 1425 г.²

¹ Л. А. Зимин. Подробности смерти Тимūra. „Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XIX“, Ташкент, 1914, стр. 44—48 (где дан перевод соответствующих подробностей смерти Тимūra из *ظفر نامه* Шерефуддина Евди). — В. В. Бартольд. Улуг бек и его время. Пгр., 1918, стр. 36, прим. 8.

² См. приложение к книге В. В. Бартольда „Улуг бек и его время“ (стр. 21 перс. текста Мīрхōнда). То же в *روضه الصفاء*, (Лукиновская литогр., т. VI, 1322/1904, стр. 247).

К сожалению, эта часть надписи дефектна, ибо выбиты куски нефрита и выбоины загипсованы, и потому всю надпись связно нельзя прочесть. Про нефрит говорится в 4-й строке, что „доставил его Давā [Дувā] Саджāн хāн из Удāна [Аудāна?] в местопребывание его престола, называемое Қаршй“, а из следующей (5-й) строки усматривается, что „перевез его оттуда Улуг бек «гүрегāн», когда он отправился в [страну] Джетā...“ Следует заметить, что на надгробии имя монгольского хāна вырезано без диакритических точек, как *حافان دواسحان خان*. У Мирхўнда он именуется то в виде *حايحون خان*, то как *حايحون خون* (смотря по рукописи и изданию). Так как по словам историка Хўндемира, потомок Джагатая в девятом поколении по одной версии назывался Давāб-хāн (*دوابخان*), а по другой — Давā Саджан (*دواسجن*),¹ то с значительной вероятностью имя его на настоящем надгробии Тимўра можно читать как „Хāкāн Давā или Дувā Саджāн хāн“. Что касается местности Удāн (а может быть Аудāн, так как огласовка отсутствует), откуда названный хāн привез в свою ставку этот нефрит, то это, возможно, тот *كلوران* в Восточном Туркестане, который в „Астрономических таблицах“ Улуг бёка показан лежащим под 110° долготы и 46°45' широты.² Ставка Давā (Дувā) Саджāн хāна, называющаяся в надписи Қаршй (собственно, слово это монгольское, означает „дворец“, в данном же случае „главную ставку“),³ несомненно, не соответствовала современному г. Қаршй, основанному сыном Давā (Дувā) хāна, Кўбек хāном, в XIV в.,⁴ но лежала в другом месте, в районе р. Или.

¹ *حبيب السمر* Хўндемира, т. I, ч. 3. Тегеран, стр. 30. — В. В. Григорьев в своей „Истории Монголов от древнейших времен до Тамерлана“ (СПб., 1834, стр. 113) читал это имя как „Даватхан (Дайзи-хан)“.

² *Prolegomènes des Tables Astronomiques d'Oloug-Beg*, trad. et comment. par Sédillot. Paris, 1853, стр. 268.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 135—136; Он же. Улуг бек, стр. 83.

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 135—136. — Следует отметить, что В. В. Бартольд пишет имя отца Кўбек (Кёбек)-хāна — Тува (Улуг бек, стр. 8).

М. Е. МАССОН

ТРЕТИЙ КУСОК НЕФРИТОВОГО НАМОГИЛЬНИКА ТИМҮРА

سنگ مرقد امیر تیمور کورکان که آرز
یکپارچه یشم است
'Могильный камень эмира Тимүра,
который из одного куска нефрита'
(Мухаммед Каази)

Черно-зеленый нефритовый намогильник Тимүра, за который, по словам Мирхонда, китайские императоры некогда предлагали разные богатства своей страны и 100 000 динаров, пользуется очень широкой популярностью у самаркандцев. В их глазах он не просто „каш“, „таш“ или „санги-сио“ (‘черный камень’), но у него есть собственные прозвища: „сиотоб“ (‘темнолучистый’) ¹ и „махтоб“ (‘лунолучистый’ или ‘луносияющий’). И все знают, что он „яшм“ (‘یشم — ‘почечный камень’), ² т. е. принадлежит к нефритам, которые издревле наделялись на Востоке рядом чудесных свойств. Считалось, что с помощью нефрита можно вызвать дождь; что он предохраняет от опасности при землетрясениях и отвращает молнию, почему ношение его гарантирует от поражения ею; что сосуды из этого камня раскальзываются сами собой, если в них попадает яд, и что принятие пищи в нефритовой чаше помогает при сердечных заболеваниях. Как полагали мусульманские минералоги, подлинный „яшб“, именно зеленого цвета, кроме как в Кашгаре и в Хотане, нигде более не находят, что во второй половине XVI в. засвидетельствовал Амйн Ахмед Рāзй в своем труде „Хафт иқлим“. Вот почему нет ничего удивительного, что еще в конце прошлого столетия, дабы удовлетворить спрос населения, жившие при Гур-и Эмире шейхи за соответствующее вознаграждение откалывали мелкие кусочки „сиотоба“ для хранения в качестве тумара-оберега или для

¹ Интересно, что И. В. Мушкетов, детально изучавший нефритовый намогильник Тимүра, в научном описании применил термин „лучистый камень“, желая выразить характер сложения давней породы. См.: И. В. Мушкетов. Нефрит и его месторождения. Горный журнал, 1882, № 6, стр. 401.

² Местные жители, а также некоторые европейские авторы ошибочно считают яшмѳ породу, из которой сделана панель в Гур-и Эмире и которая в действительности представляет собой оникс.

приема в качестве лекарственного снадобья¹ верующим, а заодно и тароватым европейским туристам, уносящим их уже как приятный сувенир о посещении бывлой столицы Тимүра.

И, проявляя внимание к великолепному намогиляннику, люди давным давно подметили, что он искусно составлен из нескольких хорошо подогнанных кусков. Для объяснения этого сложилась легенда, передаваемая в нескольких вариантах, согласно которой в подаренном якобы некоей китайской принцессой нефритовом монолите подозревали наличие спрятанных внутри сокровищ, ради овладения коими камень был похищен грабителями, раскололся на несколько частей при неудачной погрузке, был брошен ими и собран на своем месте представителями мусульманского духовенства. Наряду с этим среди населения жили смутные воспоминания о действительном увозе намогилянника в 1740 г. по распоряжению Нәдир шәха в Мешхед,² с каковым событием многие и связывали или умышленный или случайный раскол каменной плиты на несколько кусков. Во всяком случае, из них на месте к моменту ремонтов памятника в 1916 и 1924 гг., когда снимались все верхние намогиляники главного помещения Гур-и Эмира, оставалось лишь два наиболее крупных, определявших собой основные размеры и форму надгробия Тимүра.³

Между тем, негласная молва уже в первые годы после Октябрьской революции упорно разносила слух, что в Самарканде где-то имеется еще кусок от „сиотоба“. Попытки Самаркандской комиссии по охране памятников (Самкомстариса) получить об этом более конкретные сведения в течение долгого времени оставались тщетными. Удалось узнать лишь, что этот камень будто бы очень давно находился при каком-то мазаре без более точных указаний. Так продолжалось до тех пор, пока несколько лет назад в Самкомстарисе не появился однажды весьма почтенного возраста местный житель и не передал для установки на место довольно значительный кусок черно-зеленого нефрита, который, по его словам, переходил у них в семье из поколения в поколение и достался ему по наследству от отца. Вскоре старик скончался, а доставленный им объект был помещен на хранение в несгораемый сейф. Он был извлечен оттуда и передан мне для изучения в 1943 г. в связи с проведением намеченных тогда и частично осуществленных научно-исследовательских и ремонтно-реставрационных работ на Гур-и Эмире.

¹ Осколки „сиотоба“, между прочим, иногда толкались шейхами в порошок и в таком виде уже за довольно высокую цену отпускались народу как целебное средство против различных страданий, особенно же против заболеваний желудка и почек.

² Об этом подробнее всего в работе В. В. Бартольда „Новые данные о самаркандских памятниках“ (ЗВО, т. XXV, СПб., 1921, стр. 83—88).

³ О ремонте на Гур-и Эмире в 1916 г. в печати имеется упоминание, а о работах 1924 г. см.: М. Е. Массон. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гур-и Эмир и Аксарай в Самарканде в 1924 году. Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926.

Не было никаких сомнений, что дар старика имеет прямое отношение к намогильнику Тимүра. Он представляет собой фрагмент от нижней части юго-западного угла плиты (рис. 1). С внутренней стороны в нем имеются два гнезда для небольших железных штырей, с помощью которых произведено было скрепление с прилежащими поверхностями большой плиты, приходящейся в ногах погребения. На одной из двух наружных поверхностей куска, имеющей площадь в уцелевшей части около 140 кв. см, сохранилось целиком и частично несколько слов, являющихся продолжением четырех нижних строк арабской надписи, размещенной на торце намогильника Тимүра. Выполнены они той же техникой и тем же своеобразным почерком *насх-и-сулс* с малым числом точек и харакатов, как остальные надписи намогильни-ка, где буквы выполнены обводом по контуру сплошным неглубоким линейным желобком. По преданию, надпись была нанесена с помощью стальных алмазных инструментов. При накладывании обнаружившегося третьего куска нефритового намогильника на свое место устанавливается, что на стыке в результате сколов совершенно утрачено несколько менее 70 кв. см площади, некогда занятой текстом надписи. И все же приходится с удовлетворением констатировать, что, к счастью, не оправдалось высказанное мной двадцать

Рис. 1. Надпись на третьем куске нефритового намогильника Тимүра.

лет назад предположение, не попал ли в XVIII в. в руки индийца-историка, 'Абдулкерима кашмирского, через посредство лично знакомого ему человека, выполнявшего упомянутое выше поручение Надир-шаха, именно недостававший кусок с частью тордовой надписи.¹ Теперь совершенно очевидно, что 'Абдулкеримом в Индию был увезен другой кусок с гладкой поверхностью.

Хотя намогильник Тимүра обследуется европейскими специалистами свыше ста лет, но надписи на нем и до сих пор оставались полностью не прочитанными.² Ориенталист Н. В. Ханьков в 1842 г. вообще обошел

¹ М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир. Ташкент, 1926, стр. 27, прим. 1.

² См. теперь статью А. А. Семснова—выше, стр. 49—62. [Ред.].

их молчанием.¹ А. Вамбери, осматривавший памятник в 1863 г., ограничился кратким замечанием, что надгробная надпись Тимūra очень проста.² Ориенталист В. В. Радлов, посетивший Самарканд пять лет спустя, ошибочно назвал породу намогильника Тимūra черным мрамором, отметил в своем описании лишь, что вокруг камня имеется очень неясная надпись.³ Правильно определил „сиотоб“ как нефрит геолог Н. П. Барбот де Марни, отбивший в 1874 г. несколько мелких сколов от края намогильной плиты. Ту же породу установил в 1879 г. геолог И. В. Мушкетов, давший затем обстоятельное исследование намогильника Тимūra.⁴ Художник Н. Е. Симаков сделал копию с верхней надписи, переданную И. В. Мушкетовым в Академию Наук, где содержание ее было разобрано В. В. Розеном.⁵ Этой же надписью в основном оперировал Н. И. Веселовский на VII Археологическом съезде в Ярославле в 1887 г. в своем докладе, посвященном намогильнику Тимūra, причем относительно боковой надписи он ограничился сообщением: „Сбоку в ногах надпись, из которой явствует, что камень этот перевезен по повелению Улугбека из Ардана (или Дурдана) близ Корши, в столицу, т. е. в Самарканд“.⁶

В иной трактовке данные о боковой торцовой надписи приведены С. А. Лапиным, который по поручению губернатора Самаркандской области в 1895 г. занимался с помощью мирзы Абū Са'їд Ма'сūма разбором надписей на архитектурных памятниках Самарканда. По его словам, внизу намогильника Тимūra имеется следующая надпись: „Камень этот поставлен Улуг бекѡм Кураганѡм после похода в Джитта“,⁷ из чего совершенно очевидно, что им, как и Н. И. Веселовским, дается собственно вольная передача примерного содержания лишь части пятой строчки надписи, в которой в действительности о самой „постановке“ намогильника ничего не говорится.

В вышедшей два года спустя в Париже работе Е. Блоше, посвященной эпиграфике Гур-и Эмира, боковая надпись на нефритовой плите над могилой

¹ Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 102.

² А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 174.

³ В. В. Радлов. Средняя Зерафшанская долина. ЗРГО по Отд. этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 25.

⁴ Кроме указанной выше работы, см. также ее на немецком языке в „Записках минералогического общества“ (1882, т. XVII) и в сборнике газетных публикаций „Туркестан“ (т. I, СПб., 1886, стр. 371—395).

⁵ „Туркестан“, стр. 377.

⁶ Н. И. Веселовский. Надгробный памятник Тимūra в Самарканде. Известия VII Археологического съезда. Ярославль, 1887, № 10, стр. 5—6; см. также Труды VII Археологического съезда, т. II, 1891, стр. 70.

⁷ С. А. Лапин. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 4. Библиографическая заметка об этой работе дана Н. Ф. Петровским в газете „Туркестанские ведомости“ (1896, № 13). В этой же газете в № 20 помещена дополнительная рецензия В. Л. Вяткина, внешнего, между прочим, несколько поправок в чтение родословной Тимūra, помещенной на „сиотобе“.

Тимүра не упоминается, а приводится лишь текст и перевод самой эпитафии с родословной.¹

В XX столетии сведения о боковой надписи прочно вошли в научную литературу, хотя часто приводились искаженно. Даже Н. И. Веселовский ошибочно утверждал в 1903 г., что она расположена „в головах надгробия“, и свидетельствует о привозе камня при Улуг бэке якобы из Хотана.² Более осторожно и точно некоторые данные о ней приводил в разных своих работах В. В. Бартольд. Попытку ее разбора делал в свое время В. А. Вяткин, неоднократно упоминавший об этом на своих экскурсиях по памятникам Самарканда, и, наконец, то же осуществил летом 1941 г. А. А. Семенов, доложивший полученные им результаты 12 октября следующего года на заседании Историко-археологического сектора УзФАН.³ При этом А. А. Семенов, уделявший главное внимание верхней надписи с родословной Тимүра, занимался в натуре и по изображениям лишь той частью торцовой надписи, которая уцелела на самом надгробнике, без привлечения третьего куска нефритовой плиты.

Вся надпись торцовой стороны имеет семь строк текста (рис. 1), причем три верхние после восклицания „Хвала богу“ содержат религиозно-моральные сентенции, и только в конце третьей строки начинается чисто исторический текст со слов — *الحجر — هذا الحجر* — ‘действительно этот камень’, после которых надпись сбита. Поскольку дальше сохранились буквы... *الد*, допустимо думать, что тут следовал эпитет, производный от слова „черный“, быть может соответствовавший современному прозвищу „светоб“. На нашем куске нефрита только и могло разместиться это слово, от которого уцелели не поддающиеся разбору следы нижних частей одной или двух букв.

Концу четвертой строчки на новом фрагменте надгробника Тимүра соответствуют слова: *ر على شط فوناس*... ‘...на берегу Куйаша’. Тюркским термином *قوناش* ‘солнце’, как известно, обозначалось место летней резиденции Джагатая в долине реки Или, по соседству с Алмалыком, вблизи высоких гор Кук. Около Куяша, похожего, по словам Джувейни, летом на рай, по распоряжению того же сына Чингиз хана было устроено селение Кутлуг (‘Счастливое’). Чтобы привлечь в окрестности побольше дикой охотничьей птицы, был прорыт даже специальный канал. Исходя из того, что при приглашении в 1223 г. находившегося в Алмалыке китайского философа Чан Чуня посетить в ставке торжественное жертвоприношение его просили

¹ Ed. Blochet. Les inscriptions de Samarcand, I, Le Gourimr ou Tombeau de Tamerlan. Revue Archéologique, s. 3, t. XXX, 1897, 1, стр. 71—74.

² Сообщение Н. И. Веселовского „О надгробии Тимүра“ в заседании Восточного отделения Русского археологического общества 1 мая 1903 г. (ЗВО, т. XVI, вып. 1, СПб., 1904, стр. XIII).

³ Нет никаких данных полагать, что эта боковая историческая надпись тимүровского надгробника служила предметом разбора А. Э. Шмидта, занимавшегося в дореволюционное время специально чтением надписей на Гур-и Эмире в связи с выпуском Археологической комиссией известного альбома, посвященного этому памятнику, или И. П. Кузьмина.

„переплыть реку“, В. В. Бартольд предположил, что летняя орда Джагатая располагалась тогда на левом южном берегу Или.¹ Вероятно, там же продолжала оставаться и орда преемников Джагатая, причем, как это часто бывает, наименование пункта было распространено и на реку, которую в XV в. называли также Куяш или Ак-Куяш и под которой В. В. Бартольд справедливо понимал Иля, так как в текстах, описывающих поход Улуг бэка в Моголистан, Ак-куяш фигурирует как крупная река, не без преувеличения сравниваемая с Джейхуном — Аму-дарьей.² При отсутствии на нашем куске нефрита точек в начертании названия Куяш можно было бы допустить его разночтение,

Рис. 2. Четвертая строка тордовой надписи нефритового намогиальника Тимүра.

в частности как Кунās, что соответствовало бы начертанию этого слова в одной из рукописей. Но, повидимому, вернее в этом отношении чтение, предложенное В. В. Бартольдом, учитывавшим в свое время различные варианты написания названия орды Джагатая.³ Сама летняя ставка моголистанских владетелей ко времени похода против них Улуг бэка в 1425 г. носила название Қаршй, т. е. 'дворец'. Именно туда и двинулся знаменитый внук Тимүра, чтобы захватом имущества и стад надолго ослабить моголов — джете. Об этом пункте как раз и повествует содержание четвертой строки надписи, которую А. А. Семенов при упомянутом докладе в 1942 г. переводил так: „Доставил его (камень) хākān Давāя Саджā хān из Удāна (или Авдана) в местопребывание его престола, называемое Қаршй“.

В наименовании монгольского хāна, начертанном как *دوا سجان حان* (рис. 2), второе слово „Седжāн“, как мне кажется, соответствует в арабской транскрипции монгольскому „сецен“ — 'мудрый', 'вещий' (как титуловали в XIV—XV вв. наследственных главарей отока и улуса)⁴ и именно к нему, а не к первому, следует относить „нүн“. Мирхонд передает наименование

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. ЗАН, VI серия по Ист.-фил. отд., т. 1, № 4, СПб., 1897, стр. 66—67; он же. Очерк истории Семиречья. Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета, т. II, Верный, 1898, стр. 117.

² В. В. Бартольд. Улуг бек и его время. ЗАН, VIII серия по Ист.-фил. отд., т. XIII, № 2, Пгр., 1918, стр. 82, прим. 2.

³ В. В. Бартольд. Отчет..., цит. соч., стр. 66, прим. 4.

⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 138. — В древнем монгольском обществе это одно из прозвищ предводителей родовых аристократических домов (там же, стр. 74).

монгольского хана как „Джиджан“ (جيجن).¹ Таким образом, все три слова лучше озвучить как „Дувā Седжāн хāн“. За ними следует مروان, причем „мй“ скорее слит с „рā“, чем с „нўн“, почему вполне допустимо чтение „Мерāудāн“. Это слово, повидимому, как-то может быть сближено с наименованием Мераурик (или Мераузик) Ила, где также на берегу Или Джагатай устраивался со своей ордой на зимовки.² Несмотря на соблазн смысловой передачи написанного словами — „из Аудāна“, даже независимо от того, что такое географическое название неизвестно, это чтение пока не может быть признано безусловным в силу начертания двух первых букв, допускающего иное толкование. Предполагаемый предлог من в следующей строчке имеет совершенно иное и вполне нормальное начертание.

Несколько иначе воспринимается слово, переводимое как „называемое“. Высеченное с небольшим дефектом, когда в конечном „йā“ по ошибке каменотеса не на месте проскочил на три миллиметра лишний отрезок линейного желобка, оно транскрибируется как المستی или المستی, каковым эпитетом нарочито хотели унизить резиденцию беспокойного врага. Следующее за ним слово „Қаршй“ стоит с предлогом به, т. е. „в Қаршй“. Таким образом, полный текст фразы теперь может быть передан так: „Действительно тот черный (?) камень доставил хāкāн Дувā Седжāн хāн Мераудāн до местопребывания его престола распутного (или «преступного») в Қаршй на берегу реки Қўйāш“.

Концу пятой строчки на новом куске тимуровского „сиотоба“ соответствует следующий сохранившийся текст من الاحزاف من... لك ميتروم... который при сопоставлении с предшествующей фразой этой же строчки на торцовой стороне намогильника и началом шестой, с учетом утраты некоторых слов в сколотой части, позволяет так восстановить общее содержание надписи: „Доставил его (этот камень. — М. М.) из него (т. е. из Қаршй в Самарканд. — М. М.) Улуг бек Кўрагāн в продолжение похода против джете,... войска которых он обратил в бегство и преодолел их...“

Как известно, упомянутый поход, совершенный вопреки запрещению Шāхроха и начатый еще с зимы 1424 г., в целом по своим конечным результатам не вполне подходил под рубрику „победоносных“. Он хотя и окончился благополучно для самаркандского правительства, но не принес особых выгод. Ни кочевники, ни их предводители не были покорены. Некоторые отряды Улуг бека понесли чувствительные потери; сам государь вынужден был поспешно покинуть Моголистан, и в нем не соорудили никаких крепостей и не оставили никаких гарнизонов.³ В наскальной надписи, высеченной

¹ Мйрхид. روضة الصفا. Рукопись Института восточных рукописей УзАН, № 4213, стр. 117. В индийском литографированном издании этого труда, вышедшем в 1833 г., рассматриваемое наименование транскрибировано как „Джйхўн“ (جيجون; ч. VI). Между прочим, предок Тимүра в шестом поколении в надписи на нефритовом намогильнике назван سوتوجيجين.

² В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 117.

³ В. В. Бартольд. Улуг бек..., стр. 87.

в ознаменовании этого похода в Джилянтинском ущелье, скромно указано лишь, что „Улуг бек... предпринял поход в страну джеты и моголов и от того народа возвратился в эти страны невредимым“.¹ В надписи на нефритовом надгробии имеются в виду первоначальные военные успехи, в частности вступление в ханскую ставку.

От конца шестой строчки на угловом куске надгробия Тимūra имеется следующий фрагмент: *... من حه او ا نار مسعوه*, своим содержанием связанный с частью оставшихся слов этой же строчки и седьмой строки, разбор которых А. А. Семенов в своем цитированном докладе в 1942 г. ограничил замечанием, что они не исторические. Как выясняется, в них упоминается „покровитель Нух“ (т. е. Ной) с его ковчегом (فلك) и Халил Аллах (т. е. Авраам). В самом конце седьмой строки, после небольшого перерыва из-за сколотой поверхности, уже целиком на третьем куске нефрита полностью стоит дата события с предшествующими ей двумя последними буквами предыдущего утраченного слова: *... ره نهار وعشرين وثمانه*, т. е. 828/1425 г.

Сам Улуг бек, по Мирхонду, вернулся из Моголистана в Самарканд 10 ша'бана 828/27 июня 1425 г., причем он шел вдоль северного берега Иссыккуля. Два куска нефрита транспортировали несомненно по другой, более легко проходимой дороге. Для них были устроены не телеги, как пишется в европейской литературе, а специальные катки — гальтак, которые тянули то лошади, то волы. Доставка знаменитых нефритов была обставлена известной помпой. Особым сопровождавшим их эскортом ежедневно командовал какой-нибудь амир-туман, т. е. один из военачальников высшего ранга, люди которого должны были выравнивать дорогу и помогать в трудных случаях продвигать драгоценный груз.² Все это, разумеется, замедляло движение, и нефриты прибыли в Самарканд несомненно позднее Улуг бека, т. е. уже после июня, но до середины ноября, поскольку в надписи на камне обозначен 828 год, последний день которого приходится на 12 число этого месяца.

В ту пору своей жизни Улуг бек уделял много внимания строительной деятельности, распространив ее, в частности, и на Гур-и Эмир. Уже в предшествующий окончанию моголистанского похода год, по данным Малихо, производилась пристройка с восточной стороны к главному помещению усыпальницы „Рахави дарамед“ или так называемой „галереи Улуг бека“. В процессе работ по новому оформлению усыпальницы деда и дяди государя едва ли надо было отложить изготовление и установку второго верхнего надгробия Тимūra из нефрита, каковой мог появиться под куполом мавзолея уже в следующем году.

Таковы некоторые исторические данные, которые заключает в себе или уточняет краткий текст одной из граней обнаруженного третьего куска

¹ П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1857 г. СПб., 1876, стр. 26.

² Мирхонд, ук. соч., стр. 777 б, где пропущены некоторые детали; подробнее в упоминавшейся индийской литографии, стр. 777.

„снотоба“. Одновременно сам этот относительно небольшой фрагмент нефрита позволяет по-новому отнестись к давно дискутируемому в научной литературе вопросу, был ли некогда намогильный нефрит Тимūra расколот надвое или он никогда и не представлял собой монолита.

Уже Н. В. Ханьков обратил внимание на „трещины“ посредине намогильной плиты, отнеся их появление за счет раскола на две половины при увозе камня из Самарканда по распоряжению Нāдир шāха. То же отметил при описании своего путешествия А. Вамбери, привел мнение одних, что камень развалился на две части по дороге из Самарканда в Мешхед, и утверждение других, что он и раньше состоял из двух кусков.¹ Разбитым надвое его считали В. В. Радлов, А. П. Хорошкин и другие многочисленные авторы, описывавшие Гур-и Эмир. Более осторожно отнесся к этому И. В. Мушкетов, не присоединивший окончательно своего голоса ни к одному из двух противоположных мнений: „Если допустить, — писал он, — что трещина... образовалась лишь впоследствии, а первоначально камень был целым,... то этот надгробный камень представляет самый большой из известных образцов нефрита... Если же даже допустить, что он составлен из двух тщательного пригнанных друг к другу частей, то и в таком случае каждая из них имеет необыкновенно крупные размеры“.²

Очень решительно против того, что оба куска тимуровского намогильника составляли одно целое, выступал Д. И. Эварницкий. Украинский историк базировался на собственных наблюдениях, по которым якобы „ни общий рисунок, ни мелкие пятна, ни отдельные жилки одной половины камня не соответствуют тому же другой половины его; даже более того, усматривая длинную жилку на самой середине одной половины камня в месте надлома его, мы вовсе не видим продолжения той же жилки в изломе другой половины его“.³

Много лет занимавшийся Гур-и Эмиром Н. И. Веселовский считал, что надгробие всегда состояло из двух половин, плотно пригнанных друг к другу.⁴ Его точку зрения разделяли В. А. Вяткин и В. В. Бартольд, причем последний подтверждение мнения Н. И. Веселовского усматривал в передаче Мйрхбюндом рассказа о перевозе двух нефритов в Самарканд.⁵

Очень интересные наблюдения над самым камнем произвели в 1940 г. геолог Б. И. Наследов и его доцент А. Г. Михновский. Ими было подмечено, а последним затем в результате подробного изучения и документально доказано, что два крупные куска намогильника принадлежат одной глыбе нефрита, распил которой пришелся как раз по верхней поверхности теперешней плиты. При наличии в нашем распоряжении в настоящее время еще и третьего куска

¹ А. Вамбери. Путешествие..., стр. 171, прим. 1.

² И. В. Мушкетов. Туркестан..., стр. 378.

³ Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента. Ташкент, 1893, стр. 104.

⁴ Н. И. Веселовский. О надгробии Тимūra..., стр. XII.

⁵ В. В. Бартольд. О погребении Тимūra. ЗВО, т. XXIII, вып. I—II, Пгр., 1915, стр. 31

даже до его детального петрографического и минералогического анализа уместно по-новому пересмотреть историю намогильника Тимүра, в той мере, как это пока возможно.

Независимо от признания чтения „Мераудан“ или „из Аудана“ следует, повидимому, считать пройденным этапом вопрос о местном происхождении камня; на этом еще в конце прошлого столетия многие, и в их числе Д. И. Эварницкий, горячо настаивали, базируясь на наличии образцов нефрита у офицера Л. С. Баршевского, собравшего в свое время интересную геологическую и минералогическую коллекцию по Самаркандской области и Бухарскому ханству.¹ Уверенность некоторых была так велика, что когда после смерти Александра III возникла идея поставить в Петропавловском соборе над его могилой саркофаг из одного куска нефрита, были отправлены за розыском подходящей глыбы две экспедиции в Саяны и Туркестан. Поиски в горной Бухаре оказались тщетными.² Вероятно нефрит тимуровской могилы действительно происходит из месторождений Восточного Туркестана, как об этом писал еще И. В. Мушкетов.

Когда и где был найден нефрит—неизвестно,³ но в ханскую ставку на берегу Или попал вероятно в период монгольского владычества над страной, в пору ослабления возможностей Китая как-то контролировать месторождения священного в их представлении самоцвета. По словам Мирхонда, в Қарши в троне Дува́ Джджиджан хана были три камня „яшб“ удивительной красоты, служившие предметом тщетных домогательств со стороны китайских императоров. Когда Тимүр завоевал Моголистан, он якобы отдал распоряжение отправить камни в Самарканд, но тогда почему-то вывезли лишь один из них, а два другие забрал уже Улуг бек. О том, что представляли собой эти камни, пользовавшиеся в XIV—XV вв. известностью далеко за пределами Восточного Туркестана, можно судить лишь по краткому определению их Мирхондом: سه قطعه سنگ يشب 'три куска камня яшб'.⁴ Употребленный историком термин قطعه по самому своему корню подразумевает „сегмент“, „отрывок“, „кусок“, оставшуюся или отрезанную, как-то отделенную часть чего-либо. И вполне возможно, что и наши камни уже в троне Дува́ Сефен хана представляли собой три фрагмента единой округлой глыбы, распиленной по каким-то поверхностям может быть для облегчения доставки к слишком удаленному пункту.

Какова была судьба первого фрагмента, увезенного по воле Тимүра, пока неясно. Два другие „кута“ были доставлены в Самарканд, где и под-

¹ Д. И. Эварницкий, ук. соч., стр. 105.

² А. Е. Ферсман. Самоцветы России. Пгр., 1920, стр. 97—98.

³ Быть может именно он и есть тот камень зеленого цвета, который, по данным Абу Дулафа, в X в. пользовался в Восточном Туркестане у кирлуков „великим уважением“, когда перед ним творили суд и во славу его закалывали жертвенных животных. В. В. Григорьев. Об арабском путешественнике X века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872, стр. 35 (отд. отг. из ЖМНП).

⁴ Так в рукописях; в упомянутой индийской литографии написано يشم 'яши'.

вергались обработке, дабы можно было создать из них новую архитектурную форму. Возможно, следом этой работы является целое гнездо мелких, якобы нефритовых обломков, обнаруженных в 1871 г. З. Э. Жижемским при пробивке улицы к Гур-и Эмиру от Абрамовского бульвара. Несколько небольших кусков нефрита со следами распиловки были встречены нами в 1943 г. при вскрытии подпольных слоев в самом Гур-и Эмире, где отложился различный строительный мусор, накопленный в момент переустройства памятника при Улуг бекѐ.¹

В первую очередь подогнали друг к другу два сохранившихся доныне на месте крупных куска и именно так, что зеркальное повторение рисунка поверхности былого распила могло быть и действительно было удавливаемо наиболее внимательными и вдумчивыми людьми, из числа осматривавших намогильник. Ни размеры доставленных фрагментов, ни их неправильные поверхности, определявшиеся формами дикой глыбы, не дали возможности каменотесам обойтись без подгонки во многих местах и со всех четырех боковых сторон, кроме верха,² отдельных кусков разных размеров и форм. К их числу принадлежал и рассмотренный „третий“ угловой фрагмент относительно незначительных размеров по сравнению с теми объемами, которые должны были быть заполнены рядом других. Не исключена возможность, что при этом нехватало спилов от двух „кута“, привезенных Улуг бекѐм, и был пущен в дело ранее доставленный при Тимūra.

Как бы то ни было, но в свете новых данных оказывается уже не так был далек от истины бывший везир Мерва Мухаммад Казим, когда в XVIII в. он писал, что Надир шахом было отдано распоряжение увезти из Самарканда тимуровский намогильник, „который из одного куска нефрита“ (پارچه 'кусок', 'часть', 'отдельность'), т. е. был выполнен из материала некогда единой монолитной глыбы. И не так были неправы все те, которые пытались отвести обвинения от Надир шаха в раскалывании „сиотоба“. В 1740 г., когда исполнители воли последнего азиатского „мирового завоевателя“ рьяно взялись в Самарканде за порученное им дело, намогильник Тимūra не разбился на четыре куска, как понимали слова 'Абдулкерима кашмирского, а распался на четыре части, причем некоторые из них могли состоять в свою очередь из нескольких кусков, хорошо пригнанных и скрепленных между собой с помощью железных штырей. Вполне возможно, что кое-какие из них, наиболее мелкие, были утрачены и разошлись по рукам

¹ Следы распиловки ясно видны были на ряде мелких кусочков нефрита и черно-зеленого змеевика, наибольшие из которых едва достигали в длину 7 см. Ширина паза пропала колеблется от 1.5 до 1.7 мм; глубина паза — от 2 до 6 мм; ширина излома от 1 до 5 мм. Как исключение, в одном случае наблюдался излом в 1.1 см. Кусочки были огпилены от гальки, так как одна из поверхностей их шероховатая, сохранившая природный вид. Весьма возможно, что З. Э. Жижемский в свое время встретил также осколки и нефрита и змеевика.

² Один из верхних углов плиты не кончается правильным прямым углом в 90°, а слегка скошен. Учитывая необычайную прочность нефрита, следует полагать, что мастера с самого начала затесали его так, чтобы ради подгонки под прямой угол не подвергать лишним изменениям форму чудесного камня.

тогда же на месте в Самарканде. Один, как мы знаем, оказался „по протекции“ знатного администратора у ‘Абдулкерима и запропастился потом где-то в Индии. Во всяком случае, когда перед Надиром в Мешхеде предстали распавшиеся, неправильной формы куски тимуровского намогильника, они выглядели очевидно так же непрезентабельно, как и в 1923 г., когда их сняли с цоколя и привалили в сторонке на время производившегося тогда ремонта. Персидский шах поручил правителям и начальникам областей вывезти плиты из пределов Мешхеда вместе с захваченными одновременно бронзовыми дверьми соборной мечети Тимүра, от станции до станции, в Бухару, а оттуда, якобы по приказанию фактически безгласного хана Абү-л-Фейза, доставить в Самарканд и „поместить на своем месте так, как было раньше“. Перевозка туда и обратно, по свидетельству современников, обошлась правительству дорого и принесла, должно быть, определенную выгоду кое-кому из участников этой затеи „миродержца“.

Было ли все поставлено „на свое место так, как было раньше“? Очевидно, нет. Заведомо нехватало одного куска, застрявшего у ‘Абдулкерима. Могли легко утратиться и некоторые другие. Н. И. Веселовский был прав, говоря, что неизвестно, когда утратился наш „треугольный нефритовый приставок“ с продолжением торцовой надписи. Легко допустимо, что это произошло именно в „безвременье“ тяжелого не для одного Самарканда XVIII в. Во всяком случае, его не было на месте уже давно, о чем свидетельствуют наиболее ранние фотографические снимки. Не отсутствие ли его настолько искажило весь вид намогильника, что Н. В. Ханыков воспринял его как „имеющего форму усеченной четырехугольной пирамиды, поставленной на верхнее свое сечение“? Так же его иногда изображали на некоторых рисунках 60-х и 70-х годов прошлого столетия.

По показанию последнего владельца, этот кусок с частью надписи был в его семье на протяжении нескольких поколений, в течение какого времени он вовсе не служил предметом эстетического любования, а интенсивно эксплуатировался, о чем свидетельствуют места многочисленных сколов на нем. Именно они и привели к утрате части текста исторической надписи на намогильнике Тимүра, причем, вопреки словам В. В. Бартольда, это случилось не „в новейшее время“.¹ Автор спутал торцовую историческую надпись с помещенной на верхней стороне намогильника родословной, и при этом имел в виду далеко не справедливое высказывание Н. И. Веселовского, будто Барбот де Марни и Мушкетов „молотками отбили куски нефрита“ и при этом били прямо по надписи.² В дореволюционном Туркестане это обвинение разрослось, причем говорилось даже об отколе и увозе за границу углового куска торцовой стороны с частью текста. В действительности оба названные геолога отделили несколько незначительных мелких

¹ В. В. Бартольд. О погребении Тимүра, стр. 31.

² Н. И. Веселовский. О надгробии Тимүра, стр. XII.

сколов, необходимых для микроскопического анализа, что не могло сколько-нибудь ощутимо повредить надписи и ее прочтению. Осмотренные мной в 1925 г. образцы, тщательно хранившиеся тогда в Музее Горного института в Ленинграде, отличались исключительной тонкостью и помещались в очень маленькой стеклянной пробирочке. Пресловутый же угловой кусок, якобы попавший за границу, своим появлением счастливо снимает с памяти достойных русских ученых столько десятков лет тяготевшее над ними тяжелое обвинение.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

НАДПИСЬ С ИМЕНЕМ БАДР АД-ДИНА ЛУЛУ НА БРОНЗОВОМ ПОДСВЕЧНИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Первое краткое и пока единственное описание бронзового подсвечника с именем Бадр ад-дина Лүлү из собрания Государственного Эрмитажа (КИ 3690) появилось в каталоге выставки III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии.¹ На этот же каталог ссылается, упоминая о надписи на указанном подсвечнике, В. А. Крачковская в своей статье „Надпись бронзового таза Бадр ад-дина Лүлү“, помещенной в первом выпуске настоящего издания.² Самому памятнику в дальнейшем будет посвящена специальная статья, настоящая же ограничивается изданием одной только надписи.

Памятник, о котором идет речь, составлен из двух частей от разновременных больших бронзовых подсвечников (высота его в нынешнем виде 0,82 м), стержень его, на основании технического и стилистического анализа относится к XII в. и к иной производственно-культурной среде. Помимо искусственного соединения, на стенках основания подсвечника, у верхнего края их, имеются поздние добавления в виде симметрично расположенных трех массивных фигурных накладок с небольшими тонкими ушками, свидетельствующих об использовании памятника в быту в позднее время. Накладки наглухо приклепаны и закрывают некоторые места в надписи. В остальном надпись, почти бесследно потерявшая былую свою инкрустацию из серебра, прекрасно сохранила свой основной рисунок. Как графические недостатки, нужно отметить нечеткую охарактеризованность некоторых знаков (س как общее явление, особенно дважды в слове المسلمين; الش في слове الشربق), порой и отсутствие их (ن в словах المنصور والنصر, ي в словах المتمردين, سيّد, المعتمدين وحيوش), при очень четком изображении остальных.

Надпись исполнена прямым насхом (рис. 1—2). Линии знаков нешироки, что при некоторой вытянутости вверх стержней высоких букв придает ей известную стройность. Занимает она два горизонтальных пояса в верхней и нижней частях основания подсвечника на стенках и размещена в них равно-

¹ Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии, вып. 1, Гос. Эрмитаж, Л., 1935, стр. 407, зал 227, XXXI, 3.

² Эпиграфика Востока, I, Академия Наук СССР, М.—Л., 1947, стр. 9, прим. 1.

Рис. 1. Бронзовый подсвечник Бадр ад-дина Лулӯ.

Состояние надписи с выпавшей инкрустацией затрудняет установить точно степень насыщенности ее диакритическими точками, имеющими вид небольших спиралей. Спиралей такого же вида и размера и чуть крупнее вкраплено много в орнаменты, заполняющие фон надписи, и отделить с уверенностью спирали, несущие служебную роль, от спиралей орнаментальных не представляется возможным.

Поскольку надпись вписана в две замкнутые ленты без каких-либо разделительных признаков, начало ее, переход с одного пояса на другой и конец определяются только по смыслу и по обычным в подобных надписях вводным и заключительным оборотам. Чтение облегчается только тем, что продолжение надписи в нижнем поясе приходится под началом ее в верхнем.

Верхний пояс

عزّ لمولانا المنك للرحيم [العالم] العادل المويّد المظفر
المنصور المجاهد المرابط بدر الدنيا والدين عضد الاسلام
والمسلمين محيي العدل في العالمين قاتل المتوردين
قاهر الكفرة [المشركين اجود] [اليتاما و] المساكين ناص
الحق بالبواهيين حلمي برور بلاد المسلمين

Нижний пояс

سيّد امر [آم] الشرق والغرب عزّ لخلافة نقيب (?) الملوك
والسلاطين ناصر جيوش المسلمين المحمود في الشكر و
الاسائل المسالك ابي الفضائل لولو سرور قلوب
المعتقين حسام امير المومنين قرّر الله النصر بلوآئه
والمضيا بارآئه ماسك سيف الصبح المفاجي من عمد
الليل الدلجي اعزّ الله انصاره

Слова العالم, الاسلام и اليتاما, закрытые упомянутыми выше поздними накладками, восстанавливаются в прямых скобках по аналогиям в других надписях Бадр ад-дина Лулӯ и, как не вызывающие никаких сомнений, приводятся ниже в 'переводе' без восстановительных скобок. На основании таких же аналогий восстанавливается и конечное ّ в слове الكفرة, намек на которое можно видеть в неоформленной фигуре над указанным словом, которую, однако, трудно признать с уверенностью за знак письма (ср. знак ّ в последнем слове надписи انصاره). Вообще же мы не считаем невозможным чтение в данном и в подобных случаях قاهر الكفر والمشركين по аналогии с سلطان (или ركن) عضد الاسلام والمسلمين или вариантами последнего (عضد), что хотя формально и исключается при заведительствованных в печати вариантах: قاتل الكفرة والمشركين и قامع الكفرة والمشركين.² Восстановление آم

¹ ابي. Место.

² См. здесь и ниже надписи с именем Бадр ад-дина Лулӯ в „Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe“ (тт. X, XI, Каир, 1939).

в слове *امراء* оговорено выше и не требует дополнительных разъяснений. Единственный вопросительный знак в надписи, после слова *نقيب*, выражает не столько неуверенность автора в правильности предлагаемого им чтения, сколько графическую неудовлетворительность изображения. Начертание второго знака, который мы принимаем за *ق*, недостаточно четкое, и при определении его мы руководствовались близкими по форме начертаниями знака *ف* в слове *الكفر* [ة] и дважды в предлоге *في*. С известной натяжкой в начале слова можно было бы видеть знак *ه*, однако трижды повторенное в надписи соответствующее начертание его с опущенной ниже первой чертой (слова *المجاهد*, *قاهر*, *بالبراهين*) отводит это предположение, тем более, что едва ли удастся подобрать слово со знаком *ه* в начале, которое по начертанию и смыслу подошло бы к данному месту. Если термин *نقيب* не засвидетельствован в таком сочетании в близких по характеру и времени надписях, то употребление его в сходном сочетании *نقيب الشرفاء* широко известно. То обстоятельство, что последнее идет из шиитских кругов, не может служить доводом, отрицающим использование того же слова в титулатуре суннитских правителей.

Мы не сочли нужным восстанавливать в прямых скобках знаки *ن* и *ى* в тех случаях, когда присутствие их само собой подразумевается, но графически они не выражены (см. об этом выше). К таким случаям относится слово *جيوش*, не встретившееся нам в надписях с именем Бадр ад-дина Лүлү, но засвидетельствованное в ортукидских и нисанидских надписях.¹ Возможность чтения слова без восстанавливаемого *ى* в форме *حوش* исключается, как нам кажется, хотя бы потому, что при допущении иносказательного употребления этого слова, обычно означающего 'монастырский двор', 'ограда', 'загон для скота', естественнее было бы ожидать его в форме двойственного числа *حوشين* по аналогиям с *حضرتين* в других надписях. Кроме того, поставленная над словом *дамма*, как было указано выше, не оставляет сомнений в правильности предлагаемого чтения.

Единственным эпитетом, в конструкции которого не соблюдена стройность, наблюдаемая в остальных сложных эпитетах надписи, является выражение *المحمود فى الشكر والاسائل المسالك*.

Возникает сомнение, нет ли тут пропуска слова, которое могло образоваться со словом *الشكر* такое же сочетание, как следующее за ним *الاسائل المسالك*. Помимо соображений конструктивного характера, на эту мысль наталкивает и недостаточная четкость образа, очень ясного в остальных сложных выражениях. Не исключена возможность, что вследствие пропуска тут произошло слияние двух разных эпитетов. Предлагаемое чтение не вызывает в нас колебаний. Возможность чтения² последних двух слов выражения не *الاسائل المسالك*, а *الاتابك الهالك* 'правительствующий атабек' легко увязало бы это с последующим именем, но не согласовалось бы с предшествующим союзом *و*. Но и помимо последнего, наличие знака *س* в обоих рассматриваемых словах

¹ Amida, Heidelberg, 1910, №№ 24, 27, 32.

очевидно. Выражение же *الاتابك المالك* не исключало бы в себе внутренней несуразности.

Перевод надписи

‘Слава господину нашему, царю милосердному, ученому, справедливому, поддерживаемому [свыше], победоносному, вспомоществуемому [свыше] на победу, борцу за веру, охранителю границ, Бадру ад-дунья ва-д-дйя, огоре ислама и мусульман, оживителю справедливости в мирах, уничтожающему повстанцев, одолевающему неверных и многобожников, отцу сирот и бедняков, способствующему истине доказательствами, защитнику земель стран мусульманских || сейиду амйров Востока и Запада, гордости халифата, вождю царей и султанов, пособнику армий мусульманских, прославившемуся в благодарности [пропуск?] и в допытывании путей, Абъ-л-Фада’илу¹ Лулӯ, радости сердец вольноотпущенных [рабов], мечу амйра правоверных, да укрепит Аллах победу его знаменем и совершение [дел] его помысламч, выхватывающему меч внезапно наступающего утра из ножен темной ночи, да прославит Аллах его пособников’.

Переход надписи с верхнего пояса на нижний отмечен в переводе двумя вертикальными разделительными черточками.

Упомянутая выше статья В. А. Крачковской с исчерпывающей библиографией и со сводкой употребления отдельных вариантов эпитетов в титулатуре Бадра ад-дйна Лулӯ снимает с нас задачу приведения всех параллелей к разбираемой надписи. Отсылая желающих получить более детальное сличение к этой статье, мы ограничимся только несколькими замечаниями.

Начало надписи, содержащееся в верхнем поясе, носит трафаретный характер, отличаясь от других несколько измененной *расстановкой обычных эпитетов и необычным употреблением некоторых слов. К числу последних относятся *قاتل* и *قاهر* — начальные элементы отдельных эпитетов, употребленные не в обычных местах, а как бы взаимно перемещенные. Обращает на себя внимание также употребление слова *بورور* в форме множественного числа (от единств. *بورور*), мало употребительной не только в эпиграфических памятниках, но и в литературе вообще. Обычно в соответствующих местах других надписей встречается множественная форма *ثغور* (от единств. *ثغر*).

Вторая часть надписи, занимающая нижний пояс, в отличие от первой, наряду с обычными эпитетами, не всегда точно соответствующими параллелям их в других надписях, содержит также выражения, не имеющие себе аналогий.

К числу обычных эпитетов, употребленных не в полном соответствии с параллелями, относятся:

1. *سيّد امرآء الشرق والغرب*. Известны варианты с началом: *ملوك امرآء* или *ملوك* или *اجلّ ملوك* вместо *سيّد امرآء*.

¹ Оставляем без перевода эпитет *ابو الغضائل*, который, как нам кажется, составляет такую же неотделимую часть официального имени Лулӯ, как и прозвище *والدين والدنيا*.

2. عَزَّ الخِلافَة. Варианты نَحْر или صَغَى вместо عَزَّ.

3. نَقِيب الملوك والسلاطين. Варианты: تاج или سَيِّد вместо نَقِيب.

4. ناصر جيوش المسلمين. В надписях с именем Бадр ад-дйна Лулӯ не засвидетельствован. Встречается в надписях ортукидов: Маудӯда (вариант شرف вместо ناصر) и Муҳаммада (вариант (?) زعيم вместо ناصر) и нисанида 'Али в форме مقدم الجيوش.¹

Не имеют себе аналогий следующие эпитеты:

1. المحمود فى الشكر والاسائل المسالك

2. سرور قلوب المعتقين

Эти эпитеты, особенно второй из них, повидимому, являются отражением каких-то реальных фактов в деятельности Бадр ад-дйна Лулӯ. Иначе нужно рассматривать последний, сложный по конструкции, рифмованный поэтический образ в качестве эпитета:

ماسك سيف الصبح المفاجى فى غمد الليل الداجى

в котором скорее можно видеть хвалебное выражение, чем намек на какой-то исторический случай. В виде рифмованного поэтического образа построено также сложное благопожелание:

قر الله النصر دلوآئه والمضيا بارائه

Поскольку последние два выражения построены также и на аллитерации, невольно приходится вернуться к эпитету

المحمود فى الشكر والاسائل المسالك

во второй части которого, в отличие от первой, тоже соблюдена аллитерация. Быть может это послужит лишним доводом в пользу нашего предположения, что данный эпитет не без порока.

Литературная форма сказалась не только в отдельных выражениях. Надпись в целом, как и все подобные ей, построена с соблюдением известного ритма и содержит основную рифму на —ين—. Помимо отмеченных отличительных свойств надписи, особенно бросается в глаза отсутствие в ней двух взаимно исключающих друг друга титулов Бадр ад-дйна Лулӯ, не трафаретных эпитетов, а официальных показателей его политической роли: титулов سلطان و اتابك. Допустить, что тут могла иметь место небрежность со стороны составителей или исполнителей надписи, едва ли есть основание. Если опущение первого титула, указывающего на зависимое положение его носителя, могло бы найти себе объяснение, то пропуск второго, свидетельствующего о получении Бадр ад-дйном Лулӯ инвеституры от халифа, не нашел бы себе оправдания. Формально отсутствие обоих титулов может служить для нас основанием для датировки надписи. Бадр ад-дйн Лулӯ при-

¹ См. стр. 78, прим. 2.

обрел независимость в 631/ октябрь 1233 — сентябрь 1234 г. и в том же году он был признан халифом и получил право ношения титула سلطان. В промежуток между этими событиями, быть может, составлена рассматриваемая надпись. Если же основательно высказанное М. ван Бершемом предположение, что получение Бадр ад-дйном Лўлу инвеституры от халифа относится ко времени после 646 г. х.¹, то тем самым и период датировки надписи придется расширить от октября 1233 г. до апреля 1249 г.

¹ О начале царствования Бадр ад-дйна Лўлу и о получении им инвеституры см.: М. v. Berchem. Monuments et inscriptions de l'atabek Lu'lu de Mossoul. Orientalische Studien, I, Giessen, 1906, стр. 197—198 и 208, прим. 1.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

„ГОРОД ТЕЙШЕБАНИИ“ В УРАРТСКОЙ КЛИНООБРАЗНОЙ НАДПИСИ

В 1936 г. на холме Кармир-блур (арм., „Красный холм“), расположенном на левом берегу р. Занги, ниже Еревана, был найден обломок камня с клинописью, содержащей имя урартского царя Русы сына Аргишти (ок. 685—645 гг. до н. э.).

Раскопки, начавшиеся в 1939 г., открыли на Кармир-блуре остатки мощной крепости и дворца урартского наместника, погибших в начале VI в. до н. э. во время набега скифов. Внезапность гибели крепости и пожар дворца объясняют факт нахождения при раскопках большого числа предметов, хорошо сохранившихся под рухнувшей горевшей кровлей и обвалившимися стенами, сложенными из сырцового кирпича.

Работами 1946 г. был открыт ряд помещений в северной части дворца. Из их числа особое внимание привлекла кладовая у внешней стены, подполье которой было засыпано пшеницей, сохранившейся сплошным слоем, толщиной 0.25—0.45 м. Над запасами зерна, на деревянных досках пола, обнаружено большое количество сильно поврежденных бронзовых предметов. Тут находились бронзовые части мебели и костяные инкрустации ее деревянных частей, браслеты, пояса с изображениями, разнообразные сосуды и плоские чаши. В одной из чаш была найдена пара золотых серег, украшенных зернью.

В кладовую вела только одна дверь из узкого и совершенно пустого помещения. В дверном проеме были обнаружены части запора, представлявшего собою массивный бронзовый стержень, длиною около 0.46 м, с кольцами на концах (большее кольцо диам. 0.13 м, меньшее диам. 0.07 м). Такие части запора были и раньше находимы, как при раскопках на Кармир-блуре, так и на Топрах-кале, около Вана.¹ В меньшее кольцо была вдетая железная петля с расклепанными концами, посредством которой этот стержень прикреплялся к деревянной двери. На большем кольце, по наружному его краю, вырезана клинообразная надпись, частично поврежденная; окисью уничтожено около шести знаков (рис. 1).

¹ С. F. Lehmann-Haupt. Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. Abhandl. der Königl. Gesell. der Wissensch. zu Göttingen. Phil.-Hist. Klasse. NF. IX 3, 1906, рис. 73.

Значение слова u-gi-iš-ḫu-zi-ni окончательно еще не установлено. Первая его часть, на основании келяшинской урарто-ассирийской билингвы, может переводиться как 'оружие',¹ вторая же часть в форме ḫu-zi-e встречается в надписях Менуи, сына Ишпуини, на базах колонн (| Me-nu-a-še | Iš-pu-u-i-ni-ḫi-ni-še i-ni =||| a-ši ḫu-u-si-e za-a-du-u-ni).²

Таким образом, все это составное слово можно перевести как 'дом оружия' (у Менуа „дом щита“), т. е. как 'крепость' или 'арсенал'.

Четвертое слово надписи на части запора передает имя города, что подкрепляется еще идеограммой >=|| 'город', помещенной позади слова, (так же как в названии города Тушпы, обычном в урартских надписях). Имя города оказывается теофорным и восстанавливается как [>=|| --[-] Te-i-še-ba-i-ni >=||, т. е. 'бога Тейшебы город'. Следует обратить внимание на то, что в надписи, так же как и в одной из изданных А. Сейсом, имя бога выписано очень детально, со знаком i между te и še, что уточняет действительную форму имени этого бога.

Перевод всей надписи будет таков: „Русы, сына Аргишти крепость [арсенал?] Тейшебаини города“.

Эта небольшая надпись на запоре двери дворцовой кладовой оказывается первостепенной важности. С одной стороны, она подтверждает дату постройки крепости урартским царем Русой сыном Аргишти, а с другой стороны, этот лаконичный текст приводит древнее название города на холме Кармир-блура и вокруг него.

В урартских текстах, открытых на территории Закавказья, еще раз встречается это имя крепости. Как видно по надписи Русы сына Сардури, вырезанной на скале у древней крепости на южном берегу оз. Севан, у сел. Цовинар (бывш. Келагран), крепость также называлась городом бога Тейшебы. Крепость же у Норбаязета, построенная тем же Русой сыном Аргишти, носила имя „города бога Халда“.

Дальнейшие раскопки Кармир-блурра, вероятно, подтвердят это древнее название Кармир-блурра.

¹ С. F. Lehmann-Haupt. Corpus Inscriptionum chaldicarum, I, 1928, стр. 27.

² И. И. Мещанинов. Халдские надписи на базах колонн собрания Б. Н. Шахожского. ДАН—В, 1931, стр. 29.

И. М. ДЬЯКОНОВ

ФРАГМЕНТЫ КЛИНОПИСНЫХ ТАБЛЕТОК ИЗ РАСКОПОК 1946 г. НА КАРМИР-БЛУРЕ

Во время археологической кампании 1946 г. на Кармир-блуре Б. Б. Пиотровским были обнаружены три фрагмента клинописных таблеток. До сих пор из урартских письменных памятников на глине было известно только две целых таблетки и четыре фрагмента, происходящие из столицы Ванского царства. В Закавказье же были находимы только надписи на камне.

Здесь мы приводим автографическую копию, транскрипцию и описание найденных фрагментов.

Фрагмент А

Сколок (38 × 24 мм) с лицевой стороны большой, плоской таблетки слабого обжига, от левого края столбца (по краю фрагмента имеются следы линования). Сохранилось начало пяти строк (рис. 1):

(x+1)	12	22(?)	...	[...]
(x+2)	┘	a-šú-		[...]
(x+3)		AMELU		[...]
(x+4)	┘	šú-šú-		[...]
(x+5)		amêl k[u-		...

Документ содержал, повидимому, перечень людей.

Фрагмент Б

Фрагмент (24 × 31 мм) левого края и середины небольшой (приблизительно 60 × 40 мм), хорошо обожженной таблетки. На лицевой стороне сохранились три неполных строки (приблизительно пятая—седьмая или седьмая—девятая), на обороте—начало трех строк текста (рис. 2):

(x+1)		šú-ki "	hi-ni "	t[a(?)	- ...
(x+2)	┘	lš-ta-a-gi		[...]	
(x+3)		hi-ni "	a-te-r[i	...	

(пропуск 10—12 строк)

(y + 1) al[-...]

(y + 2) za-du[-ni (?)...]

(y + 3) ṽ A-r[u(?)—...]

Знаком " я передаю два наклонных клина, — знак словораздела или повторения. Знак ṽ (вертикальный клин) может быть прочитан как детерминатив

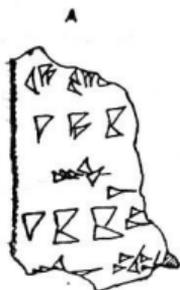

Рис. 1. Фрагмент клинописной таблечки А. Кармир-блур, 1946 г.

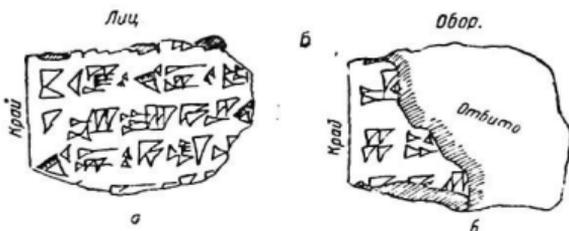

Рис. 2. Фрагмент клинописной таблечки Б: а — лицевая сторона, б — оборотная сторона. Кармир-блур, 1946 г.

мужского имени. Знак te может быть прочитан и как la. Таблетка дает уже известные урартские слова šuki, ħini и глагол zad- 'делать'. Тем самым решается вопрос о языке данных документов.

Рис. 3. Фрагмент клинописной таблечки В. Кармир-блур, 1946 г.

Фрагмент В

Фрагмент (33 × 25 мм) верхней части оборота очень слабо обожженной таблечки, несколько большей, чем в предыдущем случае. Сохранились средние части четырех строк и оттиск печати. Почерк близок почерку фрагмента Б (рис. 3):

(x + 1) ...]... šī-ú[-ni(?)...
 (x + 2) ...] a-te-ri " bi-[...
 (x + 3 ...] ... -li " bi-[...
 (x + 4 ...] ... -da-a " ... [...
 (печать:)...]... m. d. [...

Одинаковый почерк, обилие знаков-разделителей, повторение слова ateri — заставляют видеть в этом фрагменте часть документа, однотипного с фрагментом Б.

Šī-ú[-... — вероятно остаток слова šīni 'привел'. Окончание -li — очевидно, урартское окончание множественного числа.

На оттиске печати различаются остатки надписи — повидимому, детерминативы мужского имени и имени бога — очевидно, начало теофорного имени типа *m. d. Sar_g-du-ri*.

Характер документов и язык

Несомненно, что все три документа относятся к числу деловых. — судя по обилию цифр и расположению строк на фрагменте *A* и по печати на фрагменте *B*.

Печати на клинописных памятниках встречаются только на юридических и хозяйственных документах. Характер текста фрагментов *B* и *B* (сплошной текст, имена, вероятное наличие языковых формул) заставляет видеть в них, скорее всего, юридические документы, а во фрагменте *A* — документ счетный.

Урартский характер их языка не вызывает сомнений.

Орфографические и палеографические особенности

Особенностью орфографии данных фрагментов является частое повторение знака-разделителя;¹ создается впечатление, что он ставится после каждого слова, как в персидской клинописи. В ассирийской клинописи разделитель употребляется очень редко (например, для выделения глосс, иногда для разделения полустиший в поэтических текстах).

В палеографическом отношении кармир-блурские фрагменты весьма сходны с таблечкой, опубликованной Леманном² и датированной правлением Русы III, сына Аргишти (так называемое „письмо Шагаштара“), и сильно отличаются от надписей на камне, где пошиб близок к ассирийскому пошибу IX в. до н. э.

Некоторые палеографические особенности (допущение четырех параллельных клиньев вместо трех, допущение пересечения клиньев, общая с урартской эпиграфической клинописью тенденция превращать наклонные группы клиньев в горизонтальные), показывают все же, что и этот пошиб восходит к ассирийскому пошибу IX в. Другие особенности, повидимому, выработались в урартской клинописи на глине самостоятельно (снижение горизонтальных знаков на уровень строки, упрощение знаков *a*, *iš*, *amêlu*); этих особенностей нет ни в ново-ассирийской, ни в урартской монументальной клинописи; они легко объясняются развитием скорописи.

¹ То же явление на фрагментах из Ваня: С. F. Lehmann-Haupt. *Materialien zur ältesten Geschichte Armeniens und Mesopotamiens*. Berlin — Göttingen, 1907, №№ 79 а и с.

² Там же, № 77. Фрагменты, опубликованные там же, не имеют некоторых указываемых особенностей и, вероятно, датируются VIII веком.

Дата

Далеко ушедшее развитие шрифта по сравнению с исходными формами, каковыми надо считать ассирийские формы IX в., сохраненные ураргским эпиграфическим пошибом, и сходство с почерком таблетки, датированной правлением Русы II, заставляет отнести кармир-блурские фрагменты не ранее, чем к VII в. до н. э.

Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

АРМАЗСКОЕ ПИСЬМО И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГРУЗИНСКОГО АЛФАВИТА. I

Одним из самых важных результатов археологических раскопок в древней столице Грузии Мцхета является открытие надписей со своеобразным письмом арамейского происхождения, которое хотя и обнаруживает известное сходство с иранскими письменами, пехлевийским и парсийским, но ввиду оригинальности дуктуса и других палеографических особенностей выделяется среди известных нам систем как самостоятельная ветвь семитической письменности.¹

С этим выводом согласны многие исследователи, касавшиеся билингвы, как А. Г. Шанидзе,² Х. У. Бейли,³ Х. С. Нюберг⁴ и др. По мнению А. А. Фреймана,⁵ „опубликованная билингва еще недостаточна для убеждения в том, что это письмо может быть выделено в самостоятельную ветвь семитической письменности, хотя такое положение а priori вероятно и в будущем, с обнаружением большего количества материалов, может быть будет доказано. Одноязычная надпись из Армази сильно отличается от билингвы и обнаруживает, по словам автора,⁶ «значительно большую архаичность», хотя и древнее билингвы, как думает автор, не более, чем на одно столетие. Некоторые особенности письма билингвы могут быть отнесены за счет индивидуальных привычек лица, вырезывавшего надпись, а также за счет материала. Тот же самый текст, будучи написан тем же лицом на коже, мог бы иметь несколько иной вид, мог бы отличаться другим дуктусом“.⁷ Если армазское письмо нельзя выделить в качестве самостоятельной ветви семитической письменности, то невольно возникает вопрос: к какой из суще-

¹ Г. В. Церетели. Армазская билингва. Тбилиси, 1941, стр. 4; грузинское издание. Изв. ИЯИМК, т. XIII, Тбилиси, 1942, стр. 5; английское резюме, там же, стр. 51.

² А. Г. Шанидзе, журнал „Мнатоби“, № 9, 1942, стр. 135 сл. на (грузинском языке).

³ H. W. Bailey, *Caucasica*, JRAS, 1943, ч. 1—2, стр. 1, сл.

⁴ H. S. Nyberg. *Quelques inscriptions antiques découvertes récemment en Géorgie* (ex *Egano Rudbergiano*), vol. XLIV, *seorsum expr.*, Gotoburgi, 1946, p. 232, sq.

⁵ А. А. Фрейман. Несколько замечаний к Армазской билингве Г. В. Церетели. Изв. АН СССР, т. V, вып. 2, 1946, стр. 157 сл.

⁶ Имеются в виду мои слова; см.: Армазская Билингва, русский текст, стр. 19—20.

⁷ А. Фрейман, ук. соч., стр. 158.

ствующих систем письма можно было бы его отнести? А. Фрейман указывает, что „армасские документы, являясь одним из аспектов в развитии арамейских алфавитов, стоят, как кажется, в общем, несколько ближе к парфянским, чем к персидским“.¹ Но вряд ли мы имеем основание считать армасское письмо обычным парфянским, так как некоторые буквы (напр. t, k, k), хотя и обнаруживают сходство с парфянскими, но зато другие знаки (как, напр. b, d, частично g) примыкают к парсийскому, отличаясь при этом от соответствующих парфянских знаков в такой же степени, как парсийские. При таком положении вещей мы не можем отнести арамейское письмо билингвы к парфянско-пехлевийскому или только к парсийскому. С другой стороны, это не должно мешать нам видеть в нем самостоятельную ветвь семитической письменности, так же как аналогичное явление (частичное родство с пехлевийским, а с другой стороны — с парсийским), характерное еще в большей степени для авестийской азбуки, не мешает видеть в ней самостоятельную ветвь того же письма. Но не следует думать, что армасские знаки делятся на две части, одна из которых примыкает к парфянскому, а другая к парсийскому. Это деление можно провести лишь в отношении некоторых букв. Другие буквы (h, h) обнаруживают родство с соответствующими знаками эстрангело, а некоторые из них (n y, d.) вовсе не имеют параллелей в семитической письменности. Эти оригинальные начертания отдельных букв и вообще всю своеобразную систему армасского письма едва ли можно объяснить индивидуальностью писца, которая так далеко вряд ли может зайти.

Значительные отличия, обнаруживаемые надписью № 1 сравнительно с билингвой, наблюдаются в рамках армасского письма, а не арамейской письменности вообще. Нельзя, конечно, утверждать, что в каждой армасской надписи мы имеем образец новой, самостоятельной ветви семитической письменности, но это не значит, что эти надписи не могут отличаться друг от друга, в зависимости от эпохи и индивидуальности писца и прочих многочисленных факторов, в рамках одной, новой ветви семитического письма, называемой теперь армасской.

Для характеристики письма следует, конечно, учитывать характер документов, а также материал, на котором они писаны. Потому и следует привлекать для сравнения надписи аналогичного с билингвой характера, хотя не надо упускать из виду и таких материалов, как, например, документы на папирусах, иногда более точно отражающие арамейское письмо той эпохи, к которой они относятся, и поэтому более удобные для сравнения, чем архаизирующие лапидарные надписи. Дуктус документов, несомненно, „варьирует сильно, в зависимости от материала, на котором они написаны“ и „от содержания документа“,² и часто бывают случаи, когда человек, наспециализированный

¹ Там же. Ср. с этим слова Х. С. Нюберга относительно того, что письмо билингвы „offre une grande surprise: l'alphabet n'est ni celui des inscriptions arsacides, ni celui des inscriptions sassanides“ (H. S. Nyberg, ук. соч., стр. 232).

² А. Фрейман, ук. соч., стр. 158.

в чтении лапидарных, например, арабских или грузинских надписей, не сможет прочесть ни одной строчки, когда ему попадутся грамоты и фирманы, писанные канцелярским почерком дивань, но такие случаи еще не известны, чтобы специалист по чтению, скажем, арабских или грузинских надписей не был бы в состоянии определить, каким письмом писаны документы, когда ему показывают грамоты, писанные арабским или грузинским канцелярским почерком, и принимал бы их за китайские или греческие. С армазским же письмом произошло нечто вроде этого. В своей работе я уже упоминал одну надпись на серебряной чаше, писанной армазским шрифтом. Найдена была эта чаша в 1902 г. в селении Бори, около одного из древнейших культурных центров Западной Грузии, Сканде (нынешний Шорапани). Фотографии чаши с изображением коня и надписью впервые были опубликованы проф. Е. Такайшвили в 1904 г. в „Известиях Кавказского отделения Московского археологического общества“ (Тбилиси, 1904, вып. 1, стр. 90—91), с указанием, что „внутри на дне имеется красивое изображение коня, исполненное золотом, а на обороте мне неизвестная надпись“.¹

В 1909 г. Я. И. Смирнов поместил фотографии указанной чаши в своем атласе „Восточного серебра“ (№ 305, табл. СХХI), с кратким указанием, что она „греческой, вероятно, работы“ (стр. 7).

В 1916 г. фотография надписи была третий раз переиздана Евг. Придиком.² По мнению Е. Придика, из двух надписей, помещенных на чаше, одной нацарапанной и одной врезанной пунктиром, последняя (сделанная пунктиром) „представляет какое-нибудь восточное наречие; нацарапанная же надпись, вероятно, латинская, написанная курсивом, очень напоминает помпейские graffiti“.³ При этом Е. Придик сообщает о неудачных попытках почтенного Канья (Cagnat), известного специалиста по классической эпиграфике, прочесть надпись и о его докладе в „Société des antiquaires de France“.⁴ Кроме того, в свое время Я. И. Смирнов передал фотографию надписи покойному акад. П. К. Коковцову с просьбой разобрать надпись, но все попытки крупнейшего специалиста в области семитической эпиграфики не привели к каким-нибудь удовлетворительным результатам. Наконец, на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в 1935 г. в Ленинграде серебряная чаша с надписью украшала одну из восточных зал Эрмитажа, но для всех присутствовавших на конгрессе специалистов надпись на чаше оставалась загадочной. Таким образом, армазская надпись на борийской чаше трижды издавалась на протяжении сорока лет, почти столько же времени она находилась в Эрмитаже в доступном для обозрения виде, но до дешифровки армазских стел никому не удавалось ее прочесть, в том числе

¹ Е. Такайшвили, ук. соч., стр. 91.

² Евг. Придик. Новые кавказские клады. Материалы по археологии России, вып. 34. СПб., 1914, стр. 94—110. Фотография надписи там же, стр. 100.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Там же.

и иранистам. А теперь, благодаря армзаским надписям, становится возможным ее чтение. Первым прочел ее безвременно скончавшийся во время войны один из самых талантливых востоковедов нашего времени А. Я. Борисов¹ на основании дешифрованной азбуки армзаской билингвы; прочел Ш. Я. Амиранашвили² в Тбилиси, тоже с помощью армзаской билингвы и читает вообще, всякий, кто знаком с армзаской азбукой. Письмо обеих надписей борийской чаши, писанных, вопреки мнению Е. Придика, на одном и том же языке, идентично с шрифтом билингвы, а также с надписью № 1. Идентичен, повидимому, и язык.

История с борийской надписью является лучшим доказательством оригинальности армзаского письма. Мои суждения об этом письме были основаны не только на билингве, но и на борийской чаше, также как и на надписи № 1 из Армази же. Все три надписи отдалены друг от друга \pm на одно столетие, писаны на различных материалах (камень, серебро) разными лицами и представляют собою тексты различного характера. Борийская надпись обнаруживает некоторую склонность к вычурности и стилизации. Линии изломаны и в местах излома образуются острые углы. Несмотря на это, основные формы букв идентичны с соответствующими начертаниями билингвы, за исключением \aleph (алефа), который здесь обнаруживает несколько своеобразную форму. Левый ствол не имеет направления вверх \searrow , как в билингве, а вытянут вниз, являясь как бы продолжением правого ствола. Отличается она от других армзаских надписей и в отношении орфографии. Если там плеонастическое написание встречается в единичных случаях, то здесь имеем почти систематическое обозначение гласных (за исключением первого гласного в арамейском слове $\aleph\aleph$, которое, будучи идеограммой, вряд ли читалось по-арамейски). Все это позволяет считать борийскую надпись более поздней (приблизительно на одно столетие?), чем билингва, и тем более одноязычная надпись № 1. Отличаясь друг от друга в деталях, иногда в значительной степени (например \aleph борийской надписи, \aleph , \aleph надписи № 1), тем не менее все три надписи объединяются общим духом в одну самостоятельную, вполне развившуюся и сформировавшуюся систему. При этом те явления, которые объединяют их между собой, одновременно отдалают их от других систем письма и, думаю, при наличии вышеизложенных фактов, мы имеем основание для утверждения о существовании в Грузии этой оригинальной ветви семитического письма.

После опубликования билингвы, в Мцхета были найдены новые надписи количеством свыше двух десятков. Писаны они на разных материалах (камень, золото, серебро) и представляют собою тексты различного содержания. Все

¹ А. Борисов. Надписи на серебряной чаше из Боря (Грузия). Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. IV, 1940, стр. 8—11.

² Ш. Я. Амиранашвили, сообщая о проделанной им дешифровке борийской надписи, говорит: „после того, как Билингва была дешифрована и исследована с историко-филологической точки зрения, чтение борийской надписи не представляло трудности“ (Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, I. Тбилиси, 1944, стр. 118).

эти надписи сильно отличаются друг от друга в деталях, и наряду с четко исполненным лапидарным письмом встречаются образцы курсивного характера, но их объединяет один общий дуктус, характерный для билингвы и для армазского, вообще, письма. Так, например, на камне, замурованном в стене какого-то культового, повидимому, сооружения в Багнити, акрополе древней столицы Грузии, встречается фрагмент надписи, состоящей из одного слова (рис. 1). По своему характеру она примыкает к билингве и, особенно, к надписи № 1¹ из гробницы № 4 в Мцхета-Армази. Особенно характерно ξ , которое почти идентично с соответствующей буквой надписи № 1; переходы коротких вертикальных стволов одного в другой не закруглены, как в билингве, а заострены подобно надписи царя Михрдата (№ 1). Общий характер букв здесь еще более близок к груз. ζ (ζ).

Рис. 3. Армазские письма на пластинке золотого браслета из гробницы Мцхета-Армази.

Такого же характера надпись была найдена на другом камне, тоже замурованном в одной из стен указанного сооружения (рис. 2). Возможно, что это части одной и той же надписи.

Встречаются армазские надписи и на золотых предметах. Так, в одной гробнице из Мцхета-Армази найдены два браслета из тринадцати золотых пластинок каждый. С внутренней стороны этих браслетов помещены надписи (по несколько букв на каждой пластинке), которые идентичны друг с другом по содержанию. В палеографическом отношении они немного отличаются от лапидарных надписей и обнаруживают склонность к курсиву. Линии изломаны, места соединения горизонтальных и вертикальных стволов образуют острые углы, за которыми иногда выступают довольно длинные штрихи (см. буквы s , ξ ξ , рис. 3). В некоторых случаях обнаруживается склонность к лигатурам. Такого же характера надпись (одно слово) на золотом кольце, найденном там же (рис. 4).

В еще большей степени сказывается курсивный характер письма в надписях на многочисленных серебряных предметах, найденных в 1946 году в одной гробнице у подножия Багнити, недалеко от железнодорожного полотна. Несмотря на большое разнообразие почерков, все эти надписи объединяются между собою, как мы уже отметили, такими чертами, которые характерны только для армазских надписей и которые позволяют выделить их в само-

¹ АБ, стр. 1, 62.

Рис. 1. Армазские письмена на камне в стене акрополя Багнети.

Рис. 2. Армазские письмена на камне в стене акрополя Багнети.

Рис. 4. Армазские письмена на золотом кольце из Мухота-Армази.

стоятельную ветвь письма. Но это письмо генетически восходит к арамейскому. В этом легко убедиться, если сравнить армазские буквы со знаками семитического (арамейского) происхождения. Так, например, аналогию для Δ встречаем в соответствующем знаке набатейского, к которому примыкает и парсийский β ; Δ имеет форму, близкую к начертанию этой буквы поздних арамейских и новопунийских алфавитов,¹ а также еврейского квадратного шрифта.² Знак h сильно напоминает начертание h сирийских надписей (эстрангело); t , l , s , š , t обнаруживают близкое сходство с разными видами соответствующих знаков арамейского происхождения, и т. д.³

Связь с арамейским сказывается и в числительных знаках. Единица армазской билингвы представляет собою видоизменение старого арамейского знака $|$ (вертикального штриха) с сильным загибом верхней части с правой стороны и характерною для билингвы закругленностью. Знаки для десяти \geq происходят также из простых горизонтальных линий (как это характерно для старого семитического письма), у которых впоследствии появляется добавочный знак в виде опущенного вниз с правой стороны штриха \rightarrow . Впоследствии знак принимает форму открытого треугольника, открытого своим углом в левую сторону \rangle , затем, путем удвоения этого знака \geq , выражается число 20. В пальмирском и персидском эти знаки соединяются и принимают форму зигзагообразной линии \geq с двумя углами, открытыми налево, и с одним входящим углом, направленным в левую сторону; при этом, вследствие округления переходов, знак принимает форму нашей цифры 3.⁴

В таком виде представляется мне история указанного знака для 20, но, по мнению проф. А. А. Фреймана „знак для 10 представляет собою несколько видоизмененную букву йод арамейского... алфавита с выпрямлением верхней и нижней части буквы, так что они пересекаются под прямым углом, а не происходит от простых горизонтальных линий,⁵ «у которых впоследствии... появляется добавочный знак в виде опущенного вниз с правой стороны штриха».⁶ Напоминая, что „буква йод занимает десятое место в семитическом (арамейском) алфавите“, автор указывает, что нет необходимости предполагать в среднеперсидском знаке, для 20, имеющем форму нашей тройки (3), округление переходов, а „естественнее видеть здесь простое соединение двух йод“. Согдийский знак для 20 представляет собою также соединение двух йод (более древних, чем согдийский йод) с закрытием, вследствие курсивного развития согдийского письма, верхней части, причем таким образом получается знак 2.⁷

¹ M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, I. Weimar, 1898, стр. 182.

² Там же, стр. 192.

³ Подробнее об этом см. АБ, стр. 8 и сл.

⁴ АБ, стр. 17—20.

⁵ Разрядка наша. — Г. Ц.

⁶ А. А. Фрейман, ук. соч., стр. 159. Имеются в виду мои слова: АБ, стр. 17 и сл.

⁷ Там же, стр. 159—160.

Вышеприведенные соображения весьма интересны и правдоподобны. Действительно, знак для 10 похож на букву йод, не только в армазском, но и в среднеперсидском (а также в некоторых памятниках арамейской письменности); йод занимает десятое место в алфавите, для обозначения десяти он употребляется во многих языках, и соблазнительно думать, что знак для 10 происходит именно от него, а не от горизонтальных линий, как утверждал я в своей работе. „Ведь и знак для единицы представляет во всех семитических памятниках¹ (и не только семитических) простую линию“.² Я бы, конечно, согласился с этими предположениями такого авторитетного знатока вопроса, как проф. А. А. Фрейман, если бы не некоторые соображения, которые заставляют меня в вопросе о происхождении знака для 10 придерживаться несколько другого мнения.

Выше уже было отмечено, что во многих языках йод употребляется для обозначения 10. Но, насколько мне известно, обычно, в тех случаях, когда десятая буква алфавита использована для обозначения 10, то единицы передаются также буквами (1=A; 2=B; 3=Г и т. д.) и редко бывает,³ чтобы в двузначных цифрах десятки (в том числе 10) обозначались буквами, а единицы — числительными знаками, т. е. чтобы писали так: 12=i 2; 13=i 3; 21=i i 1; 38=i i 8 или 58=L 8 и т. д. Точно так же в арамейском нигде не имеем случая обозначения чисел вроде 12=i ii; 13=i iii; 21=i ii; или 34=i iii iii и т. д. Такая система чисел нигде не встречается, и если десятки обозначены буквами, то для единиц тоже имеем буквы, так что 11 пишется с помощью букв I (10) и A (1); 12=I (10) и B (2); 23=K (20) и Г (3) и т. д. В армазской билингве единица обозначена числительным знаком, и надо думать, что и 10 (следовательно 20=10+10) тоже представляет собой числительный знак, а не букву. То же самое имеем и в среднеперсидском, а также в прочих письменах арамейского происхождения.

Это, конечно, не исключает возможности предполагать, что начертание 10, представляя собою в указанных письменах числительный знак, генетически восходит к букве йод, на которую оно похоже и в армазском, и в палмирском, а также в среднеперсидском (в этих последних уже в меньшей степени).

Для того чтобы судить о родстве знака для 10 с йод, следует проследить их развитие и выяснить, какое начертание имели они в более древних памятниках семитической письменности. Тогда станет очевидным, что сходство между указанными знаками случайное, и в прошлом они ничего общего между собой не имели.

В древнейших памятниках семитической письменности йод, как известно, имеет довольно сложную форму, несколько похожую на латин-

¹ Слово „памятники“ в тексте отсутствует и вставлено нами.

² А. А. Фрейман, ук. соч., стр. 159.

³ Так, например, в греческом, но там это основано на другом принципе. Десятки обозначаются буквами, которыми начинаются соответствующие слова греческого языка.

скую z, с идущим от вертикального ствола влево штрихом z.¹ Впоследствии у этого знака, не поддающегося написанию одним штрихом, без отрыва руки от поверхности, второстепенный, средний горизонтальный штрих вырождается в точку (как это имеем в поздних финикийских, пунических надписях), а затем совершенно теряется.²

Таким образом, получен тот знак для йода, который встречается в позднеарамейских надписях, а также в армазском и среднеперсидском. С другой стороны, знак для 10 в древнейших памятниках семитической (арамейской) письменности представляет собою простую горизонтальную линию —, у которой впоследствии появляется добавочный штрих.³ Но „ведь и знак для единицы представляет во всех семитических памятниках (и не только семитических) простую линию (правда, вертикальную)“, — пишет проф. А. А. Фрейман. Дело в том, что единица изображается именно вертикальной линией, а горизонтальная линия использована для обозначения 10. Эта горизонтальная линия для обозначения 10 встречается в большом количестве семитических надписей.

Для написания чисел 11, 12, 13... 21, 22, 23..., 31, 32, 33... и т. д. в древних семитических письменах, собственно говоря, мы другого способа, как использование горизонтальных (для десятков) и вертикальных (для единиц) линий, не имеем. Таких примеров можно привести множество, но я ограничусь лишь двумя, наиболее очевидными. В CIS II в одной и той же надписи, как сообщает М. Лидзбарски,⁴ число 15 несколько раз написано или так: или же . В надписи Zengirli: B, NE, II, табл. XXIV, № 3, строка 3, число 30 обозначено словами «тридцать» и рядом с ним помещены три горизонтальных штриха ——. Эти и подобные им примеры не оставляют сомнения в том, что горизонтальная линия была использована для обозначения 10. В связи с этим, считаю нужным отметить, что согдийский знак для двадцати 2 с семитологической точки зрения представляется более вероятным рассматривать как происходящий из двух горизонтальных линий, а не из соединения „двух йод (причем более древних, чем согдийский йод)“, как предполагает А. А. Фрейман.

Две горизонтальные линии, как известно, обозначающие 20, впоследствии образуют лигатуру, причем наблюдается два способа их соединения друг с другом: 1) с помощью вертикального штриха, соединяющего центральные

¹ Так, например, в надписях Ахирама (XIII в. до н. э.), Йехимилка (XII в. до н. э.), Гесера (XI в. до н. э.?), Русиссе (XI—X в. до н. э.), Абиба'аа (947—925), Элиба'аа'я (925—839), в знаменитой надписи Меша (842), Зенджирли (IX—VIII в. до н. э.) и т. д. См.: D. Diringer. L'alphabeto nella storia della civiltà. Firenze, 1937, стр. 277, 279; также: M. Lidzbarski, ук. соч., 178 и сл.

² Уже в надписях IX в. до н. э. встречается йод без среднего горизонтального штриха; см. например Остраку из Самарии 867—859 г. у D. Diringer, ук. соч., стр. 279.

³ M. Lidzbarski, ук. соч., стр. 199—200. — Эта горизонтальная линия в конечном итоге восходит к хеттской эпохе.

⁴ Там же, стр. 198.

точки обеих горизонтальных линий: 1, или 2) с помощью диагонали, идущей от правого конца верхней горизонтальной линии к левому концу нижнего штриха: Z.¹

Этот последний знак, по всей вероятности, и лег в основу согдийского знака для 20 (2), в котором нижняя часть мало изменилась, а верхняя, „вследствие курсивного развития согдийского письма“, сильно загнулась влево, образуя петлю.

Попытки объяснить происхождение знака для 10 от буквы йод, насколько мне известно, делаются не впервые. В 1899 г. в Гиссене вышла работа Г. Гундермана, которая вызвала весьма суровую критику со стороны такого авторитета, как М. Лидзбарски. Указывая на ошибки, встречающиеся в работе Г. Гундермана, М. Лидзбарски пишет, что этих недоразумений можно было бы избежать, если бы Гундерман „попытался при отдельных знаках выяснить, когда они появляются“,² ибо „тогда он увидел бы, что некоторые знаки, которые он кладет в основу других, появляются только через множество столетий после этих последних“.³

Между прочим, Гундерман тоже рассматривает знак для 10 как происходящий от буквы йод, хотя он знает, что для обозначения 10 употребляется и горизонтальный штрих. Но М. Лидзбарски в своей рецензии на работу Гундермана с большой убедительностью доказал несостоятельность утверждений Гундермана: Гундерман склоняется вообще к тому, чтобы выводить числительные от букв. „От знака для 10, — полагает он, — показаны все формы также у буквы йод, включая горизонтальную черту: но это явно сглаженная форма плоского полукруга или угол с очень укороченным отростком. [Гундерман] имел очевидно в виду пальмирское \cup вместо йода. Но это всплывает только в начале христианской эры, напротив появляется — в пятом и — в восьмом веках до христианской эры! Также его прочие происхождения знаков от семитических букв, например, также римского X от \dashv = йод, совершенно не имеют основания“.⁴

В силу вышеизложенных причин я затрудняюсь согласиться с мнением о происхождении знака для 10 в армазском, а также, пожалуй, в среднеперсидском, от буквы йод.

Во всяком случае, в настоящее время не подлежит сомнению, что армазские буквы и числительные знаки генетически связаны с арамейским, с тою именно разновидностью арамейского, которая восходит к письму, зафиксированному в египетско-арамейских папирусах V—II вв. до н. э. Но указанная разновидность семитического письма легла в основу большого количества таких разнообразных алфавитов, как семитические письмена Средней Азии, Сибири, письмо харошти в северо-западной Индии, а также иранские пись-

¹ M. Lidzbarski, ук. соч., стр. 200.

² „Wenn er versucht hätte, bei den einzelnen Zeichen festzustellen, zu welcher Zeit sie entstanden sind“ (M. Lidzbarski. Ephemera für semitische Epigraphik. I. 1902, стр. 107).

³ Там же, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 108.

мена и т. д. Из всех этих систем армазская обнаруживает связь с иранской, как это следовало ожидать по культурно-историческим соображениям и как это видно из фактического положения вещей. Но возникает вопрос: к какой из систем иранского письма стоит армазское ближе?

Еще в Ахеменидскую эпоху существовала персидско-арамейская система письма, мало отличающаяся от собственно арамейской. В эпоху Аршакидов мы уже встречаем своеобразную систему письма пахлавик, созданную на основе арамейского алфавита, которая позднее продолжала существование параллельно с другой системой иранского письма. В сасанидскую эпоху на юго-западе Иранского мира мы встречаем отличную от пехлевийской систему письма, парсийскую (парси), которая, возможно, восходит к гораздо более древней эпохе. К этим двум системам иранского письма, так же как и к курсивной форме рукописей, так называемому книжно-пехлевийскому, близко примыкает письмо Авесты.¹ Очень интересны отношения алфавита Авесты с парсийским и пехлевийским. По схеме Х. Юнкера эти связи, в основном, представляются в следующем виде.²

I. p t k — из pahlavik [ᄂ₂]ᄂ₁ᄂ₁; в противоположность pārsī γ [ᄂ₁]ᄂ₂ᄂ₂.

II. b d g — из pārsī γ ᄂ₂ᄂ₂; в противоположность pahlavik ᄂ₁ᄂ₂.

Из этой схемы видно, что 1) знаки для смычных звуков происходят от пехлевийских букв; исключение представляет только p; 2) все знаки для звонких смычных представляют собою модификацию парсийского письма.

Таким образом, в письме Авесты мы встречаем как парсийские, так и пехлевийские элементы. С этой точки зрения оно представляет собою письмо смешанного характера.³

Сравнение армазской азбуки с иранскими алфавитами показывает, как это мы уже отметили выше, что часть армазских знаков примыкает к пехлевийскому, а другая часть к парсийскому. Интересно, что в данном случае мы имеем такую же картину взаимосвязей, которую обнаруживает письмо Авесты в отношении пехлевийского и парсийского. Знаки для звонких ᄂ ᄂ ᄂ родственны с парсийским, а глухие [ᄂ] ᄂ ᄂ с пехлевийским. ᄂ представляет собою также исключение, как в письме Авесты, но уже в том смысле, что он не имеет явных параллелей ни в парсийском, ни в пехлевийском, хотя, если верны соображения Х. Юнкера о связи грузинского p с пехлевийским ᄂ,⁴ то мы будем иметь больше оснований для утверждения о родстве армазского ᄂ с пехлевийским ᄂ₁.

¹ См. об этом: H. Jensen. Geschichte der Schrift. Hannover, 1925, стр. 203 и сл.; H. F. Junker. Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und georgischen Schrift. Caucasia, Fasc. 2, Leipzig, 1925, стр. 8—9; D. Diringер, ук. соч.

² H. Junker, ук. соч., стр. 12 и сл. Из схемы Х. Юнкера мы привели лишь линии 1 и 2, как наиболее очевидные в характерные. Знаки для щелинных звуков выявляют, в основном, аналогичную картину, но менее отчетливо, чем буквам для смычно-взрывных.

³ „Das gemischte, differenzierte System des Awesta“. (H. Junker, ук. соч., стр. 17).

⁴ Там же, стр. 30.

Таким образом, если рассматривать армазскую азбуку с точки зрения пехлевийского и парсийского, то она также представляет собою „смешанный“

ЕВР.	Билингва	БОРИЙСКАЯ НАДПИСЬ	PĀRSIY	Pahlavik
א	𐎠 𐎡 𐎢 𐎣 𐎤 𐎥	𐎠 𐎡	𐎠	𐎠
ב	𐎦 𐎧 𐎨 𐎩 𐎪	𐎦 𐎧 𐎨	𐎦	𐎦
ג	𐎫 𐎬 𐎭 𐎮	𐎫	𐎫	𐎫
ד	𐎯 𐎰 𐎱 𐎲 𐎳	𐎯 𐎰	𐎯	𐎯
ה	𐎴 𐎵 𐎶 𐎷 𐎸 𐎹	𐎴 𐎵	𐎴	𐎴
ו	𐎺 𐎻 𐎼 𐎽 𐎾 𐎿	𐎺 𐎻	𐎺	𐎺
ז	𐏀 𐏁 𐏂 𐏃 𐏄 𐏅	𐏀	𐏀	𐏀
ח	𐏇 𐏈 𐏉 𐏊 𐏋 𐏌	𐏇 𐏈	𐏇	𐏇
ט	𐏍 𐏎 𐏏 𐏐 𐏑 𐏒	𐏍 𐏎	𐏍	𐏍
י	𐏔 𐏕 𐏖 𐏗 𐏘 𐏙	𐏔 𐏕	𐏔	𐏔
כ	𐏛 𐏜 𐏝 𐏞 𐏟 𐏠	𐏛 𐏜	𐏛	𐏛
ל	𐏣 𐏤 𐏥 𐏦 𐏧 𐏨	𐏣	𐏣	𐏣
מ	𐏩 𐏪 𐏫 𐏬 𐏭 𐏮	𐏩	𐏩	𐏩
נ	𐏰 𐏱 𐏲 𐏳 𐏴 𐏵	𐏰	𐏰	𐏰
ס	𐏷 𐏸 𐏹 𐏺 𐏻 𐏼	𐏷 𐏸	𐏷	𐏷
ע	𐏾 𐏿 𐐀 𐐁 𐐂 𐐃	𐏾 𐏿	𐏾	𐏾
פ	𐐅 𐐆 𐐇 𐐈 𐐉 𐐊	𐐅 𐐆	𐐅	𐐅
צ	𐐋 𐐌 𐐍 𐐎 𐐏 𐐐	𐐋 𐐌	𐐋	𐐋
ק	𐐒 𐐓 𐐔 𐐕 𐐖 𐐗	𐐒 𐐓	𐐒	𐐒
ר	𐐙 𐐚 𐐛 𐐜 𐐝 𐐞	𐐙	𐐙	𐐙
ש	𐐟 𐐠 𐐡 𐐢 𐐣 𐐤	𐐟 𐐠	𐐟	𐐟
ת	𐐧 𐐨 𐐩 𐐪 𐐫 𐐬	𐐧 𐐨	𐐧	𐐧

Рис. 5. Сравнительная таблица алфавитов: древнееврейского, армазского, пехлевийского и парсийского.

тип алфавита. Но это не следует понимать в том смысле, что армазское письмо обнаруживает больше сходства с Авестой, чем с пехлевийским или

парсийским. С письмом Авесты его связывает система родства с соответствующими элементами пехлевийского и парсийского. По существу же, с точки зрения начертаний линий, армазское несравненно ближе стоит к пехлевийскому и парсийскому, чем к Авесте (рис. 5). Следует также подчеркнуть, что, когда мы в отношении армазского алфавита употребляем выражение „смешанный“, имеется в виду не генетическая сторона вопроса, а существующее положение дела. В действительности представляется более правдоподобным, что армазское письмо не то что происходит от смешения парсийского и пехлевийского, а, наоборот, указанные иранские письмена следует рассматривать как результат дифференциации той разновидности арамейского письма, которая близко стояла к армазскому.

Мы имеем основание для таких утверждений, во-первых, потому, что в хронологическом отношении армазское письмо предшествует древнейшим монументальным памятникам среднеперсидской письменности и, кроме того (и это наиболее важно), с палеографической точки зрения оно значительно архаичнее и гораздо ближе стоит к древним образцам арамейской письменности, чем указанные иранские шрифты. Ряд букв армазского письма (например \beth , \daleth , \beth , особенно \beth , \daleth , \beth и т. д.) представляет прототип для соответствующих иранских знаков. В связи с этим, возможно, вопрос о „смешанном характере“ Авесты придется рассмотреть в другом направлении. Во всяком случае, для изучения этого вопроса отныне нельзя будет пренебрегать армазскими материалами, которые в некоторых случаях, возможно, будут иметь решающее значение.

А. Н. БЕРНШТАМ**УЙГУРСКАЯ ЭПИГРАФИКА СЕМИРЕЧЬЯ. II**

1

В 1939 г. при раскопках древнего города Сарыга в зоне рабада, к югу от шахристана, был раскопан дом, в верхнем слое которого найдены три фрагмента венчика небольшого хума с надписью. Обнаруженная надпись на поверхности развалин и определила тогда место закладки раскопа, давшего весьма важные археологические находки. Об этой постройке в предварительном отчете экспедиции мы писали: „Последний раскоп за пределами городища вскрыл постройку мусульманского времени, четырехкомнатную в плане, с большим количеством бытового инвентаря XI—XII вв., среди которого наибольшее внимание привлекает венчик хума с надписью, выполненной согдийским шрифтом“¹.

Камеральная обработка материала и определение (М. Массоном) найденных в раскопе монет позволили уже в 1941 г. заявить: „Целиком была раскопана постройка в рабаде древнего города Сарыга, датируемая монетами Арслана (XI в.). В этой постройке наибольший интерес, помимо разнообразной керамики, представляет вскрытое раскопками сооружение для изготовления вина в виде чава, где давился виноград. Чав имел выводной проток, сделанный из гончарной трубы. Сусло по трубе стекало в хум, вкопанный тут же в землю и перекрытый шестигранной крышкой.

Сооружение для раздавливания ягод, так же как и само здание, целиком сделано из сырцового кирпича, а внутренние стены оштукатурены“².

Фотография надписи на хуме была дана на прочтение члену-корреспонденту АН СССР А. А. Фрейману, который не усмотрел в ней согдийского происхождения. Действительно, занявшись чтением этой надписи на одном из древнетюркских языков, мы смогли ее расшифровать, несмотря на ее фрагментарный характер.³

¹ КС ИИМК, IV, стр. 47.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 89, ср. табл. XV.

³ Ныне этот фрагмент хума с надписью хранится в Музее национальной культуры в г. Фрунзе.

Венчик хума состоял из трех кусков, два из которых точно прилегали друг к другу. Ширина венчика достигает 3 см, восстанавливаемый диаметр горловины свыше 15 см. Тесто хорошее, обжиг розоватый, черепок хума плотный (рис. 1).

Надпись глубоко врезана. Буквы четкие; округлые линии, требуемые конфигурацией букв, выполнены хорошо и показывают, что надпись сделана до обжига сосуда по мягкой глине. Можно даже отметить, что округленность тыльных (правых) сторон букв даже подчеркнута выпукла, свидетельствуя о выработанном курсиве автора надписи. Несколько своеобразно начертание конечной буквы *a* в виде длинной горизонтальной черточки, которая больше выдвинута влево, чем это обычно принято в рукописных уйгурских документах, где она, в отличие от короткой черточки *z*, обычно сильно выписывается вправо по вертикальной оси надписи. В данном случае это объясняется фактурой и площадкой для надписи, так как справа начинается закругление венчика внутрь. Вообще буква *a* имеет в надписи наибольшее количество вариантов, часть которых, мы бы сказали, имеет „монголоидную форму“. Буква *g* одинаково выписывается и в начале и в середине слова. В остальном мы особых палеографических особенностей не усматриваем. Надпись состоит из двух обрывков, которые мы читаем в следующей последовательности:

I ... 𐰽 𐰺𐰸 𐰺𐰸 [ح]

II (... 𐰽 𐰺𐰸 𐰺𐰸 [ح])

Транскрипция:

I... ä v qaqa mar [y]

II... qa boqu ara q [u]

I 'Дом Кара Мар'а...'

II 'Сосуд для вина. Половинное (?) ху...'

В первой строчке обращаю внимание на вторую часть имени, где наличествует сирийский термин *mar* — учитель. Термин этот имеет относительно широкое территориальное распространение вплоть до кыргызских надписей на Селенге.¹ Не менее известно широкое распространение сирийцев на территории Семиречья, как показал А. Я. Борисов чтением надписи на сосуде из Тараза² из наших раскопок 1938 г., с VI в., а для более позднего времени факт распространения сирийцев также широко известен.³ Отмечу попутно,

¹ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei. JSFO, 1913.

² А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941, стр. 21, прим. 48.

³ Имеем в виду такие факты, как а) манихейская молитва из Северного Притяньшанья — Хуастуанит (W. Radloff. Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer. СПб., 1909, стр. V); б) реконструкция христианской церкви Тараза Исма'ил ибн Ахмадом в мечеть в IX в. (В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927); в) несторианские кладбища XII—XIV вв. (В. Бартольд. О христианстве в Семиречье в Монгольский период. ЗВО, VIII, 1893, 3—4; Н. Пигулевская. Сирийские и сиро-туркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана. Советское востоковедение, I, Л., 1940).

Рис. 1. Обломки венчика хума
из Сарыга.

Рис. 2. Обломок крышки хума
с городища Кысмычи.

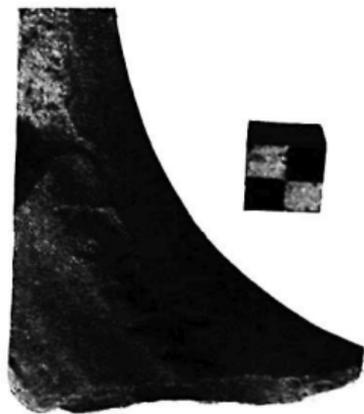

Рис. 3. Обломок венчика хума с
охраны Сарыга.

что на этом же городище древнего Сарыга была найдена сирийская надгробная надпись III в. с именем кузнеца Георгия.¹ Таким образом, наша надпись с сирийским термином в имени не должна вызвать удивления, а наоборот подтверждает факт наличия сирийского населения Сарыга, одного из больших городов Чуйской долины, основного места расселения сирийцев в Семиречье.

В первой строчке явно сиро-тюркское имя владельца, устанавливающее принадлежность сосуда к имуществу его дома. Укажу на аналогичную надпись на сосуде из Енисея, опубликованную нами в другом месте.²

Во второй строчке первое двухбуквенное слово мы читаем qa 'сосуд для жидкостей',³ затем bogu = bog 'вино' с суффиксом притяжения у.⁴ К слову ага Махмуд Кашгарский дает значение „середина“, „между“. В виду того, что далее следует буква q, позволяющая восстанавливать слово qu (кит. „ху“), я слово ага связываю с последующим словом qu, считая его как прилагательное. Термин „ху“ нами отмечен в предыдущей статье на эту тему.⁵

Ага qu, по-моему, может обозначать „середины ху“, т. е. половину объема ху, чему весьма соответствует и меньший объем нашего сосуда по сравнению с тем, где была надпись, гласящая об объеме в целый ху (батман).

Синтаксически фраза построена так же, как надпись на ранее нами изданном хуме, тем самым свидетельствуя об установившемся трафарете. Некоторое сомнение вызывает перевод слова ага, так как в юридических документах XIII—XIV вв. употребляется форма jagum.⁶ Во всем остальном наличествует сходство терминов нашей надписи с терминологией в уйгурских юридических документах. Предпочтение, оказываемое нами при толковании текста словарю Махмуда Кашгарского, объясняется большой близостью его по времени и по территории к надписи на сосуде, который, как и весь комплекс руин мастерской владельца, датируется по монетным находкам XI веком, т. е. веком составления сочинения Махмуда Кашгарского.

Несмотря на фрагментарность нашей надписи, она, учитывая место находки и связанности ее с археологическим комплексом, представляет

¹ Также прочтена А. Я. Борисовым. Ср.: А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, стр. 107.

² Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок, ТИВ, XIV, Л., 1946, стр. 69. — О сиро-тюркских текстах см. указанную выше статью Н. Пагулевской.

³ C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Bibliotheca Orientalis Hungarica, I, Leipzig, 1923, стр. 130.

⁴ Махмуд Кашгарский. Словарь, стр. 40 (в дальнейшем: МК). Отмечу, что не исключена возможность чтения: qarboqu; эта форма известна в уйгурских юридических документах. См.: Труды Института востоковедения. — W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928 (в дальнейшем: USD), стр. 269; ср. стр. 1 ~~күр бор~~ ~~күр бор~~, стр. 4, а также ср. 43, 52: күр бор.

⁵ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947.

⁶ USD, стр. 274. Ср. jagum ar bor altum (USD, I) jagum 'ärtini, jagum torquny USD, 5).

несомненно большой интерес как документация новой лексики. Любопытно также еще одно указание на сирийский этнический элемент в Семиречье, свидетельствующее одновременно и о профессии эмигранта (винодел). Сопоставление объемов сосудов с аналогичными надписями позволит в дальнейшем подойти и к вопросам уточнения местной метрологии, совершенно неизвестной для этого района и времени.

2

Зарегистрируем еще два фрагмента надписей. Первая расположена на плоскости глиняной крышки хума, сохранившейся немногим больше одной трети. Диаметр крышки 36 см. Крышка разделена валиками на три сектора; в одном из секторов, полностью не сохранившемся, уцелел обрывок надписи, исполненной курсивом, глубоко врезанным на предмете до его обжига. Судя по большому размеру букв (до 3 см высотой), в среднем секторе могли быть размещены еще не более двух букв. Уцелевшие пять букв распределяются на две части: 2 и 3 (рис. 2). Первые две ясно *al*, другие три, тесно примыкающие к первым двум, состоят из *tūš* (*tyq?*). С большой долей вероятности можно здесь читать соответственное имя *Altūš* — Алтыш (букв. 'краснозубый', при чтении Алатыш — 'пестрозубый').¹

Палеографических особенностей в надписи почти нет; обращает внимание „монголоидное“ написание буквы *y* (*i*) в середине слова. Курсив четкий, лигатуры не допускают разночтений. Обрывок этой надписи важен нам ввиду его местонахождения — на правом берегу Чу на городище Кысмычи, которое мы отождествляем с городом Якакентом и относим к крайним северным границам распространения первой колонизации согдийцев в Семиречье.²

3

Сложнее обстоит дело с третьим фрагментом, подобранным при строительстве Большого Чуйского канала в 1941 г., на глубине 1.5 м на пикете 142+10, в районе с. Красная Речка у окраины древнего города Сарыга (рис. 3). Надпись расположена по внешней поверхности венчика хума (Музей национальной культуры г. Фрунзе, инв. № 814). Ширина венчика 7 см, толщина 1.4 см, толщина стенок хума 1.3 см. Судя по внутреннему изгибу венчика, диаметр горловины хума был до 50 см, т. е. это один из тех больших хумов, одну надпись которых мы уже разобрали.³ Буквы принадлежат к курсивной скорописи, также исполненной до обжига сосуда.

¹ См. аналогичные имена: Н. Ф. Катанов. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе „Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым“. СПб., 1888, стр. 7, 8.

² О городище см.: А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, 1941 г., стр. 83—85; о периодизации согдийских колонизаций см. нашу статью „Согдийская колонизация Семиречья“, КС ИИМК, VI.

³ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947.

Формально типологическое сопоставление с прочитанной надписью на хуме не даст схожих слов. В разбираемой надписи имеется конец одного слова с явным *v* на конце и начало второго слова, где с трудом читаются буквы *قلس...* или *قلم*. Во втором варианте возможно прочесть слова *qalup* 'много', 'множество'.¹ Тогда в первом слове можно полагать слово [su]v, учитывая обрывок литеры, идущей вверх от буквы *v*. Возможно, что надпись повествовала опять о вместимости жидкостей, воды в сосуде, судя по аналогии с разобранными надписями, но пользовалась другим текстом. Однако все это остается в сфере догадок, и большее значение имеет сам факт наличия еще одной надписи, свидетельствующей о широком распространении в Чуйской долине грамотности. По времени (форма хума и палеографические особенности надписи) она входит в круг ранее изданных нами надписей.

¹ Однако в уйгурском написании иначе *قېلىپ* (см. USD, документ 16, 25). См. там же словарь С. Малова, стр. 278.

*А. Н. БЕРНШТАМ***НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ СЕМИРЕЧЬЯ**

В связи с планомерным археологическим обследованием на территории Семиречья,¹ нам удалось лично выявить ряд новых эпиграфических памятников, а также зарегистрировать находки, сделанные другими лицами и экспедициями. В настоящей заметке мы ставим перед собой задачу отметить эти находки и дать воспроизведения части обнаруженных надписей, что сделает возможным их изучение и другими специалистами.

Надписи, о которых будет идти ниже речь: 1) сирийские, 2) согдийские, 3) рунические, 4) уйгурские, 5) арабские, 6) санскритские, 7) китайские. Материал, где были встречены эти надписи, весьма разнообразен: камень (кайраки), металл (зеркала, монеты, посуда), керамика (резьба, штамп, налп).

1

Одной из ранних надписей был трехстрочный сирийский текст, вырезанный на глиняном кувшинчике, открытом в согдийском слое древнего города Тараза на Таласе (рис. 1). Надпись эта прочитана (два христианских имени „Петр“ и „Гавриил“) и подготовлена к печати покойным А. Я. Борисовым, а содержание перевода с его разрешения уже было отмечено неоднократно в печати.² Разобранная им надпись древнейшая из известных сирийских надписей, на столетие раньше известной надписи в Сианьфу.³

А. Я. Борисовым была прочитана также надгробная надпись на глиняном кирпиче, найденном нашей экспедицией на городище древнего Сарыга (Чуйская долина).⁴ Содержание надписи: „Георгий кузнец“. По археологическим и эпиграфическим данным надпись может быть отнесена к XI—XII вв.

¹ А. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КС ИИМК, XIII.

² См. первое сообщение в журнале „Наука и техника“ (№ 7, 1939), там же штриховой рисунок сосуда с надписью. — Ср.: А. Бернштам. Памятники старинной Таласской долины. Алма-ата, 1941, стр. 21.

³ Анализ этой надписи подготовлен к печати А. Я. Борисовым и будет опубликован в трудах Таласской экспедиции.

⁴ А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. XVII; ср. стр. 107.

В течение многих лет в фонды Музея национальной культуры в г. Фрунзе поступают кайраки с сирийскими надписями, случайно найденные внутри городской черты при строительных работах и за городом на „Пишпекском несторианском“ кладбище. Часть кайраков доставлена в Музей местным любителем старины врачом Деракомбодем. По общему своему облику, насколько может судить неспециалист, сирийские кайраки напоминают те же типы, которые известны по публикациям Хвольсона, Коковцова, Слудского и других. Очевидно, что это надгробия XII—XIV вв. Надписи, образцы которых приведены нами на рис. 9 а, б, в, хранятся в Музее национальной культуры, и коллекция этих надписей уже достигает двух десятков экземпляров.¹

2

Из согдийских прочитанных надписей известна одна. Чтение принадлежит А. А. Фрейману. Это надпись, вырезанная на ручке кувшина VI—VII вв. Текст „да будет полным“ опубликован А. А. Фрейманом.² Воспроизведение фрагмента сосуда с надписью опубликовано нами.³ Надпись была обнаружена на городище древнего Сарыга. Некоторые аналогичные надписи согдийским курсивом оказались уйгурскими.

3

Находок рунических надписей в последние годы, кроме тех, что были отмечены С. Маловым и М. Массоном, было мало.⁴ Наиболее интересна случайная находка бронзового зеркала танского времени из Урджар, фотография с которого была переслана нам в Ленинград (рис. 3). Об этой находке центральная газета Казахстана „Казахстанская правда“ от 5 апреля 1936 г. сообщала: „Осенью 1935 года Краевым бюро общества изучения Казахстана была организована геолого-поисковая и краеведческо-археологическая экспедиция. Местом работы экспедиции были определены район горного хребта Тарбагатай, Урджарский и Макакчинский районы Алмаатинской области и частично Кокпектинский район Восточно-казахстанской области. При помощи колхозников экспедиции удалось разыскать и получить небольшую металлическую плитку диаметром в 13 см и толщиной от 3 до 6 см, найденную на склоне кургана в урочище Сасык-Бастау, в 20 км от Урджара“.⁵

В настоящее время упомянутая металлическая плитка (зеркало) находится в Секторе Востока Государственного Эрмитажа. Будучи в Казахстане летом

¹ См. упоминание в „Путеводителе по историко-археологическому отделу“ (Фрунзе, 1942), составленном М. С. Акимовой, под нашей редакцией; ср. стр. 30.

² „Вестник древней истории“, № 3, 1939, стр. 135—136.

³ Археологический очерк..., табл. VI; ср. стр. 56.

⁴ Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936.

⁵ Летников и Дублицкий. Зеркало бронзового века. Газ. „Казахстанская правда“, 5/IV 1936 г.

Рис. 1, вверху. Древнесирийская надпись, Тараз, V—VI вв. (Казахстан).

Рис. 2, внизу. Древнетюркское надгробие VIII в. (Киргизия).

Рис. 3. Китайское зеркало с рунической надписью VIII в.
(Урджор, Кавказстан).

1936 г., я познакомился с рукописным отчетом геолога Летникова (находчика), хранившимся в Секторе истории Казахстанского филиала Академии Наук. Из отчета следует, что металлическая плитка была случайной находкой некой гражданки Рябцовой, нашедшей этот предмет на берегу арька, проходящего возле большого кургана, насыпь которого сложена из камней. Согласно суммарному отчету Летникова, можно предположить, что арык промыл погребение кургана, внешний облик которого напоминает курганы кочевников-тюрок, в достаточно большом количестве известные и частично раскопанные на Алтае.

Металлическая плитка, как правильно указывают авторы газетной заметки, представляет собой древнекитайское зеркало танского времени. Его особый интерес заключается в том, что на оборотной стороне, между рельефными изображениями зеркала, выгравирована древнетюркская надпись. На обороте зеркала посредине изображение жука служит одновременно и петлей; вокруг него четыре утки, расположенные между лозами винограда. Орнамент типично танский, рассредоточенный, вместо компактных и насыщенных изображениями зеркал ханьской эпохи.

Надпись состоит из 13 букв рунического алфавита, сделанных острым, металлическим резцом на задней (орнаментированной) стороне зеркала. По бордюру зеркала имеются еще три буквы (одна + две буквы), сделанные слабее, чем основная надпись в тринадцать букв. Надпись мы читаем справа налево, принимая за верх сторону надписи, обращенную к бордюру зеркала.

Если надпись перевернуть и сторону, обращенную к бордюру, считать низом, то получается сильная раздробленность надписи. Почти через каждую букву палатальные буквы будут чередоваться с твердыми и, таким образом, от сингармонизма не остается и следа. Иное дело при принятом нами чтении. Надпись будет тогда выглядеть следующим образом:

ҮНҮ<ВНІЈЧНННЧ
13 12 11 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

В этой строчке только одна буква, 10-я, находится в несколько необычном положении, но, зная характер надписей на таких предметах, можно предположить, что это вполне допустимое явление. Надо учесть также, что надпись резалась по кругу, и для удобства резьбы зеркало могло быть повернуто не совсем удачно, что послужило причиной ошибки писца.

В отличие от орхонского алфавита здесь мы наблюдаем букву **В**, которая характерна для палеографии кыргызского и среднеазиатского рунического письма. Остальные буквы основной надписи обычны и не представляют каких бы то ни было своеобразий. На приведенном рисунке неудачно отретушированы 3—8-я буквы, ясно читаемые на подлиннике.

Мы транскрибируем надпись следующим образом:

rq ė qzl šq ðk u lül

Связный текст получить трудно. Мы усматриваем следующие слова. Несомненно слово qyzul 'красный' (4—6-я буквы); aruq 'узкий' (или araq ?) в пер-

вых двух букв; *üç* (числительное 'три' или 'вершина'); *aşaq* (7—8-я буквы) 'долина', 'подножие горы'; *ök* 'состояние', 'смысл' (буква 9-я); *u* 'сон' (буква 10-я).

Приведенная лексика может быть обнаружена как в орхонских и кыргызских текстах VIII в., так и в словаре Махмұда Кашгарского (XI в.), язык которых наиболее близок к тюркской лексике надписей, обнаруженных в Семиречье.

По бордюру зеркала, как выше было отмечено, вырезаны еще три буквы, разведенные небольшим пространством. Исполнены они иной манерой, чем основная надпись, более небрежно и более мелким врезом. Мы читаем первую букву \uparrow — г, предполагая, что здесь слово *g*. Две другие буквы $\uparrow\uparrow$ я транскрибирую *gs* и читаю *g* *is* 'больной' (на фотографии эти буквы не вышли). Буквы эти особого типа. С. Малов при чтении палочки с руническими резами читал это начертание как γ .¹ Мы предполагаем, что в данном случае они скорее всего могут быть прочитаны как мягкое \uparrow — г, причем такое чтение дает определенный смысл начертаниям $\uparrow\uparrow\uparrow$ — *äg agis* 'человек больной' и было первым начертанием на зеркале.

Настоящее чтение предложено лишь в порядке регистрации текста. Других, более значительных текстов рунического письма нам неизвестно. Напомню, что в тюркешских монетах VIII в., найденных в Чуйской долине и Таласе, мы уже отмечали рунические знаки — слова, подобно тому, как в мусульманских монетах наличествуют предшествующие арабскому шрифту уйгурские письмена,² что свидетельствует о широком распространении рунического письма в Семиречье. Пользуясь случаем, приведем фотографию рунического текста в качестве образца почерка на могильных валунах с одного из камней, найденных у с. Дмитриевского (Талас). Многочисленные переводы этого камня никогда не сопровождалась публикациями фото.³ Камень был сфотографирован мной перед отправкой из города Джамбула в Ленинград, где он ныне хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (рис. 2).

4

Обильны находки уйгурских текстов в долине рр. Таласа и Чу. Пользуется известностью большая, но не прочитанная уйгурская надпись в урочище Чимташ, ущелье Терексай, определенная как уйгурская еще В. Радловым. Рядом с ней были обнаружены исторического содержания арабская и руническая надписи, как бы воспроизводя традиции трехязычных надписей ахеменидов.⁴

¹ С. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, стр. 6—7; см. стр. 30, строчка 1-я, буква 1-я; ср. фиг. 6 на стр. 33.

² Тюркешские монеты, ТОВ, II, стр. 109—110. Ср. табл. в нашей статье, тип II—IV.

³ О переводах этого камня см.: С. Е. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИАН, 1929, стр. 202 и сл.

⁴ М. Массов. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. Материалы Узкомстариса, 6—7, стр. 11 сл.

К сожалению, копия надписи представляет большие трудности. На имеющейся в нашем распоряжении фотографии, любезно предоставленной нам тов. Ф. И. Балдерманом, можно разобрать только отдельные слова и термины. Так, например, мы прочитали ясно написанный тюркский титул „тутук“. Для разбора надписи нужна, конечно, специальная ее копия, уже трижды не увенчавшаяся успехом.

Редкой находкой является обнаруженная во время раскопок города Тараза в 1938 г. шиферная плитка, на которой сохранились две с половиной строчки уйгурского письма (рис. 5). Плитка обломана и на ней не сохранилось всего текста, но отдельные расшифрованные нами слова позволяют утверждать, что текст на плитке уйгурский. Надпись любопытна своими палеографическими особенностями — начертаниями букв острым (металлическим) предметом по твердой фактуре шифера.

Там же, в Таразе, был найден фрагмент сосуда, на котором еще до обжига по мягкой глине было процарапано карикатурное изображение человека и обрывок уйгурского текста q^m (?) 'шамаг' (рис. 6). Возможно последняя буква t .

Относительно большое количество уйгурских надписей, частично уже нами опубликованных, было найдено в Чуйской долине.¹ Часть надписей на хумах нами предполагается опубликовать в последующих номерах настоящего сборника, в первую очередь еще одну надпись на хуме из Сарыга и двустрочную надпись на хуме из древнего поселения у с. Покровки. Этим будет исчерпан уйгурский цикл надписей, обнаруженных в последние годы нашими экспедициями в Чуйской долине.

Загадочной и быть может не уйгурской по языку является фрагментированная надпись на черепице, найденная нашей экспедицией при раскопках древнего города Баласагуна. Вообще черепица, перекрывавшая храм и жилые помещения монастыря, была покрыта разнообразными рисунками, орнаментами и, в частности, надписями, исполненными санскритским и уйгурским письмом. Уйгурская (?) надпись вырезана на черепице до ее обжига (рис. 4) весьма небрежно, но довольно уверенной рукой в две строчки, сохранившиеся неполностью. В первой строчке мы усматриваем буквы \dot{c} \bar{u} , l \bar{a} и \bar{a} w ; во второй t \bar{a} , q \bar{a} , $n(a)$ \bar{a} , \bar{a} , конечное i \bar{a} .

Быть может, здесь имя توتۇق شامەگ т. е. ... $\dot{c}^a nu T^a qtu$.

5

К пятой группе относятся арабские (быть может и персидские) надписи. Мы опускаем здесь куфические надписи на металлических изделиях типа брон-

¹ Уйгурская эпиграфика Семиречья, I. Эпиграфика Востока, I (опубликованы две надписи); Уйгурская эпиграфика Семиречья, II (в настоящем сборнике), где публикуются еще три надписи из наших собраний; см. выше, стр. 102—103.

зовых блюд и стволов подсвечников, в которых мы усматриваем главным образом повторение, *اليمن، الله*, в других случаях какой-то иной текст. Опускаем мы также здесь и многочисленные стилизации этих благопожеланий в куфических надписях на керамике.

Из этого цикла надписей отмечу, прочитанную М. М. Дьяконовым и Л. Т. Гюзальяном, надпись на обломке хума налепными буквами почерком насух из раскопок Тараза в 1936 г. Верхняя надпись почерком куфи осталась неразобранной. Надпись „сделал Йу [суф]“ (рис. 11), подобно надписям из Самарры, опубликованным Э. Херцфельдом.¹ Отмечу также клейма на венчике хума из раскопок 1941 г. на городище Сарыга (рис. 12), до сих пор оставшиеся неразобранными. Надписям на архитектурных памятниках (Гумбез Манаса или мавзолее Кенйзек Хатун в Таласе) и надписи в мавзолее Ша Мансур (г. Дамбул) посвящена специальная статья А. Беленицкого. Как правило, мусульманских кайраков в Семиречье почти нет.²

6

Среди надписей, восходящих к санскритскому алфавиту, наибольший интерес представляет надпись на черепице из раскопок Баласагуна 1939 г. (рис. 10), состоящая из пяти знаков, хорошо читаемых, но не поддающихся переводу (определение Б. И. Панкратова). Археологическими данными надпись датируется XIII веком, временем каракитаев.

Небольшая санскритская надпись обнаружена была на подножье буддийской статуэтки, найденной у с. Ворошиловское (к востоку от г. Фрунзе), относимой нами к XIII в. (рис. 7). Санскритский характер надписи и дату (XIII век) подтвердил и проф. Рахула Санкритияяна, которому мы смогли предоставить для ознакомления фотографию этой статуэтки во время пребывания последнего в Ленинграде.

К этому же циклу следует отнести и 17 камней с буддийскими формулами „Ом мани падме хум“, собранные Б. М. Зимма в урочище Ак-улен, к западу от Иссык-куля во время археологической экспедиции Киргизского педагогического института в 1937 г. Камни с надписями хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Образцы надписей приводятся нами в рисунках 13—14. Надписи, по всей вероятности, XVI—XVII в., эпохи джунгар.

7

Китайские надписи редки в Семиречье и встречаются, главным образом, на относительно поздних вещах XVII—XVIII вв. Наиболее ранняя надпись (не считая монет) явно местного происхождения обнаружена на селадоновом

¹ Ср. F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925. См. там статью: E. Herzfeld Epigraphisches, стр. 81—92.

² А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 57.

Рис. 4. Уйгурская надпись на кровельной черепице. Подпись мастера (?) XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 5. Уйгурская надпись. Юридический (?) документ. Шиферная плитка IX—X в. (Тараз* Казахстан).

Рис. 6. Фрагмент уйгурской надписи. Керамика IX—X в. (Тараз, Казахстан).

Рис. 7, сверху слева. Буддийская статуэтка XII в. с санскритской надписью.
(Сел. Ворошиловское, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 8, внизу слева. Китайская надпись на металлическом сосуде XVII—XIX вв.
(Семиречье; точно происхождение неизвестно).

Рис. 9, а—в, справа. Сирийские надгробия XII—XIV вв. (?). Несторпанское
кладбище у г. Фрунзе (Киргизия).

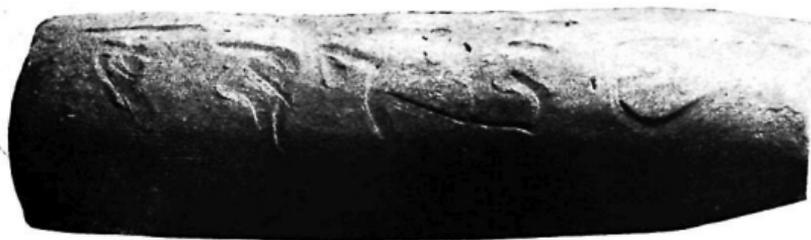

Рис. 10, сверху. Санскритская надпись на кровельной черепице XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 11, слева. Подпись мастера на арабском языке. Хум VIII—IX вв. (Тараз, Казахстан).

Рис. 12. Клеймо на глиняном сосуде X—XI вв. (Сарыг, Чуйская долина, Киргизия).

Рис. 13. Санскрито-тибетские буддийские формулы XVI—XVIII вв. (Ак-улен, Иссык-куль, Киргизия).

Рис. 14. Санскрито-тибетские буддийские формулы XVI—XVIII вв. (Ак-улен, Иссык-куль, Киргизия).

фрагменте блюда, где она процарапана довольно небрежно. Ей посвящается наша специальная заметка.¹ Другая наша заметка посвящена надписям на курильнице с датой минского времени 正德 (1506—1522 гг.), сдана для печати в „Труды“ Эрмитажа.² Среди случайных находок отмечу малую курильницу, фотография с которой была передана мне Б. М. Зимма; на дне курильницы оказался иероглиф 官 — „сюань“ (фамильный знак). Время, очевидно, джунгар (рис. 8), быть может знак последнего представителя цзиньской династии Сюань цзуна (1908 г.).

За исключением надписи на селадонном фрагменте, найденном в комплексе находок каракитайского времени (XII в.), все остальные надписи более позднего происхождения, во всяком случае, не раньше джунгар.

Из всего сказанного явствует многоязычность населения Семиречья и относительно высокий его культурный уровень в средние века, когда концентрируются в пределах одной территории семь языковых литературных групп. Это ли не показатель многоэтничного и разнообразного по культуре населения Семиречья, столь долго воспринимавшегося в исторической литературе как отсталая периферия Средней Азии?

В заключение нашего перечня основных эпиграфических находок мы не можем не выразить нашу глубокую благодарность всем лицам, способствовавшим обнаружению, фиксации и чтению обнаруженных надписей и в первую очередь тем, кто в связи с этим был упомянут в настоящей информации.

¹ Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью, КС ИИМК, XVII.

² Археологическая поездка в Семиречье 1933 г. (Государственный Эрмитаж, рукопись).

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В мае 1944 г. на полях Самарии, в 150 км от линии римских погребений и к востоку от „израильского святилища“, был найден скарабеоид из полированного агата с сероватыми полосками. На отполированном основании врезано изображение крылатого грифона, солнечного диска и урея. Под грифоном еврейскими буквами обозначена принадлежность печати лицу с египетским именем *Пт'с*, которое в семитической письменности известно с VII в. до н. э. Печать издана И. Бен-Дор (I. Ben Dor) на страницах 77—83, воспроизведена на табл. XXV в журнале „The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine“ (т. XII, № 3—4, 1947). Автор относит печать к периоду до разрушения Самарии, ранее 721 г. до в. э. Для стилистической документации привлечена, между прочим, неопубликованная ручка большого глиняного кувшина с аналогичным штампом и плохо читаемыми еврейскими буквами.

В. К.

В 1936 г. экспедиция Каирского университета им. Фуада I, под руководством д-ра С. А. Хузайна (S. A. Huza'ayin) собрала в Йемене и Хадрамауте более девяносто древнеаравских надписей. Они опубликованы в 1943 г. д-ром Х. Я. Нами (Khalil Jahya Nami) под заглавием „Record and Description of the old Semitic Inscriptions from Southern Arabia“, Cairo, 1943. В издание вошли 79 новых текстов из Йемена; два из них минейские. Хронологически надписи захватывают четыре столетия, начиная со II в. до н. э. Труд д-ра Х. Я. Нами проанализировал знаток древней Аравии, путешественник Филбей (H. St. J. B. Philby) в Journal

of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland“, 1945, части 3—4, стр. 189—196.

В. К.

Южно-арабские монеты нового типа стали известны с 1936 г. после путешествия Фрейи Старк (Freya Stark) в Хадрамаут. На лицевой стороне изображена в профиль мужская голова (царя); справа от нее тремя знаками сабейского алфавита начертано сверху вниз имя древнеарабского божества *Сйн*, слева знак м. На оборотной стороне видна хищная птица с распростертыми крыльями (может быть коршун) и по три буквы сабейского алфавита справа от нее и слева. Двенадцать монет данного собрания в Британском музее опубликовал Джон Уокер (John Walker) в журнале „Numismatic Chronicle“ (I серия, т. 17, стр. 260—279). К этой коллекции принадлежат также неизданные монеты с эмблемой *Сйна* в виде быка. Три монеты с эмблемой *Сйна* в виде птицы вместе с кратким описанием воспроизвел по изданию Джона Уокера Дитлеф Нильсен (Ditlef Nielsen) в своей книге „Der dreieinige Gott in religionshistorischer Beleuchtung“ (т. 2, ч. I, Kjøbenhavn, 1942, стр. 117—118, рис. 13).

В. К.

В апреле 1939 г. Инграмс (Ingrams) совершил путешествие из Макаллы через Бир 'Али вглубь Вади Халжр. На пути к Бана (Обна) она отмечала химьярские письмена и вновь видела надпись, открытую Вреде в 1843 г.

Продвигаясь к руинам древнейшей столицы Хадрамаута, Шабва, Херольд Инграмс (Harold Ingrams), отметил в 1942 г. многочисленные химьярские надписи, которыми усеяны

скалы и памятники по всем древним путям страны. Путешествие послужило темой для лекции в память Бёртона (Burton), которая появилась в печати под заглавием: „Burton Memorial Lecture. From Cana (Hush Ghorab) to Sabbatha (Shabwa): The South Arabian Incense Road“ в „Journal of the Royal Asiatic Society“ (1945, ч. 3—4, стр. 169—185).

Скопированную Х. Инграмс хорошую надпись с родословной царей издал Фильби (Philby) под № 1 в статье „Three new Inscriptions from Hadhramaut“ в том же номере журнала, стр. 124, 127 и сл., табл. X, перевод на стр. 132. Текст датируется около 175—160 гг. до н. э.

V. K.

В письме от 20 ноября 1946 г. из Каира корреспондент ТАСС М. А. Коростовцев писал: „... по иранистике Герцфельд мне сообщил следующее: ... знаменитый клинописный персидский архив, найденный Герцфельдом в Персеполисе, полностью погиб в Америке при попытке химически обработать его для консервации“. Таким образом больше не приходится рассчитывать на него.

Перед самой войной или вскоре после начала ее в Англии вышла книга: A Catalogue of the Arab—Sassanian Coins, by John Walker. London (British Museum), 1941, CXLI, 224 стр., с 40 табл.

Автор ее до того был известен по трем небольшим статьям, одна из которых посвящена той же группе древнейших халифских монет. На этот раз он выпустил обширный труд, вдвойне привлекающий внимание специалистов. Как следует из краткой рецензии, подписанной индиалами R. G. G. (J. BBRAS, т. 18, 1942, стр. 119—120), Уокер дал сводный каталог арабо-сасанидских монет, находящихся в Британском музее и в ряде других государственных и частных собраний. Таким образом, книга может претендовать на значение корпуса. В то же время она является первым томом нового каталога мусульманских монет Британского музея. Это позволяет надеяться, что за ним последуют и другие, которые заменят несомненно давно устаревшие уже каталоги восточных монет Британского музея (1875—1890 гг.),

и замечательное собрание станет доступным для изучения в его современном составе.

A. B.

Е. А. Пахомов. Монеты Барда'а. Известия Академии наук Азербайджанской ССР, № 4, Баку, 1944, стр. 67—71.

Институт истории Академии наук Азербайджанской ССР составляет очерки по истории азербайджанских городов. Литературных источников, археологических и других материалов по этому интересному вопросу чрезвычайно мало и потому особенную пользу в его изучении оказывает нумизматика.

Автор опубликовал в названной статье перечень монет, на которых стоит имя города Барда'. Согласно этому перечню, зарегистрирована находка тетрадрахмы Александра Македонского, селевкидские тетрадрахмы, аршакидские драхмы и римский денарий I в. до н. э. Хотя в V в. город уже существовал как крупный центр и резиденция сасанидских наместников и предполагается, что монетный двор был, однако нет никаких указаний на чеканку местной монеты ранее V в. н. э.

В первые века арабского завоевания обозначение места чекана на монетах делалось очень кратко, поэтому для первых веков халифата нельзя выделить местный чекан, и автор останавливается только на трех монетах, на которых указано имя города.

Далее, с XIII в. в городе чеканили хулагидская монета. После распада государства хулагидов их владения переходят к джалаиридам и в то время монеты Барда'а не отличаются от других джалаиридских монет.

В период завоевания Тимүра монетный двор Барда'а чеканит монету от его имени. Последний нумизматический памятник Барда'а — тенга джагатаида Махмүда, правившего с 1389 по 1397 г.

И. Бентович

В 1943 г. неподалеку от руин замка ал-Муваккар в Заиорданье, в 20—22 км на юго-восток от 'Аммана, найдены разновременные фрагменты колонны с базой и капителью, на которых высечены арабские письмена почерком куфи. Рельефная надпись в десять строк на одной стороне капители и на прилегающем отрезке ствола колонны сообщает о сооружении пруда, «бирка», по

приказанию Йазйда амира правочерных, попечением 'Абдаллаха ибн Сулайм. Между 8—9-й строками врезанные буквы и короткие отметки рельефными буквами на стволе колонны указывали в локтях уровень воды в пруде. Р. У. Хамилтон (R. W. Hamilton), издатель найденных фрагментов, в статье „An eighth century Water-gauge at al Muwaqqar“ (The Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine, Vol. XII, №№ 3—4, Jerusalem, 1946, стр. 70—72, табл. XXIII) вычисляя, что локоть „дира“, принятый строителями водомера, равнялся в среднем 44,75 см и приближался к полутора римских футов.

Л. А. Майер (L. A. Mayer), комментируя строительную надпись водомера („Note on the inscription from al Muwaqqar“ в том же номере палестинского журнала, стр. 73—74), оттеняет выдающееся значение ее, так как изо всех доступных источников только Йакут связывал имя Йазйда ибн 'Абд ал-Малика с замком ал-Муваккар. Надпись водомера датируется по имени строителя — девятого халифа из династии 'омайядов — между 101—105 / 720—724 гг.

Капитель водомера привлечена у Р. У. Хамилтона в другой статье „Some eighth century capitals from al Muwaqqar“ (стр. 63—69 того же журнала, табл. XXI—XXII, рис. 1—12) для уточнения датировки семнадцати богато и разнообразно орнаментированных капителей от колонн и пилястров, которые были зарегистрированы разными исследователями в развалинах замка между 1898—1943 гг.

В. К.

В 1946 г. опубликована в Тбилиси под редакцией действительного члена Академии наук Грузинской ССР проф. Г. В. Церетели (в издательстве Академии наук Грузинской ССР. Институт языка им. акад. Н. Я. Марра) монография В. А. Крачковской „Изразцы мавзолея Пир Хусейна“ (XI + 169 стр. + XLVIII таблиц). Глава VII посвящена специально эпиграфике XIII в. В книге из-

даны арабские надписи 641/1243—1244 г. и 634/1285—1286 г., неопубликованные люстрозные звезды и изразцовые плитки мавзолея 679—684/1280—1285 гг., хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Музее Грузии, находящиеся в Баку и в некоторых зарубежных собраниях.

Недавно полученный выпуск „Revue Numismatique“ за 1944—1945 гг. (Cinquième série, t. VIII, Paris, 1945) принес весть еще об одной утрате, постигшей [французских ученых. В отделе хроники, в заметке Adr[ien] Bl[anchet] о присуждении премий за работы по нумизматике за 1942 г. (стр. 185) сообщается, что в июле 1940 г. погиб, сражаясь за родину, молодой Французский нумизмат — востоковед Рами Котевиль-Жироде (Rémy Cotteville-Giraudet, 1906—1940). В его лице Парижский нумизматический кабинет потерял ценного специалиста по восточной нумизматике.

Р. Котевиль-Жироде впервые выступил в печати в 1938 г. двумя статьями: „Un dirchem inédit de la Horde d'or“ (Revue Numismatique, Cinquième série, t. II, Paris, 1938, стр. 89—103) и „Obole arabe de Jérusalem“ (там же, стр. 245—249); в 1942 г. за его работы по восточной нумизматике уже посмертно ему присуждена премия Эдмонда Друэна (Edmond Drouin).

А. Б.

В выпуске XV „Кратких сообщений Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра“ (М. — Л., 1947) напечатаны: неизданный доклад Н. Я. Марра „Албанская надпись“ с предисловием акад. И. И. Мещанинова (стр. 7—14); опубликована В. А. Крачковской „Арабская надпись из раскопок Н. Я. Марра в Ани“ (стр. 15—26); статья С. П. Толстова „К вопросу о протохорезмийской письменности“ (стр. 38—42).

В. К.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Мазар „Манас-гумбез“. Общий вид. Фото Ф. Бальдермана, 1924 г.	16
Мазар „Айша Биби“. Угловая колонка с персидской надписью, деталь. Фото Казахской археологической экспедиции ГАИМК 1936 г.	16
Ханаге. Акварель неизвестного художника 1851 г.	24
Караван:арай. Акварель Р. Riss, 1852 г.	25
Надгробная плита близ Дербенда, по Шуринской дороге	27
Надпись из селения Лучек	28
Надпись из селения Рутул, 683/1234 г.	28
Надпись Шйрвйншаха Халиль Аллаха I (820—867/1417—1462 гг.) из Ахти	29
Надпись из мечети Нус Мус, Ордубадского у., 720.1320 г.	30
Копия фирмана Шаха'Аббаса над воротами мечети в Ордубаде 1016/1607 г.	30
Надпись из Чираг Қал'а, VI/XII в.	31
Руины Чираг Қал'а. Акварель Ф. Рыковского	31
Руины мечети и мавзолей Ших Бабалы 670/1271—1272 г. Акварель Ф. Рыковского	32
Надгробие султана Шейх Увайса 776/1374 г. Акварель Ф. Рыковского	33
Сегумбез в Урмии 580.1184—1186 г. Акварель Ф. Рыковского	33
Мавзолей Йўсуфа ибн Кусайира в Нахичевани 557/1162 г.	33
Надпись из селения Захўр	38
Надпись из селения Захўр 766/1374—1375 г.	39
Татарская эпитафия 949/1542—1543 г. Правая сторона	42
Татарская эпитафия 949/1542—1543 г. Левая сторона.	42
Булгарский памятник с. Старые Савруши 700/1300—1301 (?) г.	42
Булгарский памятник с. Старые Савруши 710.1318 г.	43
Булгарский памятник с. Демкино 700/1300—1301 (?) г.	45
Булгарский памятник 727/1326—1327 г.	47
Булгарский памятник 727/1326—1327 г. Деталь	47
Булгарский памятник без даты	48
Фрагмент Булгарского памятника 728/1327—1323 г.	48
Надгробная плита над погребением Тимўра в склепе	52
Саркофаг из нефрита над местом погребения Тимўра	56
Торцовая плита нефритового надгробия над могилой Тимўра	58
Надпись на третьем куске нефритового надгробия Тимўра	65
Четвертая строка торцовой надписи нефритового надгробия Тимўра	68
Бронзовый подсвечник Бадр ад-дина Лулў	76
Надпись на бронзовом подсвечнике Бадр ад-дина Лулў	77
Часть бронзового запора с урартской клинописью из раскопок Кармир-блура 1946 г.	84
Фрагмент клинописной таблетки А. Кармир-блура, 1946 г.	87
Фрагмент клинописной таблетки Б. Кармир-блура, 1946 г.	87
Фрагмент клинописной таблетки В. Кармир-блура, 1946 г.	87
Армазские письма на камне в стове акрополя Багнети	92

Армзские письма на камне в стене акрополя Багнати	92
Армзские письма на золотом кольце из Мухета-Армази	93
Армзские письма на пластинке золотого браслета из гробницы Мухета-Армази	94
Сравнительная таблица алфавитов: древнееврейского, армзского, пелезвийского и парсийского	100
Обломки венчика хума из Сарыга	104
Обломок крышки хума с городища Кысмычи	104
Обломок венчика хум с окраины Сарыга	104
Древнесирийская надпись. Тараз, V—VI вв. (Казахстан)	108
Древнетюркское надгробие VIII в. (Киргизия)	108
Китайское зеркало с рунической надписью VIII в. (Урджор, Казахстан)	109
Уйгурская надпись на кровельной черепице. Подпись мастера (?) XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия)	112
Уйгурская надпись. Юридический (?) документ. Шиферная плитка IX—X в. (Тараз, Казахстан)	112
Фрагмент уйгурской надписи. Керамика IX—X в. (Тараз, Казахстан)	112
Буддийская статуэтка XII в. с санскритской надписью. (Сел. Ворошиловское, Чуйская долина, Киргизия)	113
Китайская надпись на металлическом сосуде XVII—XIX вв. (Семиречье; точно происхождение неизвестно)	113
Сирийские надгробия XII—XIV вв. (?). Несторианское кладбище у г. Фрунае (Киргизия)	113
Санскритская надпись на кровельной черепице XII в. (Баласагун, Чуйская долина, Киргизия)	113
Подпись мастера на арабском языке. Хум VIII—IX вв. (Тараз, Казахстан)	113
Клеймо на глиняном сосуде X—XI вв. (Сарыг, Чуйская долина, Киргизия)	113
Санскрито-тибетские буддийские формулы XVI—XVIII вв. (Ак-улен, Иссык-куль, Киргизия)	113

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБ — Г. В. Церетели. Армазская билингва, Тбилиси, 1941.
 ДАН — Доклады Академии Наук.
 ЗАН — Записки Академии Наук.
 Зап. РАО — Записки Русского археологического общества.
 ЗВО — Записки Восточного Отделения Русского археологического общества.
 ЗРГО — Записки Русского географического общества.
 ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
 ИАН — Известия Академии Наук.
 Изв. Азкомстариса — Известия Азиатского комитета по охране памятников старины и искусства.
 Изв. ИЯИМК — Известия Института языка и материальной культуры. Тбилиси.
 КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.
 МК — Махмуд Кашгарский.
 ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
 Самкомстарис — Самаркандский комитет по изучению старины и искусства.
 Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по изучению старины и искусства.
 ТОВ — Труды Отдела Востока. Государственный Эрмитаж.
 УзАН — Узбекская Академия Наук.
 УзФАН — Узбекский филиал Академии Наук СССР.
 CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum.
 JSFO — Journal de la Société finno-ougrienne.
 OLZ — Orientalistische Literatur Zeitung.
 USD — W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Акад. И. Ю. Крачковский. Об одном эпитете в надписи бронзового таза Лүлү	3
М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии	9
А. М. Беленицкий. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине	16
В. А. Крачковская. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике	19
С. Е. Малов. Булгарская и татарская эпиграфика	41
А. А. Семсенов. Надписи на надгробиях Тимүра и его потомков в Гур-и Эмире	49
М. Е. Массон. Третий кусок нефритового намогиляника Тимүра	63
Л. Т. Гювальян. Надпись с именем Бадр ад-дина Лүлү на бронзовом подсвечнике Государственного Эрмитажа	70
Б. Б. Пиотровский. "Город Тейшебаши" в урартской клинообразной надписи	83
И. М. Дьяконов. Фрагменты глиняных таблечек из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре	86
Г. В. Церетели. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. I	90
А. Н. Бернштам. Уйгурская эпиграфика Семиречья. II	102
А. Н. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья	107
Хроника и библиография	114
Список иллюстраций	117
Список сокращений	119

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Н. П. Ракова* и *А. С. Шамова*

*

РИСО АН СССР № 3125. Подписано к печати
18/IX 1948 г. М. Ц312. Тираж 1500.
Печ. л. 7½ + 15 вкл. Уч.-изд. л. 14 Зак. № 1247

1-я типография Издательства Академии
Наук СССР

Львипгравд. В. О., 9 линия, 1*